

Ангелина Мэй

Проклятие
медвежонка

Он — главный солист местной рок-группы, мечта всех девчонок универа, красивый, самоуверенный и самовлюблённый. Он считает себя хозяином жизни, для которой сам же написал сценарий. И всё шло по плану, пока не вмешалась она — простая, скромная и почти незаметная. Но она решила, что он непременно должен быть только её, и заплатила за это высокую цену.... Смогут ли они быть вместе, или всё-таки судьбу не обмануть? «Ифериус домингус ифериус коэлум ифериус терам витаус» — слова, перечеркнувшие весь его сценарий и разделившие жизнь на «до» и «после»....

Жизнь так коротка, цените каждую её минуту...

Предисловие.

В актовом зале универа яблоку негде было упасть. Народ толпился не только в дверях, даже в проходе. Мы с подругой припозднились, свободных мест уже не было. Оно и к лучшему. Мы «припарковались» просто идеально — в первом ряду прямо напротив сцены, которая пока пустовала в ожидании аншлага.

До начала концерта оставалось меньше пяти минут, и народ в зале начал уже беспокоиться. Повсюду раздавались свист, топанье и недовольные выкрики озабоченных фанаток. В основном поклонницы и составляли сегодняшнюю публику. Я осмотрелась по сторонам: практически одни знакомые лица. В первом ряду расположились старшекурсницы с филфака. За ними сидели «юристы» и «журналисты». Чуть подальше — «философы». В дверях же толпились лохушки и неудачницы, которым ничто человеческое не чуждо. Ведь в очках с толстенными линзами не всегда же смотреть только на лекторов. Троица красавцев, по которым сходила с ума вся прекрасная половина универа, — куда более увлекательное зрелище!

Наконец, свет погас, и включилась иллюминация. Напряжение в зале усилилось. Топот стал ещё сильнее, крики перешли в девчачий визг, какой бывает на концертах мальчуковых групп. Огромный шар, висевший прямо над сценой, закрутился, и многочисленные огни всех цветов радуги, играя в догонялки, наперегонки забегали по залу. Из-под пола, шипя и булькая, расползлся во все стороны туман, заполняя постепенно всю сцену. Затем одновременно включились прожекторы, освещая три мужских силуэта, стоящих в одинаковой позе — опустив голову и скрестив руки перед грудью.

Толпа взорвалась. Это были уже не крики и даже не визг, скорее, напоминало рёв обезумевших фанаток, усиливающийся с каждой секундой. Но это были только цветочки. По опыту, концерт универских «идолов» заканчивался настоящей вакханалией в зрительном зале.

Двое меня не интересовали. Я смотрела только на одного. Сегодня он казался ещё красивее, чем обычно. Сквозняк, хозяином гуляющий по сцене, растрепал его чёрные длинные, немного выющиеся волосы, давая всем помешанным, к которым относилась и я, возможность насладиться красотой его милого личика. Выпуклые скулы, немного задранный кверху нос, пухлые губы с пирсингом в виде маленького серебряного колечка и чуть заметная родинка над верхней губой — вот они — причины всеобщего помешательства. Подведённые стрелками и без того узкие глаза его бегали по залу, будто кого-то искали. Чёрный пиджак, застёгнутый лишь на пару пуговиц, был надет прямо не голое тело, и, если приглядеться, то можно было даже увидеть маленькие волоски, покрывавшие его крепкую

мужскую грудь.

Сердце моё затрепетало. Ветер донёс до меня его запах — запах дорогого мужского парфюма вперемешку с запахом миндального шампуня, который даже не мог перебить немного пошипывающий нос кисловатый аромат заполнившего зал тумана.

Троица заняла свои места: один из них сел за барабаны, двое, в том числе и объект моего внимания, взяв в руки бас-гитары, встали по обе стороны сцены. И под восторженные взгляды поклонниц и громкие аплодисменты началось то, ради чего все здесь и собрались.

Громкая музыка, казалось, била по вискам, заставляя иногда вздрагивать. Но то было не от страха и не от неожиданности. Всё было от восторга, который переполнял меня в ту самую минуту. Стоило ему лишь подойти к микрофону и открыть рот — и я ... пропала...

— Не даёт покоя чей-то пристальный взгляд —

Я никак не разберусь: это друг или враг.

Мне опять не уснуть в эту тёмную ночь,

Может, смотрит моя тень, может быть, чья-то дочь...

— раздавался со сцены не по-мужски нежный, томный голос. Сердце не дрогнуло бы в тот миг только у человека, у которого его не было вовсе.

Он двигался в такт музыке, периодически дёргая головой, поправляя съехавшую на глаза чёлку, и отходил от микрофона лишь в моменты проигрыша, высоко поднимая гитару и дёргая за струны так, что, казалось, ещё немного, и одна из них не выдержит. Толпа же в это время своим рёвом перебивала даже музыку. От криков, раздававшихся кругом, была вероятность потери слуха.

— Может, всё-таки да, а, может быть, и нет,

Но я жду-не дождусь, когда наступит рассвет.

Я под утро усну, но в каждом сне подряд

Мне не даёт покоя чей-то пристальный взгляд.

Мне не даёт покоя... — продолжал он.

Мне было так хорошо! Боялась, что от счастья закружится голова и я упаду прямо здесь, перед сценой. Я всё ещё не могла поверить, что это происходит со мной.

Он пел для всех. Но я знала, что эти слова были для меня одной.

Вы когда-нибудь любили настолько, что ради одной ночи с любимым готовы были продать душу дьяволу? Моя любовь была именно такой...

Глава первая «Первый блин комом»

За окнами была весна в самом её разгаре — пора, когда бушуют гормоны, «душа поёт, а сердце плачет», прямо как в песне. Но моё бедное сердце обливало слезами уже с самого начала учебного года, с того самого дня, когда я поступила в этот злосчастный университет. Нет, универ, конечно, престижный, и учиться здесь — мечта каждого абитуриента. Но для меня эта мечта обернулась проклятьем.

Судьба особо не напрягается. У всех романтичных особ в жизни один и тот же сценарий. Разве нет? Школа. Первая любовь — в началке, последняя — в старших классах. На уроках вместо того, чтобы слушать учителя, с обратной стороны тетради ты рисовала карандашом его портрет. На переменах сторожила напротив кабинета, надеясь, что он обратит на тебя внимание. Ты сходила по нему с ума. Но ни диета, ни увлечение, до него даже немислимое, «Алисой» или футболом, не помогло. Он всё равно выбрал твою одноклассницу. Потом универ. Та же история. Он — звезда. А ты — простая смертная. Поэтому и здесь никаких шансов! Только и остаётся утешать себя по ночам глупыми

мечтаниями, представляя ваш поцелуй, объятия и испытывая при этом невероятное удовольствие. А с утра в универе вновь глотать сопли, наблюдая за объектом своих грёз издалека, надеясь на то, что всё равно рано или поздно он будет твоим.

Это и мой сценарий тоже. А я — романтическая особа. Но теперь я знаю точно, что любой сценарий можно переписать, и что в жизни не всё так просто, как кажется.... Бывают вещи, не подвластные никакому объяснению....

Я — Анжелика Синицына, или Лика, как называют меня родные и близкие. Романтичность, видимо, передаётся по наследству. Имя мне дала мама, начитавшись в своё время любовных романов Анны и Сержа Голон. Бабушка же, судя по всему, увлекалась Дюма, потому как маму мою зовут Констанция Станиславовна.

И живём мы с мамой вдвоём в маленькой двушке на окраине столицы. Отец мой в лучшем мире уже лет пятнадцать. Но я получила мужское воспитание — папиным армейским ремнём, висевшим на гвоздике в маминой комнате. Я не осуждаю маму ни в коем случае. Благодаря её воспитанию я выросла порядочной и послушной, а не разбитной и гулящей, как многие девушки моего возраста. Бабушка, недавно присоединившаяся к папе, называла меня «кладом» для будущего мужа. Мама же не одобряла эти её разговоры, говоря о том, что «первым делом самолёты», ну а мальчики потом. Больше всего в жизни мне не хватает бабушки. Ведь только с ней я и могла поговорить о наболевшем, чего мама никогда бы не поняла!

Констанция Станиславовна работает учителем самого могучего и великого языка в школе № 1235 и подрабатывает репетиторством, что приносит основной доход в нашу небольшую семью. Поэтому вопроса, куда мне поступать, даже не возникало. Закончив эту же школу с золотой медалью, я без проблем оказалась в списке студентов одного из самых престижных университетов Москвы, в группе «Л-101», где и обучают тому самому языку. В универе я тоже на хорошем счету. За мои успехи в учёбе и за бойкий характер меня назначили старостой группы, а Лёня Васильков, наш народный вещатель, наградил меня прозвищем Немезида.

— Во сколько сегодня вернёшься из университета? — как всегда, стоя на пороге, меня провожала мама, по традиции, давая наставления.

— Как обычно, после четырёх. У нас сегодня четыре пары, — чмокнув её в щёчку, я повернулась к двери.

— Хорошо. Я буду дома. И не задерживайся. У меня сегодня три ученика. Поэтому ужин — с тебя.

— Ой, совсем забыла, — собрав губки бантиком, как можно жалостнее посмотрела на маму, — я же сегодня обещала Наташе после универа сходить с ней в торговый центр.

— Никаких центров. Сколько раз можно повторять: мне не нравится ваша дружба с Наташей. Ни к чему хорошему это не приведёт! — мама завелась — теперь её было не остановить.

— Ну, мамочка, ну, пожалуйста! — обняв её обеими руками, подлизывалась я.

— И не мамкай! Я сказала: после последней пары — домой!

— Ну, пожалуйста! — я всё ещё надеялась её уломать.

Не получилось...

Через час я летела от автобусной остановки к «храму науки», не обращая никакого внимания на то, что творилось вокруг. Весна уже вступила в свои права. Тёмные проталины остались единственным напоминанием о том, что совсем недавно было всё белым и

пушистым. Сейчас же, радуя глаз, кое-где показалась первая зелёная травка. Солнце, несмотря на ранний час, уже всюду припекало. Птицы суетились, прыгая с ветки на ветку в сквере, устроив такой галдёж, что я даже не слышала разрывающегося в кармане пальто телефона. Запах весны стоял в воздухе. Тот запах, от которого сжимается сердце в предвкушении новой жизни, в предвкушении перемен, которых все ждут от поры любви и вдохновения, свойственного не только «великим», но и простым смертным, особенно романтичным особам.

— Ты чего так поздно? Я уже обзвонилась! У тебя телефон где? Пара скоро начнётся. Ты же знаешь, Аделина не любит, когда опаздывают. Даже тебе не простит! — моя верная подруга встречала меня у дверей универа.

— Сначала опоздала на автобус. Потом стояла в пробке, — отдышавшись, оправдывалась я, — у тебя косметика с собой?

— Как всегда.

— Накраситься успею?

— Я помогу.

Открыв тяжёлую дверь универа, мы зашли внутрь и напрямиком в женский туалет.

— Давай косметику! — я торопилась, стаскивая в это время с себя длинную до колен синюю юбку, в которой пришла. Под ней у меня была другая: короткая, в ярко-красную клетку, модная в нынешнем сезоне. Затем сняла серую водолазку и расстегнула последнюю пуговицу кристально белой обтягивающей блузки, оказавшейся под ней. Аккуратно сложив снятые вещи, убрала всё это дело в рюкзак.

— Держи! — протягивала мне Наташа косметичку. — Вот это я понимаю. А то прям синий чулок какой-то. Неужели твоя мама не видит, во что ты одета? Она же в школе работает. Должна быть в курсе того, что носит молодёжь. Ну как можно надеть на себя эти старушечьи вещи. Ужас!

— Наташ, — я посмотрела в зеркало на подругу, — ты же знаешь мою маму: с ней лучше не спорить, — я стащила резинку с волос, и они тяжёлой светлой копной упали на плечи.

— Я вообще не знаю, как ты с ней уживаешься? Туда не ходи, то не носи! Даже краситься тебе не разрешает! Ты же не десятилетняя девочка! Хотя сейчас, наверное, и третьеклассницы красятся, — махнула подруга рукой.

— Всё! Готово! — подкрасив напоследок губы красной помадой и послав своему отражению в зеркале пару воздушных поцелуев, я с гордостью посмотрела на новую себя. — Чуть не забыла, — сунув руку в мешок со сменкой, вытащила красные туфли на высокой шпильке и отправила их туда, где они должны были находиться, поменяв местами с потёртыми на мысках стоптанными сапогами.

В это время прозвенел звонок на пару, и мы с Наташей пулей выскочили из нашей «комнаты чудесных преобразений». Нам надо было ещё подняться на второй этаж, где по пятницам у нас проходила первой парой древнерусская литература.

— Можно? — через пару минут мы уже открывали дверь нужной аудитории.

— Ай-ай-ай, девочки! — покачала головой Аделина Игнатьевна. — Как нехорошо опаздывать!

— Извините, Аделина Игнатьевна! — жалостливым голосом ответила я. — Мы больше так не будем.

— Вам, Синицына, я почему-то верю. А вот у некоторых опоздание вошло в

привычку! — строго посмотрела на Наташу профессорша.

— Извините! — опустив глаза в пол, ответила та.

— Можете занять свои места, — поправила рукой очки преподавательница и вновь вернулась к лекции.

Аделина Игнатъевна преподавала в универе, наверное, с момента его открытия. Не знаю, сколько ей было лет, но судя по морщинам, благодаря которым она была похожа на завалившуюся картофелину, можно было подумать, что она ещё царя застала. И одежда её наводила на мысль, что Аделина Игнатъевна явилась из прошлого века. Её не спасал даже парик, больше похожий на папаху, ярко-синие тени и не менее яркая красная помада, точь-в-точь как у меня. Но, несмотря на свой древний возраст, у неё была отличная память. Любой бы позавидовал! Она не только знала по именам всех студентов, но даже помнила, кто ей сдал курсовик, а кто нет, кто присутствовал на прошлой лекции, а кто прогулял. Студенты её побаивались, за глаза называя Цербершей. А мне она нравилась. Она была справедливой, принципиальной и слов на ветер не бросала. Эти качества я больше всего ценила в людях. Да и ко мне она хорошо относилась.

— Степанова! — окликнула она Наташу, в том самый момент, когда та передавала мне записку. — Чем вы там занимаетесь?

Подруга покраснела — от злобного взгляда Церберши даже у самых непробиваемых волоски на спине вставали дыбом.

— Я записываю, Аделина Игнатъевна, — сглотнув комок в горле, ответила Наташа.

— Мне кажется, вы не там записываете и не совсем то, что нужно! — не сменив тон, продолжала профессорша. — Подайте-ка мне то, что вы сжимаете в правой руке.

Наташа покраснела ещё больше, но подчинилась. Она встала с места и под смешки ребят с виноватым взглядом подошла к Аделине Игнатъевне и протянула ей записку.

— Помнится, вы сегодня хотели сдать мне курсовую работу. Ну, так как? Надеюсь, вы оправдаете мои ожидания?

Тут стало стыдно мне. Я обещала помочь подруге с курсовой, но не смогла найти время.

— Я сдам в среду. Она почти готова, — слукавила Наташа.

— Ну, как знаете. Садитесь на место, но ещё одно замечание — и вы пойдёте в коридор. Вам всё ясно?

Наташа закивала и, облегчённо вздохнув, села за парту.

— Васильков, Пенкин, Кочетыгов, Репкина, что у вас с курсовыми? — Церберша, поддерживая рукой очки, окинула всех своим убийственным взглядом. — Значит, так. Если в среду у меня не будет ваших работ, у всех будет — неуд и до экзамена я не допущу. Всё ясно?

Все провинившиеся закивали.

— Итак, продолжим урок.

— Ух, Церберша, как я её ненавижу! — выходя из аудитории в коридор, причитала Наташа.

— Успокойся. Нормальная она тётка. Ты к ней несправедлива.

— Да что ты говоришь? Вечно ты её защищаешь!

— Ладно, не обижайся. Я тоже виновата. Обещала тебе помочь. Ты понадеялась. А я... — я посмотрела на подругу.

Наташа положила мне правую руку на плечо, а левой потрепала меня за волосы. Как меня раздражала эта её привычка!

— Ну вот, опять причёску испортила, — обиделась уже я.

Подруга засмеялась.

— Кстати, — вдруг вспомнила я о записке. — Что тебе так не терпелось на уроке мне сказать?

— Да хотела узнать: ты у матери отпросилась на сегодня? Я надеюсь...

— Прости, — виноватым голосом ответила я. — Сегодня никак не получится. У мамы новые ученики. Мне нужно готовить ужин.

— Ну, вот так всегда! — всплеснула руками Наташа. — У неё каждый день новые ученики! А ты — домработница!

— Ну, правда, не обижайся, — подлизывалась я. — Возьми с собой Алика.

— Ты что издеваешься? Кто же таскается со своим парнем по магазинам? И что он мне может насоветовать? Вот у тебя глаз — алмаз. Ты всегда видишь, что меня стройнит, а что — наоборот, — Наташа вздохнула. — Ладно, честно говоря, мне и самой сегодня хотелось домой пораньше вернуться. А платье из старых выберу. Но я надеюсь, ты матери про субботу сказала? — Наташа остановилась посередине коридора, взяла меня за руки и заглянула в глаза.

По ним она всё поняла.

— Так, подруга. Всё ясно!

— Я сегодня попробую... — пыталась я оправдаться.

— Если ты ей не скажешь — я сама позвоню! — пригрозила Наташа.

— Может, не стоит мне и приходить? Ты же знаешь, не люблю я вечеринки. Да и курсовик тебе помогу, наконец, закончить.

— Нет! — уверенно выпалила подруга. — А Констанции Станиславовне я придумаю, что сказать — не в первой!

Я тяжело вздохнула. Опять придётся обманывать маму...

— Да, кстати, сегодня у нас семинар по этике?

— Нет, в следующую пятницу — успокоила я подругу.

Но сама уже не могла сохранять спокойствие Навстречу шёл он.... Меня словно током ударило. Я не чувствовала ни ног, ни рук, я не ощущала своего тела. И не видела вокруг никого, только его....

— Ааааа! «Медведи»! Смотри! — раздалось справа от меня.

— Точно! Какие красавцы! — услышала я слева.

— Боже мой! Я сейчас умру! Такие секси! — визжал женский голос позади.

— Ник! Я люблю тебя! — крикнул кто-то в толпе.

Коридор в это время напоминал зрительный зал в театре в момент аншлага.

В ту самую минуту от входной двери универа в нашу сторону направлялась троица. Всё происходило будто на замедленной плёнке.

Один из них, идущий по правую сторону, высокий стройный блондин, поправлял одной рукой съехавшую на глаза длинную чёлку. Второй — посылал воздушные поцелуи не сводившим с него глаз поклонницам. Его улыбка, подчёркнутая ямочками по уголкам губ, сводила с ума. Глаза цвета неба с длинными пшеничными ресницами бегали по сторонам, судя по всему, выбирая жертву на сегодняшний вечер. Он был в кожаных чёрных брюках, лёгкой рыжей парке, из-под которой виднелась клетчатая рубашка в бежевых тонах и цвета парки тяжёлых ботинках. Вокруг шеи был намотан белый шарф с бахромой на обоих концах. В носу блондина блестело небольшое серебряное кольцо. И оба уха, казалось, оттянулись под тяжестью серёг.

По левую сторону от него вышагивал брюнет с длинными волосами цвета шоколада, аккуратно забранными в хвост. Подведённые стрелками глаза его чёрного цвета смотрели в пол. На нём было ещё больше пирсинга, а на шее из-под обтягивающей накаченную фигуру майки, виднелась татуировка. Рукава его тёмного вельветового пиджака были в полчетверти, и на обеих руках — наколки — фигуры то ли людей, то ли животных. Из троицы он был самым невысоким, но самым широким в плечах. Он выдавил улыбку на своём лице, сделал что-то типа реверанса, задрал ещё выше голову и, не останавливаясь, продолжил шаг.

Самым последним шёл он — причина моего проклятья. Чёрные, блеском отливающие волосы закрывали половину лица, но каждый его миллиметр я знала наизусть. Его огромный портрет, представляющее собой увеличенное фото, которое я, улучив время, стащила с доски почёта, висел в моей комнате прямо над кроватью. Я досконально изучила цвет его глаз, ныне спрятанных за солнечными очками-каплями. Цвет этот был средним между карим и зелёным. Как же он был красив! Чёрный с лоском велюровый пиджак подчёркивал его идеальную фигуру, как и узкие кожаные брюки. Под пиджаком виднелся цвета шоколада шарф, повязанный в английском стиле. Такого же цвета гриндерсы, как всегда, были начищены до блеска. И вот он, по обычаю, дёрнул головой, поправляя съехавшую на глаза чёлку, и я увидела самое сексуальное его место — маленькую родинку над губой. Он держался скромнее всех, так и ни разу не улыбнувшись. Когда поравнялся со мной, я почувствовала его запах — незабываемое сочетание парфюма и миндаля. Тепло медленно разливалось внизу живота. Как обычно бывает в его присутствии.

— Какие красавцы! — продолжались восторженные крики.

— «Медведи» супер!

— Ник! Я хочу тебя! — раздавалось со всех сторон.

— Ну, чего застыла? — голос Наташи вернул меня в реальность. — Не понимаю, что ты в нём нашла? Ничего особенного! Подумаешь, песенки поёт! — фыркнула подруга.

Ох, знала бы она, что творится внутри меня, стоит лишь его увидеть. Будто наизнанку выворачивает. А от одного только его имени бросает в жар.

Если бы у звёзд на небе было имя, то самую яркую звали бы Ник. Как и его — солиста местной рок-группы «The Bears» — Никиту Домбровского — гордость универа и того, кем я бредила и грезила, о ком мечтала ночами и кому давно отдала своё сердце. Мало того, что он был прекрасен, он обладал удивительной харизмой: невидимые флюиды так и брызгали из него фонтаном, заставляя трепетать сердца не одной сотни девушек нашего университета.

— Приходят, когда захотят! — продолжала беситься Наташа. — Тут опоздаешь на пять минут — выговор. А этим всё дозволено! Хотят ко второй паре, хотят — к третьей! Бесит!

Я не слушала подругу. Оглянувшись, я провожала его взглядом до тех пор, пока он не исчез в толпе студентов.

Сегодня я его увидела — значит, день не прошёл зря.

Под впечатлением этой встречи я находилась всю следующую пару, обратив несколько раз на себя внимание преподавателя. Но моя репутация была настолько безупречна, что несколько замечаний по поводу моих витаний в облаках никоим образом не могли её подмочить.

— Сеницына, да что с вами сегодня? — водил рукой у меня перед глазами наш преподаватель этики — профессор Литвинов.

— Простите, Сергей Михайлович, — очнулась я, — задумалась.

— Немезида, втюрилась что ли в кого? — не смог удержаться Васильков.

— А ты не знаешь в кого? — ответила ему Марина Лютикова — предводительница наших Цирцей, жгучая брюнетка с нарощенными волосами и ногтями и с не менее жгучим характером.

— Ну-ка просвети! — вытянулся в струнку Лёня.

— Да идите вы! — покраснела я.

— Ещё одно слово — и в глаз! — повернулась в сторону Цирцей Наташа. — Ясно?

— Ясно! — выделяя каждый звук в слове, ответила та. — Про крышу-то я подзабыла.

— Так! — стучал по столу кулаком профессор Литвинов. — У нас вообще-то урок.

Васильков, перечислите, пожалуйста, защитные формы альтруизма.

— Чуть что, сразу Васильков, — ныл тот. — Вон Лютикова пусть перечисляет.

— Васильков, — у вас три двойки последние. А впереди — летняя сессия. Что прикажите с вами делать?

— Ну, так ведь летняя же сессия, Сергей Михайлович, — улыбался Васильков. — А сейчас только весна.

— Сергей Михайлович, — я тянула руку, — можно я отвечу?

— Вы-то знаете, Синицына, я не сомневаюсь, — вздохнул профессор. — Ну, отвечайте, раз желающих больше нет.

За пятнадцать минут до конца урока я уже не могла усидеть на месте, каждую секунду переводя взгляд на стрелки часов. Сердце моё трепетало в ожидании очередной встречи. После нас этика была в группе «Л-404», где самому могучему и великому языку, только уже четвёртый год, обучался Ник Домбровский. Его расписание я знала лучше, чем своё собственное.

Прозвенел звонок. Все поспешили на выход.

— Лица, ну ты чего там застряла опять? Ты идёшь? — Наташа стояла уже в дверях. — Мы же в столовку опоздаем.

— Ты иди. Я задержусь. Нужно кое-что обсудить с профессором, — улыбнулась я ей.

— Ну, смотри! — и она скрылась за дверью.

Я оттягивала время, то складывая тетради в рюкзак, то вновь вынимая, делая вид, будто что-то ищу.

— Вы что-то потеряли? — направляясь к выходу, поинтересовался Литвинов.

— Ничего, где-то в рюкзаке, — улыбнулась я профессору.

— Тогда до свидания! — сказал мне тот уже в дверях, — и не забудьте, Синицына, на следующей паре у нас семинар. Надеюсь, вы решите все свои личные проблемы и будете более внимательны.

— Извините ещё раз, Сергей Михайлович. До свидания!

— И ещё... — он замолчал.

— Да, Сергей Михайлович?

— Не надевайте больше никогда эту юбку. Она портит о вас всё впечатление.

Я покраснела и закивала головой. Профессор вышел.

Честно говоря, первую неделю, пока не привыкла, я и сама стеснялась носить эту юбку, которую выбрала Наташа. Но она же лучше разбирается в моде и у неё больше опыта в этом деле. Поэтому я полностью доверилась подруге, убедившей меня в том, что, если хочешь закадрить парня, не стоит скрывать свои прелести.

Я недолго оставалась одна — через минуту аудитория начала заполняться четверокурсниками.

Они проходили на свои места, бросая на меня косые взгляды. Я продолжала делать вид, будто что-то потеряла, заглядывая то в рюкзак, то под парту.

— Тебе помочь, красавица? — услышала я позади себя наглый мужской голос.

Обернулась. За столом сидел соответствующий своему голосу брюнет с гелевыми волосами. Он улыбался во весь рот, гоня языком жвачку.

— Ты не меня ищешь, лапуля? — в следующую секунду он вытянул губы в трубочку и изобразил что-то типа поцелуя.

Меня передёрнуло от такой дерзости. Я схватила рюкзак и быстрым шагом направилась к двери.

— Ну, куда же ты, красавица? Может, развлечёмся вечерком? — он под смешки подсевших к нему одноклассников, показывал неприличные жесты, раскачиваясь на стуле взад-вперёд.

Меня это так разозлило, что я просто не могла сдержаться, повернулась и показала ему средний палец, при этом, не сбавив шагу.

— Идиот! — вырвалось у меня.

Парни разошлись ещё больше. Кто-то начал хлопать, кто-то свистеть. Я прибавила скорость, развернулась и тут... врезалась в крепкую мужскую грудь. От неожиданности рюкзак, который я впопыхах не успела застегнуть, вывалился из рук, и всё его содержимое оказалось на полу, на радость виновным в этом ребятам. Моё барахло перегородило вход в аудиторию.

Я опустилась на колени и принялась всё собирать. Отправляя в рюкзак один за другим ручки, тетради, зеркальце, зачётку, я обратила внимание на идеально начищенные ботинки посередине моих вещей. О боже! Только не это! Эти ботинки я узнала бы из тысячи! Взгляд мой пополз вверх, как по дороге, обогнув сначала стройные мужские ноги, обтянутые чёрными кожаными брюками, перескочив через «лежачий полицейский» — то место, где заканчивались ноги и начиналось всё остальное. Комок, стоявший в горле, провалился, стоило лишь моему взгляду дойти до конца этого пути.

Это был тот, в ожидании которого я и попала в столь нелепую ситуацию. Это был Ник. Он смотрел на меня сверху. Волосы его качались из стороны в сторону, напоминая развевающийся пиратский флаг. Сердце моё бешено забило, я думала, выпрыгнет из груди. В ту самую минуту он присел на корточки, и его лицо оказалось прямо напротив моего. Я почувствовала головокружение. Думала, что потеряю сознание от этой близости. Рука моя застыла в одном положении — на его ботинке. Он снял одной рукой солнечные очки, отправляя их на голову. Я первый раз так близко увидела его глаза. Они почему-то показались мне не зелёно-карими, как на плакате, а чёрными, словно бездна, подведённые аккуратными стрелками. Я чувствовала тепло его дыхания и слышала ритм его сердца. Я пропала в мечтах...

— Тебе помочь? — спросил он томным голосом.

— Если не сложно, — улыбнулась я.

— Для тебя — всё что угодно.

Он поднял с пола тетрадь и подал мне, при этом наши руки коснулись друг друга. От этого прикосновение у меня защемило сердце. А тепло внизу живота, появляющееся в присутствии Ника, казалось, ударило в голову.

— О, Ник! — вырвалось у меня.

— Да, я слушаю, — ответил он, вытягивая свои сексуальные губы с пирсингом для

поцелуя.

Я же только этого и ждала. Я впиалась своими губами в его, и мир вокруг перестал существовать....

— Тебе помочь? — его голос вновь вернул меня в реальность.

Я смотрела на него и ничего не могла ответить — язык мой будто приклеился во рту.

В это самое время он с пола поднял двумя пальцами выкатившийся из бокового кармашка рюкзака «тампакс» и со злорадной усмешкой посмотрел на меня.

Я думала, от стыда с ума сойду. Щёки мои запылали, перебивая даже тепло внизу живота. Представляю, какого цвета в ту минуту было моё лицо!

Всё внимание присутствующих было приковано к нам. Вокруг раздавался смех и идиотские подколки.

— Это твоё? — улыбаясь, спросил Ник.

Я же, дура, не придумала ничего лучше, как покачать головой.

— Не твоё? — до этого совершенно идеальное лицо Ника перекосилось. — Может, у меня из кармана выпало, — продолжал он кривляться.

Аудитория при этих словах взорвалась от смеха. То ли от обиды, то ли от жалости, которую я сама к себе испытывала в тот миг, по щеке покатила слеза. Ник же продолжал издеваться.

— Народ, — он поднялся в полный рост и осторожно держав пальцами добытый трофей, вертел им у себя перед носом, — а может, у вас у кого выкатилось?

Смех становился всё громче.

Вытерев рукавом слезу, я кое-как побросала в рюкзак оставшиеся вещи и под всеобщие аплодисменты выбежала из аудитории.

— Стой! Куда же ты? — кричал мне вслед Ник.

Но я уже не слышала его.

— Здорово ты её, Ник! — поддержали его тут же все присутствующие парни.

— А тебе не жалко девчонку? — спросил Ника блондин, наблюдавший за всем произошедшим за спиной друга.

— Это она девчонка? — развернулся к нему Ник. — Ты её юбку видел? Такие девчонки не носят. Думаю, она поняла шутку.

— Напрасно ты так! — продолжал блондин.

— Микс, ты меня учить будешь? — посмотрел Ник строго на товарища. — На вот, на память! — вложил он ему в ладонь злосчастный тампон. Может, догонишь?

— Ну, и хамло ты, Ник!

— Какой есть! А ты не забывайся!

— Да ну тебя! — отошёл от него Микс, выкинул тампон в мусорку, словно баскетбольный мяч в кольцо забросил, потёр друг о друга ладони и прошёл на своё место.

— Мальчики опять что-то не поделили? — появился в дверях третий из троицы.

— Да ну его! — кивком головы в сторону Ника, ответил Микс. — Эти его дурацкие шуточки.

Виновник переполоха в то самое время поднялся по ступеням аудитории на самый последний ряд и, сначала небрежно бросив на парту рюкзак, сел, раскинувшись на стуле и положив ноги на ту самую парту. Он вновь надел солнечные очки, отдыхавшие всё это время на голове, и показал Миксу неприличный жест с участием среднего пальца.

— Да пошёл ты! — обиделся тот.

Кирилл Слепнёв, или просто Кир, а именно так звали третьего участника группы, прошёл вслед за Ником и, сняв свой рюкзак, висевший на спине, сел рядом, сложил руки на парте и положил на них голову.

— Ты спать? — спросил у него Ник.

— Угу, — ответил сквозь зубы Кир.

В аудитории стояла тишина, и все студенты смотрели только на участников столь интересной дискуссии.

Когда те замолчали, вновь поднялся шум, какой бывает обычно на переменах. Ребята, приставшие ко мне, обсуждали очередную вечеринку. Сидевшие перед ними студенты, менее озабоченные, говорили о вчерашнем футбольном матче. Компания девчонок, видимо, зубрил и отличниц, справа от тех, спорила об этических аспектах. Другая же компания, мало интересующая данной дисциплиной, обсуждала последнюю коллекцию Султанны Французовой. А недалеко от них, расположилась кучка киноманов, где разговор шёл о последней серии фильма на все века «Сумерки».

Лера Французова, «мисс университет — 2012», до сих пор, видимо, представляющая корону на своей голове, решила воспользоваться хорошим расположением духа главного солиста «The Bears». Встав с места, расстегнув последнюю пуговицу своей ярко-розовой блузки, так, что можно было разглядеть сочетающееся с цветом блузки нижнее бельё, медленными шагами поднялась на последний ряд. Она обошла сзади Кира и Ника и села рядом с последним. Тот окинул её взглядом и вновь отвернулся. Лера не спешила сдаваться. Она положила голову на плечо Никиты.

— Тебе чего? — спокойным голосом спросил Ник.

— Я соскучилась, — ответила Лера.

Ник снова посмотрел на неё.

— И чего?

— У меня родители уехали на все выходные. Я буду одна. Может, встретимся? — Лера собрала губки бантиком, явно на что-то намекая.

— Тебе что, секса не хватает? Тебя же тут караулил какой-то на крутой тачке.

— Ты про Арсена? Ну, разве он может сравниться с тобой! Я до сих пор не могу забыть нашу последнюю встречу...

— Ну не знаю, Французова. У нас концерт скоро! Нужно репетировать. А у меня столько заманчивых предложений на эти выходные! Боюсь, для тебя времени не найдётся! — ехидная его улыбка была больше похожа на звериный оскал.

— Может, передумаешь? — всё ещё продолжала висеть на нём настырная девушка.

— О! А ты Киру предложи! — толкнул Ник в бок спящего друга. — Слышь, Кир покувыркаться в выходные не хочешь? — и Ник засмеялся во весь голос.

— Дурак! — сказал Лера и с покрасневшим лицом вернулась на своё место.

— Точно, дурак! — сквозь сон ответил Кир.

Ник же продолжал хохотать таким смехом, от которого бывают мурашки по коже.

— Эй! Что с тобой? — спросила Наташа, как только я присела за наш столик в столовой. — На тебе лица нет!

Я, всё это время сдерживающая слёзы, разрыдалась, закрыв лицо руками. В нашу сторону посыпались косые взгляды.

— Ты не реви! — убрала мою руку от лица Наташа, дожёвывая своё обед. — Объясни толком, что произошло! Хотя, я догадываюсь!

Она откинулась на спинку стула, скрестив руки перед грудью.

— Это же Домбровский? Этот Казанова недоделанный? — Наташа ждала от меня ответа.

Я кивнула головой.

— Вот урод! Что он тебе сказал? — подруга перекинулась через стол и заглянула мне в глаза.

— Ничего не сказал! — вспомнила вдруг я кривляющегося Ника и вновь зарыдала.

— А ты со мной в столовку из-за него не пошла? — догадалась подруга. — Раз ничего не сказал, чего ревёшь тогда?

Я в двух словах рассказала Наташе о случившемся.

— Вот гад какой! — не выдержала та. — А ты всё сохнешь по нему! Сколько раз я тебе говорила: забудь! Он тебе не нужен! У него девчонка на одну ночь! Потом всё — ауф фидарзейн! Да пол-универа прошло через его постель. И чего по нему все с ума сходят? Ни фигуры, ни внешности, ни копейки за душой! Тебе оно надо? — Наташа протягивала мне салфетку.

Я с благодарностью посмотрела на подругу.

— На вот, возьми, — она пододвинула мне тарелку с пончиками и кофе. — Не знала, чего ты будешь!

— Спасибо! Я не хочу есть! — отодвинула я рукой тарелку.

— А я говорю: ешь! Настроение повысится! А Домбровскому мы отомстим! — Наташа загадочно улыбалась.

— Как? — зарыдала я ещё громче.

— Что-нибудь придумаю! — потирала та ладони. — Думает, он — царь и бог! Посмотрим!

Я успокоилась. Рядом с Наташей я всегда чувствовала себя уверенней. Как хорошо иметь такую подругу!

Глава вторая «Лёд и пламень»

С Наташей, как говорят, мы сидели на одном горшке в детском саду. Степановы раньше жили на одной лестничной площадке с нами. Родители дружили. И мы были «не разлей вода». Сначала ходили в один детский сад, потом в одну школу. Правда, до восьмого класса, до того, как Наташиного отца повесили, и Степановы уехали жить поближе к Кремлю. Дочь же перевели в частную школу. Наташина мама, тётя Зоя, сначала продолжала звонить моей, иногда даже приезжала в гости. Но потом как-то общение «сошло на нет».

Наташин отец, дядя Слава, был теперь Вячеславом Андреевичем — замом мэра по Восточному округу.

Наташу и раньше родители заваливали подарками, в отличие от меня. Теперь же у неё было всё, о чём только мечтают девушки в её возрасте: начиная от последней модели «айфона» до белого «Мерседеса» с личным водителем.

Отец хотел её отправить учиться в Лондон, но та симулировала нервный срыв и поступила, как и мечтала, в один университет со мной. Точнее, отец её устроил, поучаствовав в получении деканом новой квартиры.

Нас с Наташей тянуло друг к другу как два магнита. Я любила её за прямоту, справедливость и за её доброе сердце — качества не присущие нынешней золотой молодёжи. И она относилась ко мне так же. Мы были даже внешне похожи, как две сестры, за которых нас часто принимали: высокие, стройные, светловолосые, голубоглазые, обе с

веснушками.

Но характеры были абсолютно разными. Наташа была лёгкой. Она не заморачивалась ни по какому поводу: будь то учёба или новый парень. Она жила сегодняшним днём, не переживая и не оглядываясь. И всегда умела расположить к себе людей.

Я же, наоборот, как ни старалась, не могла стать лучше, чем есть на самом деле. Я вела двойную жизнь. Или даже тройную. Для мамы я была беспрекословно послушной дочерью, живя по её правилам, думая только об учёбе и своём лучшем будущем, как сказала Наташа, синий чулок. В универе, облачаясь в откровенный наряд, я пополняла ряды местных Цирцей. Но на самом деле, я не была ни той, ни другой. Скорее, я была полной идиоткой. Так как только девушка с недостатком ума, пережив издевательство парня, может продолжать думать о нём, оправдывая его действие подъёмом с утра пораньше не с той ноги или же сбившими его с пути истинного магнитными бурями.

Вот и сегодня перед сном, сидя на кровати и поглаживая его милое личико на портрете, уже забыв о неприятной истории, я тешила себя надеждами, что всё равно рано или поздно он будет моим.

Раздался стук в дверь.

— Можно? — показала в дверях мамина голова в бигудях.

— Да, заходи, — я села поудобнее, зажав подушку между ног, и приготовилась слушать мамину нотацию — это у нас было в традиции. Каждый вечер перед сном мама заходила в мою комнату и читала лекцию о правилах жизни.

— Как у тебя сегодня в университете? Всё нормально?

— Да. Всё хорошо, — как обычно, ответила я. Не могла же я сказать, что сегодня пережила унижение со стороны того, кем восхищалась и кого боготворила.

— Троек нет?

— Нет. Только пятёрки, — улыбнулась я маме.

— Вот, умничка, дочка, — мама поцеловала меня в лоб. — Папа бы тобой гордился.

— Мама, можно тебя кое о чём попросить, — осторожно начала я, вспомнив обещание Наташе быть завтра у неё на вечеринке.

— Слушаю, — сказала мама настороженно.

— Понимаешь, тут такое дело.... В общем, Наташа не успевает написать курсовую по древнерусской. А её нужно сдать в среду, иначе Аделина не допустит её до экзамена....

— Опять Наташа! — перебила меня мама. — Ты должна о себе думать!

— Ну, мама! — не дала я ей договорить. — Ведь твои же слова «сам погибай, а товарища — выручай!» Разве нет? Я обещала ей помочь.

— Чем же это она была так занята? Ты сдала курсовую месяц назад. А она что в это время делала? — возмущалась мама.

— Я не знаю. У неё своя жизнь, у меня своя. Это не моё дело, чем она занимается в свободное время. Тем более она на теннис ходит и на английский. У неё, наверное, времени не было.

— Знаю я её английский! — не унималась мама. — По кабакам, небось, хвостом крутит!

— Не говори так, я прошу тебя, — я обиделась за подругу. — Наташа хорошая, поверь мне.

— Опять та же песня! Сколько раз тебе повторять: вы с ней разные, и ваша дружба ни к чему хорошему не приведёт! Она же использует тебя — неужели ты не видишь? — мама почти кричала.

— Ну, мама! Она моя единственная подруга с самого детства. Понимаешь, у меня больше никого нет, кроме неё!

— А я не знаю, чего ты за неё вцепилась! Подружилась бы с кем-нибудь ещё. У вас в группе Аня Хворостова учится — очень скромная и хорошая девочка из порядочной и интеллигентной семьи. А ты знаешь, что наш папа, царство ему небесное, вместе с её папой в одном литературном кружке были.

— Да что ты говоришь! — каждый раз мама сватала мне в подруги эту Аню Хворостову. Я даже знала, что она скажет дальше.

— Мама у неё такая вежливая, воспитанная. Иногда мне звонит, спрашивается о моём здоровье. Говорит, что у Анечки её совсем подруг нет. А вы с ней так похожи! Может, подружиться бы уже! Давай их в гости позовём!

Я даже сморщилась, представив, что обо мне подумают, увидев рядом с этой Аней. Весь универ будет смеяться. Тогда мне точно не видать Ника, как своих собственных ушей! Аню Хворостову называют Тортиллой. У неё огромные очки с толстыми линзами, брекеты на зубах и вечно сальные волосы, зализанные в широкую косу до пят. Одежда у неё из бабушкиного сундука. Зато она самая умная в нашей группе. Наверное, правду говорят, либо ты красивая, как Лютикова, либо умная, как Тортилла. Что-нибудь одно!

Но мне искренне было жаль Хворостову. И я никогда не издевалась над ней, как Лютикова и её свита. Мы с Наташей, наоборот, вечно её защищали. Сейчас Цирцеи уже к ней привыкли. А в начале учебного года просто проходу не давали: то толкнут с лестницы, то подножку подставят. А один раз вылили ей в рюкзак воду. Видели бы ужас в глазах Хворостовой, когда она трясущейся рукой вынимала мокрые учебники и тетради. А эти стервы заливались смехом, приговаривая: «Чего ты так испугалась? Разве ты не Тортилла? Вот теперь у тебя есть собственная лужа». Тогда я уже не выдержала: взяла бутылку с минералкой, подошла к Лютиковой и под обалдевшие взгляды её группы поддержки, вылила всё содержимое бутылки ей на голову.

— Ты в своём уме? Чего творишь, дура? — запищала Лютикова.

— Ещё раз её тронешь — прибью! — сама не ожидая от себя такой смелости, выпалила я.

— Чего ты сказала, лохушка? — встав с места и направляясь на меня, как пантера перед прыжком, продолжала та.

И тут произошло то, чего я и ожидала. Наверное, поэтому я и была такая смелая.

— Повтори, что ты сказала! — услышала я Наташин голос позади себя.

— А ты не лезь, Степанова! — крикнула Лютикова Наташе. — Я не тебе это сказала!

Но подруга и не думала останавливаться. Глядя на неё, и я, сначала испугавшаяся и поджавшая хвост, тут же вытянулась в струнку, и в позе «руки в брюки» пошла в атаку.

Лютикова попятилась назад.

— Значит так, курица ты общипанная! — начала Наташа. — Ещё раз тронешь мою подругу — пожалеешь, что на свет родилась! Ты не знаешь, какие у меня связи и на что я способна в гневе! Ты поняла? — голос Наташи был непоколебим.

— И от Хворостовой отстаньте! — поддержала я подругу. — Что она вам сделала? Если бог вам мозги не дал, она виновата? — в конец осмелела я.

— Ты на что намекаешь? — не унималась Лютикова.

Не знаю, чем бы закончилась эта перепалка. Благо, прозвенел звонок, и в аудиторию вошла Аделина Игнатъевна — это произошло как раз перед её парой. Увидев строгий взгляд

Церберши, все проблемы отошли на второй план.

Именно после этой истории я и получила своё прозвище Немезида — в честь древнегреческой богини возмездия. И с этого самого дня благодарная за спасение Аня Хворостова искала повод со мной подружиться.

Я была не против общаться с ней иногда, защищать от нападок Цирцей. Но дружить? Это вряд ли.

— Ну, так что? — исподлобья глядела на меня мама.

— Что? — спохватилась я.

— Позовём их в гости?

И тут у меня появился план...

— Позовём обязательно. Только разреши мне завтра пойти к Наташе — помочь ей с курсовой, — я хлопала глазами, как наивный ребёнок, выпрашивающий конфетку.

— Хорошо! — сдалась мама. — Можешь идти к своей Наташе, — язвительно сказала она. — Но как-нибудь обязательно пригласим в гости Анечку с её мамой.

— По рукам! — протягивала я маме руку.

— И сними уже этот страшный плакат! — по традиции закончила мама наш разговор. — Как только ты спать не боишься. Ведь приснится же такой ночью — заикаться будешь!

— Мама, ну хватит уже! — я легла на подушку и накинула на себя одеяло, чтобы она поскорее оставила мою комнату.

— Мы раньше Пугачёву слушали, Киркорова, — продолжала она уже в дверях, — а вы. Тьфу, смотреть даже противно! Представляю, что эти «Медведи» за песни поют.

— И тебе спокойной ночи! — подняв голову с подушки, улыбнулась я маме.

— Спокойной ночи, родная.

Мама вышла в коридор, со скрипом закрыв дверь.

Я перевернулась на спину, окинула взглядом ещё раз свою комнату — самое любимое место, где ничего не менялось с моего детства. Кровать, на которой я спала, покупал ещё мой отец. Мама предлагала заменить её новым диваном, но я отказывалась. На этой кровати с толстой-претолстой периной, доставшейся моей бабушке в приданое, я чувствовала себя принцессой на горошине. Письменный стол цвета ореха с такого же цвета шкафом появились в моей комнате, когда мне было лет пять. Это был самый обычный платяной шкаф — не купе с огромными зеркалами и огоньками по всему периметру, как у Наташи в комнате. Но мне тоже было тяжело с ним расстаться. Бабушка, рассказывая мне в детстве сказки на ночь, начинала всегда с этого шкафа, говоря о том, что там есть невидимая людям дверь, открыв которую, попадаешь в сказочный мир с маленькими человечками и чудесами. Сколько я не пыталась отыскать эту дверь, ничего не выходило. Но я верила, что именно оттуда появляется зубная фея, чтобы забрать мой зуб из-под подушки. И через эту дверь в комнату попадает Дед Мороз в новогоднюю ночь. Как же иначе! Ведь входная дверь заперта. А живём мы на девятом этаже.

Как бы я хотела вновь испытать те чувства, что испытывала в детстве, когда шкаф был местом для прятков, самым приятным запахом — запах блинов по утрам, а самым счастливым днём — воскресенье — когда по телевизору целый день шли мультики, и не надо было идти в детский сад или в школу.

Я протянула руку к ночнику, выключила его. Комната погрузилась во мрак. Только яркий луч от лунного света, пробивавшийся в окно через щёлку задёрнутых штор, говорил о

том, что ещё один день прошёл, уступив место ночи. По всему телу пробежали мурашки от удовольствия, которое испытываешь всякий раз, оказавшись под тёплым плюшевым одеялом после тяжелого трудового дня.

Настало время мечтаний — самого любимого и приятного занятия для всех романтичных особ.

Я опять включила ночник, приподнялась, поцеловала в губы главного героя своих грёз, и погрузилась в мир последних...

Разбудил меня телефонный звонок. Так и знала — Наташин номер!

— Да, я слушаю, — сонным голосом ответила я.

— Ты ещё спишь? — голос подруги был довольный.

— Уже нет!

— Ну, как? Ты с матерью говорила?

— Всё нормально — я приду!

Громкое «Ура» на другом конце провода оглушило меня.

— Приходи часикам к шести, как раз все подтянутся.

— Хорошо, к шести буду у тебя.

— Тебя сегодня ждёт сюрприз... — загадочно продолжала Наташа.

— Я поняла. Пока, — положила я трубку, с ужасом подумав о том, что меня может ожидать. Понятие «сюрприз» в Наташином представлении несколько отличалось от моего.

Мамы дома не было — по субботам она работала. Я почувствовала радость от того, что можно будет побыть в тишине, и никто не будет «капать на мозги».

Налив чашку кофе, и сделав пару бутербродов, я заняла свое рабочее место, обложила учебниками по древнерусской литературе и погрузилась в мир былин. «Прославление самоотверженных защитников русской земли» была темой Наташиной курсовой.

Не успела я откусить бутерброд, как вновь раздался телефонный звонок.

— Что ещё? — разозлилась я на подругу, что она позвонила не вовремя.

— Чего делаешь?

— Курсовик тебе пишу.

— Супер! Ты придумала, в чём пойдёшь на вечеринку?

Честно говоря, я не ожидала такой наглости даже от Наташи. Нет, чтобы сказать «спасибо». Всё же она неисправима!

— Я хотела надеть платье чёрное в белый горох, — начала я.

— Нет! Ты что? Это прошлый век! Нужно что-то пооткровенней! — перебила меня подруга.

— Как прошлый век? Я его только осенью купила! — вспомнила я, как Наташа просто заставила меня купить это самое платье.

— Наденешь его следующий раз, — ответила она. — Слушай меня. Придешь на полчаса пораньше, подберём тебе что-нибудь из моего гардероба. Сегодня ты должна выглядеть сногшибательно!

— Что ты задумала? — последнее её слова меня напугали.

— Вечером узнаешь. Пока, — и Наташа положила трубку.

Она явно что-то замышляла. Закончив, наконец, свой завтрак, я вернулась к Илье Муромцу и Алёше Поповичу.

Время за работой пролетело незаметно. Пару раз, правда, меня отвлекала Наташа, спрашивая, какую я причёску сегодня собираюсь сделать и какие туфли надеть. Один раз

позвонила мама, предупредила, что задержится — зайдёт после школы к подруге и вернётся ближе к вечеру, чему я очень обрадовалась.

И вот наступил долгожданный вечер. Я встала из-за стола и начала собираться — до Наташи ещё час нужно было ехать на метро.

Я всегда отличалась пунктуальностью — ровно в 17:30 я звонила в домофон Наташиного дома.

— Добрый день, Анна Ивановна, — поздоровалась я с вахтёршей — бабушкой «божьем одуванчиком», которая меня, разумеется, очень хорошо знала.

— Здравствуй, Анжелика, — обменялась она со мной любезностями. — К Наташе?

— Да, Анна Ивановна.

— Она предупредила, что сегодня у неё будут гости. Родители уехали — и вы решили погулять? — ехидничала та.

— Как-то так, — не знала, что ей и ответить.

— Вы там не очень шумите! — говорила Анна Ивановна так громко, будто не только она, а все вокруг плохо слышат. — Чтобы потом родителям соседи не пожаловались.

— Хорошо, Анна Ивановна! — так же громко сказала я. — Постараемся!

Смотрите, какая добрая — предупреждает! Вообще, она бабка хорошая: всегда ласковая такая, поболтает о том, о сём. Да и жители дома её любят. Наташа сказала, она на посту здесь с момента постройки дома, так сказать «ветеран труда».

Поднявшись на семнадцатый этаж, уже через минуту я звонила в нужную дверь. Её мне открыла домработница Люся, чуть помладше Анны Ивановны, но тоже пенсионерка. Люся тоже сто лет работала у Степановых. Она придерживалась поговорки «Меньше знаешь — крепче спишь» и поэтому была на хорошем счету.

— Пришла, наконец, — бежала встречать меня Наташа по коридору.

Она чуть не сбила с ног домработницу, бросилась мне на шею и не выпускала из своих объятий, лишив меня доступа кислорода.

— Пусти! Я же задохнусь! — только и смогла вымолвить я.

Наташа расслабила руки.

— Ладно, раздевайся быстрее и в мою комнату, — отпустила она меня, наконец. — Люся! Люся! — звала она домработницу.

— Да, Наташенька! — отозвалась та из кухни.

— Тебе ещё долго?

— Минут пятнадцать осталось.

— Ну, давай быстрее и можешь быть свободной! Стол накрывает для нас, — пояснила подруга, — Всё? Готова? — взяла она меня за руку и потащила в комнату.

Квартира у Степановых была раза в три больше нашей. В одном только коридоре жить можно было. Там умещался кожаный диван шоколадного цвета, такое же кресло и огромная пальма в горшке. Помимо огромной кухни, гостиной, кабинета, у всех были свои комнаты и ещё комната для гостей.

— А куда твои родители уехали? — спросила я, переступив порог Наташиной комнаты.

— В Прагу. Отец — в командировку. А матушка за ним потащилась. Ты же знаешь, она не оставляет его одного.

— Надолго?

— Да нет, до понедельника! Так что да здравствует свобода! — вскочила на кровать Наташа и запрыгала, прямо, как я в детстве делала. Сейчас на моей кровати уже не

попрыгаешь — размер не позволяет. А вот Наташину кровать мама назвала бы аэродромом, если бы только увидела.

Комната её была в светло-бежевых тонах. Рядом с кроватью, занимавшей почти половину площади, на оставшейся половине стоял огромный шкаф-купе до потолка, туалетный столик с зеркалом, письменный стол с компьютером, кремовое мягкое кресло, два фикуса Бенджамина с меня ростом в белых керамических горшках. Сложно даже сказать, сколько метров была эта комната. Огромное окно, занавешенное шторами с бежевыми мишками, придавало уют. А многочисленные лампочки в виде свечек вместо обычной люстры, как у меня, с советских времён, делали комнату похожей на маленький дворец принцессы.

— Поторопимся! А то скоро гости придут! — слезла Наташа с кровати и подошла к шкафу.

— А родителям сказала про гостей?

— А как же! В прошлый раз скрыла, так они всё равно от соседей узнали. Мне же и влетело! Так что сегодня у нас законная вечеринка! — выделила Наташа последние два слова.

— А кто придёт? — задала я вопрос, который меня больше всего мучал.

— Увидишь! — загадочно ответила подруга.

— Ну что? Начнём делать из тебя королеву? — Наташа доставала из шкафа платье, прямо с вешалкой прикладывала ко мне, потом одни вешала обратно, а другие бросала на кровать.

Когда платья кончились, а их было не менее тридцати, точно, она закрыла шкаф и подвела меня к отложенным нарядам.

— Думаю, что-нибудь из этого. Ты туфли принесла?

— Да, в сумке.

— Какие?

— Бежевые на шпильке.

— Отлично. Значит, вот эти, — подняла она несколько платьев с кровати, отправив их обратно в шкаф, — отпадают.

— Наташенька, — раздался голос за дверью.

— Да, Люся, заходи.

В дверях появилась домработница.

— Я всё расставила. Горячее в духовке.

— Спасибо, Люсечка, можешь идти домой, — прикладывая ко мне перед огромным зеркалом шкафа ярко-фиолетовое платье с кремовыми цветами, даже не обернувшись к двери, ответила Наташа.

— Хорошо! До завтра! Приятного вам времяпровождения!

— Спасибо, Люся! — ответила та.

— Спасибо! До свидания! — попрощалась и я тоже.

— Ну, как тебе это?

Платье было супер! На Наташе я его ни разу не видела. Да и где? Она ходила в таких нарядах по клубам, где я была только один раз в жизни. И тот раз удачным назвать было нельзя!

— Мне нравится, — улыбалась я.

— Тогда быстро надевай! Будем делать лицо и причёску!

Через двадцать минут я была готова. Ох, если бы только мама видела бы меня в ту минуту! У неё инфаркт бы случился, не иначе. Платье еле-еле прикрывало самые выдающиеся, в прямом смысле слова, места, как сверху, так и снизу. Да ещё на спине была кремового цвета гипюровая вставка, так, что было видно, какого цвета моё нижнее бельё.

— А это не чересчур? — заикаясь, взглянула я на подругу.

— Самое оно! — подняла она кверху большой палец.

Я продолжала стоять у зеркала и не узнавала себя. Волосы мои, забранные сверху и начёсанные, напоминали «папаху» Аделины Игнатьевны. Чем-то я была на неё похоже, наверное, боевым раскрасом.

— Красавица! — подытожила Наташа.

И я немного успокоилась, поверив подруге.

— Кстати, — обняла она меня за плечи, — нужно что-то решать с Домбровским!

— Может, не надо? — за ночь я поняла, что погорячилась с мезью.

— Ты опять? — строго взглянула на меня подруга.

— Ну и что ты придумала? — спросила я чуть слышно, боясь услышать ответ.

— Ладно! Скажу тебе! Хотела чуть позже, но не могу удержаться! — посадила она меня на кровать и села рядом.

— Помнишь, я рассказывала тебе про друга Алика, ну крутого такого. Отец у него ещё банкир.

— Нет, не помню. Ты мне про кого только не рассказывала.

— Ну, вспомни, Сева Макаровский. Он учился у нас в универе. Потом уехал в Лондон за своей девушкой. Помнишь?

— Ну, что-то припоминаю. И при чём тут Ник?

— Слушай дальше. Он расстался со своей девушкой и вернулся в Москву. Будет восстанавливаться в универе. Классно, да?

— Не знаю. Но при чём тут Ник? — всё ещё не понимала я, к чему она клонит.

— Сева — друг Алика. Понимаешь?

— Нет!

— Ну, ты и тугодумка! Макаровский сегодня придёт вместе с Аликом. Он сейчас в поисках новой девушки, и мы с Аликом решили его познакомить с тобой.

У меня глаза на лоб полезли.

— Ты с ума сошла? Зачем его со мной знакомить?

— Ты же хочешь нормального парня закадрить? Макаровский — идеальная кандидатура. Богатый, известный, а такой красавчик! С ума сойдёшь — увидишь! Нечета этому твоему Тарзану! У него знаешь, какое прозвище было в универе — Брэд Питт.

— Но...я.... — у меня не хватало слов.

— Как только его увидишь — сразу влюбишься, это я тебе гарантирую! И забудешь этого урода — Домбровского.

— Но прежде, чем полюбить, нужно хорошо узнать человека! — защищалась я, как могла. — Вдруг, с ним и поговорить не о чем будет.

— А чего тебе с ним разговаривать? Девушки замуж выходят, чтобы с мужем разговаривать?

— Ну, и это в том числе, — пыталась я образумить подругу.

Напрасно.... Та была непреклонна и стояла на своём!

— Думаешь, тебе с этим Домбровским будет, о чём поговорить. Да он только и умеет

петь свои тупые песни — в них даже смысла нет.

— Ты ошибаешься! — наговоров на своего кумира я не могла простить даже лучшей подруге. — Они все со смыслом. Просто тебе не понять....

— Ты хочешь, сказать, — перебила меня Наташа, — что это я тупая?

Спорить с ней было бесполезно — Наташа всегда была права! И я поспешила перевести разговор на другую тему.

— Ладно! Я познакомлюсь с этим вашим Макарским. Но, если он мне не понравится, ты больше не будешь меня за него сватать. Идёт? — протягивала я подруге руку для перемирия.

— Идёт! — ответила та рукопожатием.

И тут наш спор прервал звонок в дверь. Пришли гости....

В это самое время стены университета дрожали от громкой музыки, доносившейся из актового зала. Припозднившиеся студенты и преподаватели спешили домой, двигаясь ей в такт. Компания же из трёх музыкантов домой не спешила, погружившись в свой мир — мир тяжёлого рока и грустных песен о нелёгкой доли рок-музыканта.

— Давайте ещё раз второй куплет! — кричал в микрофон главный солист «Медведей».

— Ник, нормально же сейчас спели! — отвечал ему блондин — Стас Миксонов, Миксер или просто Микс.

— Где нормально, Микс? Ты в ноты не попал. Кир вообще спит, по ходу.

— Ладно, Ник, не заводись, — ответил Кир, сидевший за барабанами. — А тебе, Микс что сложно ещё раз сыграть?

— Да задолбался уже! — не выдержал Миксер. — Три часа уже репетируем! Домой хочу! Хочу пива и девчонок!

— Ещё одно слово, — повернулся к нему Ник, — и ты труп! Играл бы лучше — давно бы дома был!

— Да пошёл ты! — ответил Микс. — Всегда всё за нас решаешь! Не, Кир, а ты чего молчишь? Ну, скажи, мы плохо сыграли? Ну, нормально же! — просил он поддержки у барабанщика.

— Ладно, Микс, не кипятись! — взглянул на него тот исподлобья.

— Не, ну вы сговорились, что ли? — развёл руками тот.

— Ладно, поехали! — Ник вытер пот с лица рукавом балахона. — Раз... два... три....

Без тебя мне не светит солнце,

Не могу открыть глаза,

Мне будет очень больно,

Когда увижу, что нет тебя.

Я наивно надеюсь,

Что это лишь сон,

Но, очнувшись, я понял,

Ты не вернулась в мой дом...

Что за кара свалилась на меня с небес?

Я метаюсь по дому, будто вселился бес?

Надоели все письма, и я их сжёл,

Только то, что ты писала, я уничтожить не смог.

Я надеюсь, что ты вернёшься,

И я обрету покой...

Я надеюсь, что ты вернёшься

И останешься со мной...

Я надеюсь, что ты вернёшься,

И я стану тем, кем был...

Я надеюсь, что ты вернёшься,

Чтобы я ко всему не остыл... — изливал душу главный солист, обняв обеими ладонями микрофон.

Окна снова дрожали...

Несмотря на протест Миксера, репетиция продолжалась ещё долго, и вот, наконец, музыка стихла, на радость сторожу, единственной живой душе, оставшейся в столь поздний час в универе.

— До свидания, ребята, — радостный, что, наконец-то сможет насладиться тишиной и заварить себе порцию «Роллтона», быстро запер он входную дверь изнутри.

— Завалимся на диван, откроем пивасик и позвоним кому-нибудь из девочек... — мечтательно произнёс Микс, спускаясь по ступеням университета.

— А у нас пиво осталось в холодильнике? — спросил Кир.

— А я думал, ты угощаешь! Ты вчера разве не настрелял в переходе? Тебя же часа три дома не было!

— Ладно! Уговорил! — похлопал Кир друга по плечу. — Тогда девочки с тебя! И не как в прошлый раз: тебе красивая досталась, а мне — Квазимода отдыхает.

— Окей! Есть у меня две красотки на примете.

— Только пусть тоже что-нибудь захватят.

— Обижает, — сказал Микс, которому не было равных в «разводе» девчонок. — Ник, ты с нами?

— Нет! — сказал тот как отрезал.

— Домой?

— Не думаю! — загадочно произнёс он.

И тут внимание троицы привлекла припаркованная у ворот универа красная «Ауди ТТ». Стекло водительского окна поползло вниз, и скоро в нём показалось милое личико бывшей «мисс университет» с тонкой сигаретой в руке. Она улыбалась своей очаровательной улыбкой, другой рукой отправляя за ухо съехавший на лоб белый локон волос.

— Ну, привет! — сказала она.

— Привет! — всё-таки улыбка Ника чем-то была похожа на звериный оскал.

Походка его тут же изменилась, напоминая Антонио Бандероса в фильме «Отчаянный».

— Подвезти? — кокетничала Лера Французова.

— Попробуй! — ответил мачо и, тут же забыв про друзей, прыгнул на пассажирское сиденье рядом с водителем. И «Ауди» исчезла в темноте ночи.

— Нет, ну нормально? — оторопел Микс. — Ни здрасьте тебе, ни до свидания! И вообще, почему всегда Ник? Ему все лавры! Мы же группа. Все богатые тёлки на него вешаются! А нам так: что останется!

— Это жизнь, старик! — похлопал его по плечу Кир.

— Прошлую неделю он знаешь, с кем тусил?

— С Аней с Рублёвки?

— Нет, до Ани.

— Не знаю, я уже сбился со счёту.

— С Амелиной — наследницей гостиничного бизнеса... — полушёпотом ответил Миксер.

— Ну и? — не понял его тона Кир.

— И её кинул! — ответил Стас. — Я его вообще не понимаю! Из кожи вон лезет, чтобы стать известным рок-музыкантом. Мог бы жениться на дочке олигарха. Тесть бы всё устроил!

— Ты так думаешь? Да кому нужен такой зять? У него только и есть его голос и внешность — за душой — ни гроша! — пояснил Кир.

— Да, ты прав! Ну, ты знаешь, я думаю, у нас всё получится. Ник сказал, что у него есть на примете продюсер. И очень скоро он с ним договорится! — с надеждой в голосе сказал Микс.

— Посмотрим. Ладно! Поехали уже, — открывал Кир дверцу старенькой серебристой «Тойоты».

Глава третья «Гости»

— Моя подруга, Лика, — представляла меня Наташа смазливому парню, лишь только тот переступил порог её квартиры.

— Анжелика, — протянула я руку.

— Очень приятно. Всеслав Макарский, для друзей просто Сева, — он по-джентельменски поцеловал мою руку и улыбнулся.

Наташа оказалась права — Макарского, действительно, можно было назвать красавчиком: рост его был невысоким, но зато фигура всё восполняла. Явно натренированные мышцы подчёркивало поло бежевого цвета, которое было на нём и прекрасно сочеталось со светло-голубыми, рваными на коленках джинсами. Я предпочитала брюнетов. Но белый цвет волос, несомненно, подходил милому личику Севы с не менее очаровательной улыбкой, подчёркнутой ямочкой на подбородке. И тут я вспомнила, кого он мне напоминал — Кена — парня Барби, идеала мужчины для всех девчонок. Он был похож больше на Кена, чем на Брэда Питта.

— Ну, проходи уже! Чего застыл? — толкал его сзади Алик — парень Наташи, желающий тоже попасть в квартиру.

С Наташей они встречались полгода. Алик учился в нашем универе на факультете журналистики, на последнем курсе. Он был родом с Кавказа. Отец его был высокопоставленным чиновником. И Алик полностью соответствовал своему происхождению и положению в обществе, имея всё для этого необходимое: яркую восточную внешность и новенькую «Ламборджини».

— Привет, дорогой! — бросилась ему на шею Наташа.

— Привет, пупсик, — ответил тот, и их губы слились в поцелуе.

— Ну, хватит уже! — толкал друга в бок Макарский.

— Что? Завидно? — кривлялся Алик. — Ну, ты смотри — не теряйся!

— Раз все в сборе, можно за стол, — забирая огромный букет роз из рук возлюбленного, пролепетала Наташа.

— Как все? — удивлению моему не было предела — словом «вечеринка», я думала, называется куда большая компания.

— А тебе кто-то ещё нужен? — смотрела на меня хозяйка квартиры.

— Я думала, будут ещё гости, — смутилась я.

— Да нам и вчетвером неплохо будет, правда, милый? — повисла Наташа вновь на

Алике.

— Конечно, Натусик, — поцеловал он её в лоб.

— Ну, прошу к столу! — торжественно объявила Наташа.

Да, сваха из неё получилась бы отличная. Она всё придумала так, чтобы свести меня с этим Макарским. И план её удался.

— Шампанского? — наклонил «жених» бутылку «Абрау Дюрсо» над моим бокалом.

— Спасибо, я не пью, — злобно ответила я, всё ещё обижаясь на Наташу.

— Совсем не пьёшь? — удивился тот.

— Только по праздникам, — продолжала я всё тем же тоном.

— А сегодня не праздник разве? — не сдавался Сева.

— Наташа, ты хотела горячее подать. Тебе помочь? — проигнорировав его вопрос, подмигнула я подруге.

— Ой, точно! — спохватилась та, до этого не отлипавшая от своего парня. — У нас же ещё горячее!

Как только мы вошли на кухню, я налетела на подругу.

— Наташа, ты в своём уме? — крутила я пальцем возле виска.

— Да, успокойся! Чего ты паришься? — спокойно ответила та, доставая горячее из духовки.

— Ты всё это спланировала? Пригласила только ребят! Алик — твой парень, понятно. А что этот Макарский про меня подумает? А если он ко мне приставать начнёт, решив, что для этого я и пришла.

— Расслабься ты и отдыхай! — всё так же спокойно продолжала Наташа. — Разве он тебе не понравился? Скажи, красавчик! Ох, не было бы у меня Алика, я бы не растерялась! — мечтательно вздохнула она.

— Но, может, тебе второго парня завести, раз уж он тебе так нравится, — надула я губы. — Я не ожидала от тебя такой подставы!

— Я же хотела, как лучше! — сделав вид, будто сейчас заплачет, ответила Наташа.

— Я понимаю, встретились бы в кино или в кафе, но не на квартире же! — продолжала я её отчитывать.

— Да ничего он не подумает! — махнула подруга рукой. — Поболтаете, потанцуете, познакомитесь поближе и всё! Потом сама же «спасибо» скажешь!

— Спасибо? Да у него на лбу написано «кобель». Думаешь, ему нужны танцы и разговоры?! — я разошлась.

— Лица, он нормальный парень! И очень переживает из-за расставания с девушкой. Он с ней, между прочим, года два встречался.

— Но ведь расстался же!

— Девчонки! Ну, вы скоро? А то мы проголодались! — доносился голос Алика из гостиной.

— Ладно! Пошли! — взяла блюдо с горячим Наташа, — и расслабься, раз уж пришла!

Расслабиться, конечно, у меня не очень получилось. В компании ребят я даже рядом с Наташей чувствовала себя не уверенно. С парнями я встречалась три раза за свою жизнь, если это можно было так назвать. Со всеми меня знакомила Наташа — то были её друзья. С первым, кажется, Олегом, я пару раз ходила в кино, потом он начал распускать руки и получил по заслугам. Разумеется, больше мне не позвонил. Второй, Костик, держался неделю. Затем та же история. А последний был Игорь. Он оказался самым стойким. Егс

хватило на две недели. С ним у меня был даже первый поцелуй, о котором я теперь горько сожалела. Затащив меня в ночной клуб и подкрепившись коньяком, он, наконец, показал свое истинное лицо, поставив мне ультиматум: либо мы едем к нему, либо разбегаемся. Конечно, я выбрала последнее. Ох, сколько раз из-за него мне пришлось обманывать маму, выкручиваясь всякий раз.

Но это было в моей прошлой жизни, когда ещё не было Ника. Сейчас же мне нужен был только он. Весь этот боевой раскрас, откровенные наряды в универе — всё ради него!

Поэтому рассматривать Макарского как кандидата в ухажёры у меня не было никакого желания!

Весь вечер тот не давал мне прохода. Я же отшивала его, как могла.

— Кажется, я тебе неприятен? — спросил он, наконец, в конце «вечеринки», когда я засобиравалась домой.

— Ничего личного! — ответила я — мне не хотелось никого обижать.

— А ты мне понравилась! — улыбался он во весь рот, смущая меня своей милой ямочкой на подбородке. — Знаешь, какие качества в девушке самые ценные?

— Ну? — посмотрев на часы, встала я из-за стола.

— Ум, простота и порядочность.

— А как же красота? Фигура? Для тебя это не имеет значения? — спросила я с ухмылкой.

— Это уже во вторую очередь.

— Где уже там Наташа с Аликом? — нервничала я, потому как надо было вернуться домой засветло.

Зазвонил телефон.

— Да, мама, слушаю, — ответила я на звонок. — Да, закончили. Собираюсь домой. Скоро приеду. Нет, ужинать не буду, мы поели у Наташи. Всё целую. До встречи!

— Строгая мама? — заметил Сева.

— Нормальная, — дала я ему понять, что не хочу продолжать этот разговор.

Так и не дождавшись подружку, я подошла к двери, надела сапоги, плащ.

— Я отвезу тебя! — вышел Макарский в коридор вслед за мной и потянулся к дверной ручке.

— Не стоит! — грубо ответила я. — На метро быстрее будет. Передай Наташе «спасибо» за вечеринку.

— Мы же ещё увидимся? — не отставал надоедливый ухажёр.

— Вряд ли! — оборвала я его.

— Я тебе совсем-совсем не понравился?

— У меня есть парень!

— У тебя есть парень? Это интересно! — не верил моим словам Макарский. — И кто же он?

— Тебя это не касается!

Я потянулась к ручке двери, он схватил её первый. Я почувствовала на себе жар дыхания.

— Лучше пусти! — не поворачиваясь, пригрозила я.

— А то что?

— Пусти, говорю!

В следующую минуту послышался звук открывающейся двери в комнату и шёпот

Наташи и Алика. Сева отвлёкся. А я воспользовалась моментом, выскользнув из его ловушки.

— А где Лика? — спросила Наташа у Макарского, оглядев гостиную и поняв, что он в ней один.

— Уехала домой, — наливая себе очередной бокал шампанского, ответил тот.

— Почему же мне ничего не сказала?

— Она не дождалась тебя. Вам же в спальне было, чем заняться.

В комнату, застёгивая пуговицу на рубашке, вошёл Алик:

— Ну, что, денди лондонский, кинула она тебя? — спросил он друга, протягивая тому свой пустой бокал.

Макарский наполнил его «напитком аристократов», освободив бутылку.

— Хозяйка, шампусик ещё есть? — обратился он к Наташе, задумавшейся о чём-то.

— Что? Что ты сказал? — опомнилась она.

— Шампанское ещё осталось?

— Да, кажется.

— Ну, так, тащи.

Наташа вышла на кухню.

— Ну, колись! — присел Алик на ручку кресла, где сидел Макарский, — ничего не было?

— Алик, у тебя одно на уме! — вздохнул Сева.

— А у тебя нет? Ты в монахи записался? Не мог девчонку уломать? — кривлялся тот.

— Анжелика не такая! — задумчиво произнёс Макарский, сделав очередной глоток. — Ты знаешь, она чем-то похожа на Веронику.

— Да забудь ты уже про эту сучку. Ты из-за неё универ бросил, в Лондон поёрся, а она променяла тебя на какого-то докторишку, — Алик опустошил бокал, поставив пустой на стол. — Наташа в магазин что ли пошла за шампусиком?

— Ты не знаешь всей истории, поэтому не суди. Я сам виноват во всём! — грустно произнёс Сева.

— Страдать из-за баб! Смешно смотреть! Красавец, богач, да ты только пальцем помани — любая с тобой пойдёт! — согнув указательный палец, показал Алик жест, которым обычно манят собаку.

— Знаешь, Алик, эти слова я уже слышал! — задумался Макарский.

— Значит, не только я тебе мозги вправляю!

— Был у меня один друг, он сейчас в Италии живёт, рассуждал так же, как и ты. И жил так же. Но понял, что такое счастье только тогда, когда осознал, что жизнь его была ложью. Хотя, — Сева посмотрел на друга, — все же люди разные. Может, тебя это и устраивает. Но жить, как ты, я тоже не могу.

— Ну и дурак! — покрутил у виска указательным пальцем Алик. — Многие бы мечтали оказаться на твоём месте: крутая тачка, целый банк денег. А кругом такие красотки! Нужно радоваться жизни! А не страдать! — он наклонился ближе к другу и сказал почти шёпотом. — Я вообще был против этой Лики. Это Наташа настояла на вашем знакомстве. А я не могу её сейчас обидеть — она мне ещё нужна.

— Я очень благодарен за это Наташе, — так же шёпотом ответил Макарский. — Лика мне понравилась. А ты рано или поздно всё равно всё поймёшь, — похлопал Сева друга по спине.

— Ну, и скучный ты тип, Макаровский, — встав с места, ответил Алик. — Наташ, ну где там наше шампанское? — крикнул он.

— Уже несут! — послышался ответ из кухни.

Наташа всё это время пыталась дозвониться до меня. Напрасно... Я на неё обиделась и не собиралась брать трубку, сбрасывая каждый её звонок.

После пятой неудавшейся попытки, Наташа отбросила в сторону телефон, недовольно фыркнула, вынула из холодильника бутылку «Абрау Дюрсо» и вернулась к ожидавшим её гостям.

Я в это самое время уже лежала в кровати, ожидая маминых наставлений. Она не заставила себя долго ждать.

— Как успехи? Дописали курсовую?

— Да, почти закончили. Немного осталось, — пряча взгляд от мамы, ответила я.

— Да, кстати, знаешь, к кому я заезжала сегодня после работы?

— К кому?

— К Хворостовым, — довольным голосом сообщила она.

Да, мама — молодец, время зря не теряла! Наверное, побоялась, что я могу и передумать.

— Завтра Ольга Дмитриевна и Анечка приедут к нам в гости, — ошарашила меня мама. — Так что нужно будет с утра прибраться и помочь мне с праздничным обедом.

— Конечно, мамочка, — сдерживая негодование, ответила я.

— Так что не буду больше тебя мучить. Спокойной ночи, — наклонилась мама над моей кроватью и чмокнула меня в лоб.

— Спокойной ночи, — пожелала я. — Вот чёрт! — вырвалось у меня, стоило лишь двери закрыться.

Упоминание нечистого, тем более перед сном, было плохой приметой, но я не могла удержаться, настолько меня взбесила новость о нежеланных гостях. Придётся целый день слушать разговоры о возвышенном и терпеть надоедливую Хворостову, которая, как жвачка, нет, хуже, как банный лист к одному интересному месту приклеится, не дав и шагу ступить.

Вчера Ник, сегодня Наташа с этим своим сватовством, теперь ещё Хворостова как снег на голову — похоже, в моей жизни началась чёрная полоса.

Я протянула руку и выключила ночник. Морфей задерживался. Перевернувшись раз двадцать с одного бока на другой, сосчитав два стада овец, я поняла, почему не могу уснуть, — я не выполнила ритуал на ночь. Я вновь включила ночник, приподнялась с кровати и прижалась к стене. Постояв так минуты две, поцеловала сначала в обе щеки, затем в губы бумажного Ника и, пожелав ему «Спокойной ночи», погрузилась в мир мечтаний.

Главный же герой моих грёз в это самое время находился на другом конце города в полутёмной комнате, заставленной ароматизированными свечами.

— Уже уходишь? — Лера, завёрнутая в шёлковую бежевую простыню, прилипла к обнажённой спине Ника с огромной татуировкой, сидевшего на краю кровати и натягивающего самый значимый предмет мужского гардероба, который представители сильного пола обычно получают в подарок на 23 февраля.

Тот никак не реагировал на её поглаживания и поцелуи, продолжая заниматься своим делом.

Закончив, он встал с кровати, поднял с пола брюки, скинутые впопыхах несколько минут назад и быстро, прыгая то на одной, то на другой ноге, отправил их на своё место.

Лера поднялась с кровати, подошла к нему поближе.

— Тебе помочь? — спросила она, видя, что Ник никак не может застегнуть ремень.

Он опять ничего не ответил. Волосы мешали, спадая ему на лицо. Он дёрнул головой, поправляя их. Наконец, и ремень был застёгнут.

Не обращая никакого внимания на Леру, которая, явно хотела продолжения «банкета», Ник отодвинул её в сторону, будто мебель, подошёл к кровати, нашёл свою футболку. Быстрым движением он натянул её, закрыв своё красивое накаченное тело.

Затем он вытащил «Айфон» из кармана брюк и набрал чей-то номер.

— Алло. Вы где сейчас? По дороге? Можешь забрать меня? Ну, не на метро же мне ехать! — тут Ник, наконец-то, обратил внимание на Леру, в недоумении стоящую в том же положении, в котором он её оставил. — Какой у тебя адрес?

— Гоголя, 17 -305, - ответила та.

— Гоголя, 17-305, - повторил Ник её слова в трубку. — Когда будете? Через полчаса? Ок! Жду!

Он сел на кресло, взял с журнального столика начатую бутылку красного вина, налил полный бокал и залпом выпил. После этого снял с себя футболку, бросил её на кровать и принялся расстёгивать ремень.

— Ну, чего стоишь? — спросил он у оторопевшей Леры. — Иди сюда! У нас ещё полчаса!

Через тридцать минут Ник уже садился в остановившуюся около подъезда знакомую «Тойоту».

— Ну, ты даёшь, Ник! — не успел тот ещё закрыть за собой дверцу, напал на него Миксер. — Мы уже почти до дома доехали. И тут тебе приспичило!

— Брось, Микс, — ответил Ник, — вы же хотели, чтобы я поехал с вами, — похлопал он друга по плечу.

— Ты не домой? — обрадовался тот.

— Сегодня мы едем в клуб! Я угощаю! — уселся он поудобнее, запрокинув голову.

— Ништяк! — ударил кулаком по коленям Кир, сидевший впереди на пассажирском сидении.

— Круто! — согласился с ним Миксер.

Спустя время, тройца уже стояла возле барной стойки, отпивая пиво из бокалов. Клуб «Куба» был излюбленным местом всех студентов с папиными кредитными карточками, включая и учащихся нашего универа. Оформленный в стиле «бич», он полностью оправдывал своё название. Яркие огни, от которых рябило в глазах, мелькали без остановки. На стене — 3Д-обои, создающие атмосферу летних каникул с пальмами, яхтами, коктейлями «Пина-колада» и полуголыми красотками, по карману только наследникам состоятельных родителей. По залу ходили официантки практически в одних купальниках, закрытых лёгким парео. Ник был завсегдатаем «Кубы», иногда они с ребятами здесь выступали.

— Привет, ребята, — пытаюсь перекричать громкую музыку, бьющую по вискам, подошла к стойке их однокурсница Майя Палёнова — подруга Леры.

Она была уже навеселе, даже можно было узнать причину веселья — запах виски чувствовался за километр. Обняв и поцеловав всех по очереди, она рыскала по залу глазами.

— Кого-то потеряла? — обняв её рукой за талию, спросил Ник.

— А где Лера? Она разве не с тобой? — удивлённо посмотрела на него Майя.

— А тебе она нужна? — прошептал он ей на ухо, слегка укусив за мочку.

Майя растерялась.

— Нет, ну она с нами в клуб не пошла. Сказала, что будет ждать тебя после репетиции. Хотела романтическую ночь устроить, — перечисляла все жертвы, на которые пошла её подруга ради Ника.

— Считай, она облажалась, — всё так же шёпотом продолжал Ник. — Слушай, а вон та девчонка в зелёном платье, что танцует справа от вашей компашки. Я её который раз здесь вижу. Ты знаешь, кто она?

— Высокая блондинка?

— Там одна в зелёном платье, — разозлился Ник, кивая в сторону стройной яркой блондинки с короткой стрижкой в откровенном изумрудном платье со стразами, не скрывающем все её достоинства. Под громкую быструю музыку с нотами восточной, она двигалась прекрасно, успевая изобразить и танец живота и элементы хип-хопа.

— Ты не в курсе, кто она? — удивилась Майя. — Это же Рита Зацепина.

— Дочка продюсера? — перебил её Ник.

— Да, модель. Её во всех журналах печатают. Жаль, что мой отец не продюсер, — с печалью в голосе закончила Майя.

Ник не сводил глаз с блондинки в зелёном. На лице показалась напоминающая звериный оскал улыбка.

— Я так и знал! — загадочно произнёс он. — Это и есть моя королева! Королева Марго! — сказал он себе под нос.

— Что ты сказал? — не расслышала либо не поняла его слов Майя.

— Забей! — ответил Ник, продолжая пялиться на блондинку. — Оторвёмся сегодня?

— Давай! — уже висела на нём Палёнова. — Но как же Лера? — вдруг вспомнила она про подругу.

— Можно подумать, это раньше тебя останавливало.

Майя задумалась, видимо, переваривая слова Ника.

— Ну что? К тебе? — целовал он её в ухо.

— Поехали! — сдалась та.

— Микс! Кир! — махал Ник рукой друзьям, отплясывающим на танцполе.

Те помахали ему в ответ.

— Я ухожу! — крикнул он, показывая жестом на входную дверь.

Ребята подбежали к нему.

— Ты же сказал, угощаешь! — недоумевали они.

— Планы изменились. А «угощателей» здесь и так полно. Разведёте тёлочку, как обычно! — усмехнулся он.

— Как всегда, кидает! — злился Миксер.

— Ладно, Микс, брось. Пошли уже! — от греха подальше Кир пытался увести Миксера.

— Пока! — подмигнул друзьям уже возле двери Ник, обнимающий качающуюся из стороны в сторону Палёнову.

— Соня! Поднимайся уже! Хватит спать! — сквозь сон услышала я мамин голос.

— Разве сегодня не выходной? — оторвала я голову от подушки.

— Как? Ты забыла? Мы сегодня ждём гостей.

Точно! — вспомнила я, решившая уже, что это всего лишь был страшный сон.

— Я поставила тесто, — продолжала мама. — Напечём пирогов. Но у меня нет капусты для начинки. Так что одевайся и быстренько в магазин!

— Ну, мама, — мне так не хотелось вылезать из тёплой постели. — Сделай пироги с картошкой, с яблоками.

— Ольга Дмитриевна как раз обмолвилась, что Анечка любит пироги с капустой. Так что, не спорь! Да это и не твои ли любимые тоже?

Судя по всему, с сегодняшнего дня я перестану любить пироги с капустой — сразу подумала я.

Встала, умылась, натянула на себя старые джинсы, куртку, мамины кроссовки и, даже забыв расчесаться, отправилась в «Пятёрочку», которая находилась через дорогу напротив нашего дома.

Я всё ещё не проснулась, шаткой походкой подошла к пешеходному переходу и, не обращая внимания, что вся толпа стоит у края дороги и ждёт «зелёного человечка», шагнула прямо на проезжую часть.

Благо чёрный байк ехал на небольшой скорости. Я даже не заметила его. Водитель же успел среагировать. Визг тормозов, крики прохожих — всё, что я помнила. Дальше сознание моё помутилось. Мотоциклист соскочил с байка, поставил его на подножку и снял защитный чёрный шлем. Длинные его волосы тяжёлой копной упали на плечи. Слова, обращённые, видимо, ко мне «Не видишь куда прёшь, дура?» я тоже не слышала. Я была будто в тумане. Тепло медленно разливалось внизу живота, как это обычно бывает. Когда рядом он.... Водителем чёрной «Ямахи» оказался Никита Домбровский.

Через секунду его глаза смотрели прямо в мои. Я таяла от этого взгляда. Я вновь пропала в мечтах.

— Ты в порядке? — спросил Ник нежным голосом, взяв меня за руку. — Нигде не болит?

— У меня болит сердце, — ответила я.

— Я могу чем-то помочь? — не отпускал он мою руку.

— Только ты и можешь мне помочь! — закрыв глаза и вытянув губы в трубочку, я встала на носочки и потянулась к губам Ника.

Тот же ответил на мой поцелуй. Мы стояли одни посередине дороги в этом огромном городе, став одним целым.

Голос Ника заставил меня очнуться.

— Идиотка, ты чего под колёса бросаешься? — он стоял в метре от меня, громко крича и жестикулируя.

Ко мне подбежала какая-то сердобольная старушка.

— Ты не ушиблась, дочка? — успокаивала она меня, глядя по спине.

Я покачала головой.

— Да чего с ней будет? Глаза протри, корова! — крикнул Ник на прощание, так как в следующую секунду он прыгнул на байк, надел шлем и дал по газам.

Загорелся «зелёный человечек» и вся толпа, не обращая на меня никакого внимания, направилась на противоположную сторону. Даже сердобольная старушка поспешила, оставив меня в одиночестве. Я же забыла, куда шла. Села на бордюр и закрыла лицо руками. Он даже меня не узнал. Пару дней назад, когда произошла эта нелепая история с выпавшими вещами из моего рюкзака, он смотрел прямо мне в глаза, он говорил со мной. А сегодня вёл себя так, будто видит меня в первый раз. Неужели так можно? Его образ передо мной и днём и ночью. Я узнала бы его даже с закрытыми глазами. А он...

Я попала-таки в магазин и купила, будь она неладная, эту капусту. Всё время, пока мы

готовились к приходу Хворостовых, мама не закрывала рта, то расхваливая мне Анечку, которую она видела всего один раз в жизни, но знала обо всех её достоинствах, то переходила на мою личность, интересуясь, почему я сегодня какая-то смурная. Я же делала всё на автомате, думая только об одном....

Хворостовы ни на минуту не опоздали. Ровно в два часа они были у нас. Мама усадила их на самые лучшие места за столом, и начался этот кошмар.

— Анжелика очень похожа на вас, Констанция Станиславовна, — наигранным, немного писклявым голосом, обращалась Хворостова-старшая к маме.

Та улыбалась ей, накладывая салат в тарелку.

— Но и от папы что-то есть, — продолжала ту же песню Ольга Дмитриевна. — Я её видела на фотографиях у Степана Андреевича. Ты знаешь, милочка, — обращалась Хворостова-старшая уже ко мне, — твой папа был очень талантливым поэтом. Жаль, что он умер слишком рано, царствие ему небесное, — она перекрестилась, — не успел, как говорится, оставить свой след в истории. Борис Семёнович был в одном литературном кружке со Степаном Андреевичем, папой Анечки. Да, да!

Ольга Дмитриевна сидела напротив меня и говорила так медленно, растягивая каждое слово, что я думала, усну, прежде чем она закончит свой монолог. Она смотрела на меня исподлобья. И не смотря на то, что улыбалась, казалась очень злой и совершенно неприятной. Огромный вороний нос, маленькие чёрные глазки, раздваивающиеся под линзами круглых очков в чёрной оправе, тонкие потрескавшиеся губы, кудрявые волосы, небрежно собранные наверху — всё это делало её похожей на самую злобную героиню русских народных сказок.

— Ещё салатику положить? — стелилась перед ней мама.

— Да, пожалуйста! — улыбалась та. — Никогда ещё не ела столь вкусного салата.

И, наконец, увлеклась салатом, дав мне немного отдохнуть от её пугающего взгляда.

— Анечка мне столько раз рассказывала про тебя, — опустошив тарелку, принялась Хворостова-старшая вновь меня мучить. — У вас вообще много общего. Вы должны обязательно стать подругами, — улыбнулась она так, что можно было пересчитать все её зубы во рту.

У её Анечки в тот момент была идентичная улыбка. Хворостова припёрлась в гости в той же серой драповой юбке, в которой каждый день ходит в универ. Ещё на ней была серая водолазка, которая закрывала горло чуть ли не до ушей. Причёска её была неизменна, а голова, как всегда, не мыта.

Дальше мамы перешли перебивать кости современным девушкам и знакомым и незнакомым, обвиняя их в развратности, пошлости и остальных смертных грехах, каждый раз подчёркивая, что только им повезло с дочками, ведь таких послушных и скромных див не сыскать во всём белом свете.

— Можно я пойду в свою комнату? — осмелилась я прервать этот высоконравственный разговор.

Думала, что мама рассердится на эту мою просьбу. Но она, наоборот, обрадовалась.

— Конечно, доченька, — ласково ответила она. — И возьми с собой Анечку, посекретничайте о том, о сём. Что вам тут с нами со старухами время терять?

С кем я буду терять время, так это с вашей дорогой Анечкой — подумала я в тот момент.

Я встала из-за стола, пожелала всем приятного аппетита и посмотрела на светившуюся

от радости Хворостову.

— Пошли! — улыбнулась я ей. — Покажу тебе свою комнату.

Та вскочила со стула и, раскланявшись взрослым по очереди, пошла за мной.

— Вот это да! — сказала Хворостова, только ступив на порог моей комнаты. — Это же Никита Домбровский из университета! — плакат, естественно, первое, что ей бросилось в глаза, в которых были удивление и восторг. — Откуда у тебя это? — обернулась она ко мне.

Я не знала, что ей ответить. Не могла же я сказать, что стырила фотку со стены почёта. Она бы точно подумала, что я сумасшедшая.

— Подарили! — соврала я.

— Тебе он нравится? — вконец обнаглела Тортилла. Уж с кем-с кем, а с ней я точно не собиралась обсуждать подробности своей личной жизни.

Но ей, видимо, не терпелось поговорить именно об этом.

— Не более чем всем остальным, — пыталась я спрятать от неё глаза. — А ты видела мою библиотеку? — поспешила я перевести разговор на другую тему. — Ты, наверное, любишь читать?

Но Хворостова, казалось, не слышала меня.

— А ты веришь в то, что говорят о нём в университете?

Как бы я не хотела обсуждать с Тортиллой своего Ника, но любопытство взяло верх. Вдруг я узнаю о нём что-то новое. Хотя откуда ей знать о Нике?

— И что о нём говорят? — пыталась я спросить как можно безразличнее.

— Говорят, у него нет сердца! — ответила Аня, подойдя вплотную к кровати и прислонившись ухом к плакату, будто пытаюсь услышать биение сердца.

— В каком смысле? — удивилась я.

— В прямом! — повернулась та ко мне. — Говорят, он и не человек вовсе! — улыбалась она как-то загадочно.

— А кто? — об этом я, честно говоря, слышала впервые.

— Не знаю! — покачала Хворостова головой. — Может быть, демон. Ты веришь в демонов?

— Не знаю! — я испугалась её взгляда. — Я никогда не думала об этом.

— Говорят, демоны — это падшие ангелы, изгнанные из рая. И они бродят по земле в поисках смысла жизни, неуспокоенные и обиженные. Разве не похоже на Никиту?

У меня мурашки пробежали от взгляда Хворостовой — было в нём что-то зловещее и пугающее.

— Успокойся! — улыбнулась она, заметив моё волнение. — Это всего лишь пустые слухи, которые он, наверное, сам и пустил для пиара.

Кто бы мог подумать, что Тортилла разбирается в таких вещах!

— Но он никогда не посмотрит на таких, как я или ты! — словно приговор зачитала она.

Вот об этом я слышала уже много раз. Наташа постоянно мозг выносит по этому поводу. И выслушивать это от Хворостовой было выше моих сил.

Я сделала вид, что не расслышала её слов, подошла к библиотеке, которая располагалась в многочисленных полках, висевших над письменным столом и по всему периметру комнаты, достала первую попавшуюся книгу, как оказалось, Флобера «Госпожа Бовари», и направилась с ней к Ане.

— Вот эту читала? — надеялась я, что она, наконец, отстанет от Ника.

— А ты хочешь? — спросила она вдруг.

Я посмотрела в её глаза. Они были неестественно чёрными с каким-то отблеском. В тот миг не Никита, а она была похожа на демона.

— Что хочу?

— Ты хочешь, чтобы Ник был твоим?

Тот же, о ком был наш странный разговор после праздничного обеда, в это самое время тоже обедал, точнее, сидел за столом одного из самых шикарных ресторанов столицы. На своём байке он направлялся именно на эту встречу, которая была для него очень важной.

— Что-нибудь желаете? — подскочил к нему тут же, не успев он сесть, молоденький официант с папкой меню в руках.

— Одно эспresso, пожалуйста, — даже не посмотрев на официанта, ответил Ник.

Взгляд его устремился напротив, туда, где сидел почтенный господин в возрасте в дорогом сером костюме. По припаркованным у ворот ресторана авто и трём охранникам за соседним столиком можно было догадаться, что незнакомец был птицей высокого полёта. Он с укором разглядывал молодого человека, лишь только тот занял своё место. Ник же был, как всегда, прекрасен, даже в кожаном чёрно-красном мотоциклетном костюме, который идеально сидел на нём, подчёркивая его безупречную фигуру. Растрепавшиеся под шлемом волосы тоже не портили впечатления о нём, наоборот, придавая обаяния. Серебряное кольцо в его нижней губе блестело на солнце, яркие лучи которого, проникая в зал ресторана через немного задёрнутые шторы, освещали парня, создавая вокруг него ореол божественности.

Ник держался уверенно. Он смотрел прямо в глаза своему оппоненту. После минуты тишины, он, наконец, показал свою «фирменную» улыбку.

— Я вас слушаю, — в голосе Ника звучали ноты сарказма.

— Ты такой же, как и на фотографиях, — не сводя с него глаз, ответил незнакомец.

— А вы надеялись увидеть кого-то другого? — лицо Ника скривилось.

— Нет, в жизни ты страшнее, — продолжал господин, — от тебя исходит запах той гнили, что скопилась в твоей душонке.

Ник не изменился в лице, продолжая всё так же улыбаться.

— Вы пришли мне мораль читать? — откинулся он на стул, положив ногу на ногу.

— Уже поздно. Тебе никакая мораль не поможет твоей душе, — монотонным голосом ответил незнакомец.

— Вы случаем не проповедник? — перекинулся Ник резко через стол, глядя в глаза собеседнику. — Что вы всё заладили: душа, душа. О своей душе я сам позабочусь. Давайте о делах!

Незнакомец бросил на стол белый конверт.

Ник взял его, открыл: там были деньги.

— Здесь всё? — спросил он, пересчитывая купюры.

— Как договаривались, — ответил господин, — триста тысяч.

— Отлично, — показал Ник ещё раз свой звериный оскал, засовывая конверт в карман брюк.

— Подпиши здесь, — протягивал незнакомец ему лист бумаги, доставая при этом ручку из внутреннего кармана пиджака.

— Это зачем?

— Подстраховаться! Если вдруг передумаешь!

— Я не буду ничего подписывать! — так и не дождавшись своего кофе, Ник встал из-за

стола. — Пусть я и не ангел, как вы заметили, но я хозяин своего слова. Если я сказал, что больше не подойду к вашей дочери, то так и сделаю. Но не факт, что она оставит меня в покое, — последние слова Ник произнёс полужёпотом.

— Ты — мерзавец! — господин сжал руки в кулаки.

— А вы лучше? Вы выкупаете у меня свою дочь.

— Как ты мог так поступить? — голос мужчины дрожал. — Ведь Аня — совсем ещё девочка!

— Девочка? — переспросил Ник. — Ха-ха-ха. Вы так думаете?

— Не смей говорить плохо про мою дочь! — мужчина тоже поднялся из-за стола.

Охранники напряглись за соседним столиком.

— Нужно лучше следить за детьми! — ответил Ник.

— Да как ты смеешь! Учить меня! Сопляк!

— «Хочешь жить — умей вертеться» — разве вы живёте не по этому принципу? Ни за что не поверю в вашу честность и порядочность.

Ник сделал несколько шагов, затем обернулся к незнакомцу.

— В скором времени я порву все отношения с вашей девочкой, — выделил он последнее слово.

— Если ты не сделаешь этого, я убью тебя.

— А вот угрожать не надо! — перебил его Ник. — Собирая обо мне досье, вы же нашли список моих друзей, и знаете, кто стоит за мной. Не так ли?

Господин покраснел от негодования.

— Так что, если я вам не нравлюсь, это не значит, что я не нравлюсь другим. И ещё! Я тоже умею подстраховываться! — Ник вынул из кармана микрофон. — Как вы считаете, ваша дочь не подумает, что вы её продешевили? — последние слова он говорил уже у выхода из ресторана. — Да! — сказал он напоследок, — заплатите за кофе.

Ник развернулся и вышел.

Через секунду чёрная «Ямаха» с рёвом отъехала от ресторана.

Глава четвёртая «Заговор»

Утром я еле открыла глаза. Вчерашний день был самым ужасным в жизни.

А сегодня нужно было настраиваться ещё на одну пытку. Во-первых, как говорят, понедельник — день тяжёлый, а, во-вторых, Наташа умела «выносить мозг» не хуже Ника или Хворостовой. А если учесть, что я два дня игнорировала её телефонные звонки, меня ожидало именно это.

Первой парой в понедельник у нас была литература серебряного века. Сегодня, как ни странно, мой автобус не попал в пробку, и на метро особой давки не было. Поэтому в универ я пришла раньше обычного. Совершив свой утренний ритуал с переодеванием в женском туалете, в аудитории оказалось одной из первых. Голова моя раскальвалась — казалось, видимо, вчерашнее напряжение. Поэтому хотелось тишины и спокойствия. Не имея никакого желания ни с кем вступать в дебаты, я уселась на своё место, открыла учебник по литературе и сделала вид, будто увлечённо читаю. На все попытки одногруппников заговорить со мной, я отмахивалась, давая понять, что не могу оторваться от книги.

— Привет, — как привидение появилась моя вчерашняя гостья.

Как я и думала, свой приход в гости она будет расценивать как начало нашей дружбы. Хворостова была в той же юбке и водолазке, будто дома и не ночевала.

— Привет, — сухо ответила я, окинув её взглядом, и вновь обратилась к книге.

— Хорошо вчера посидели, правда?

— Да! Ничего!

— А ты подумай ещё раз над моим вчерашним предложением, — сказал она шёпотом.

Я на секунду отвлеклась от книги, вспомнив наш с ней странный разговор про Ника, демонов и прочую белиберду.

— О чём ты? — сделала вид, будто не понимаю её слов.

— Слышала про заговоры, привороты?

— Ну, и?

— У меня есть одна знакомая, которая может тебе помочь. Так что, если что, обращайся!

— Я подумаю! — сказала я грубо в надежде, что она отстанет от меня.

Тортилла, видимо, поняла, потому, как сразу пошла на своё место, которое находилось выше, через три ряда от моего.

До начала урока оставалось минут пять. Наташа опаздывала. Прозвенел звонок. В аудиторию вошла Вера Ивановна Воронова — наша преподавательница по литературе серебряного века. Её век серебряным назвать было нельзя. Она была самой молодой профессоршей в университете. Хотя с такими мозгами и ногами, я вообще не понимала, что она здесь забыла. Она спокойно могла бы сделать карьеру совершенно в другом месте. Вера Ивановна была на голову выше меня, наверное, под метр восемьдесят, стройная и очень эффектная. Длинные чёрные, всегда блеском отливающие волосы она собирала в высокий пучок. Больше всего мне нравились её губы: аккуратные и в меру пухлые. Цирцеи наши, наверное, от зависти, называли их «ботексными», как и грудь профессорши, которой могла бы позавидовать любая восемнадцатилетняя девчонка. Одевалась Вера Ивановна тоже всегда с лоском. Даже в строгом костюме она выглядела, как сказала бы Наташа, «сногшибательно».

Несмотря на всю строгость преподавательницы, наши мальчики просто обожали литературу серебряного века, идя на неё как на праздник. А вот для прекрасной половины нашей группы это был один из самых нелюбимых предметов.

Вера Ивановна отличалась особой пунктуальностью, заходя всякий раз в аудиторию вместе со звонком. Как и сегодня.

— Староста, кто отсутствует на уроке? — как обычно, начала она, сев на своё место и открыв журнал.

— Васильева, Кочетыгов, Блинова, Степанова и Кондратюк, — перечислила я всех отсутствующих.

— Спасибо, можете сесть на место. — Вера Ивановна поднялась с места и, облокотившись на стол, продолжала. — Итак, о чём была наша прошлая лекция, кто напомнит?

В это время раздался стук, и в дверях показалась Наташина шевелюра.

— Можно? — виноватым голосом спросила она.

— Степанова, вам не кажется, что это выше всякой наглости, — скрестив руки перед грудью, профессорша смотрела на Наташу.

— Извините, Вера Ивановна, — подруга опустила голову, — везде пробки.

— Это не оправдание. Пробки везде, сами сказали, но, в отличие от вас, все остальные студенты на месте.

Наташа не знала, что ответить.

— Ладно, в последний раз вас пускаю. Учтите: следующее опоздание буде равносильно прогулу.

— Спасибо! — довольная Наташа хотела было проскочить на место, но Воронова её остановила.

— Раз уж вы опоздали, то вам и отдуваться за всех. Напомните, пожалуйста, нашему брату тему прошлой лекции.

— Ну.... этот.... — Наташа пыталась вспомнить, — как там его... Есенин.

— Как там его? — Вера Ивановна подошла вплотную к перепуганной Наташе. — самого народного и любимого всеми поэта вы называете «Как там его»?

Наташа покраснела.

— Садитесь на место, Степанова. Я просто не представляю, как вы сдадите летнюю сессию.

Наташа заняла своё место рядом со мной. По её лицу я поняла, у неё что-то случилось. Но, спросив её об этом, я могла навлечь на себя гнев Веры Ивановны, чего мне, явно, не хотелось. Потому как в гневе Воронова была хуже самой Церберши. Свой допрос я решила отложить до конца пары.

— Гой ты, Русь, моя родная,

Хаты — в ризах образа...

Не видать конца и края —

Только синь сосёт глаза.

Как захожий богомолец,

Я смотрю твои поля.

А у низеньких околиц

Звонно чахнут тополя...

Если крикнет рать святая:

«Кинь ты Русь, живи в раю!»

Я скажу: «Не надо рая,

Дайте родину мою!» — «с чувством, с толком, с расстановкой» читала мои любимые строки поэта профессорша.

Я слушала Воронову, затаив дыхание. С того самого времени, как я немного начала разбираться в жизни, я полюбила Есенина всей душой. Поэта, который настолько точно и с такими чувствами говорит о своей родине, просто невозможно не любить. В домашней библиотеке у нас были все его сочинения, многие из которых я знала наизусть. После того, как я услышала песню «The Bears» на его стихи, в лице Ника я искала черты самого Есенина А характер Домбровского: взрывной и «опасный» полностью соответствовал характеру поэта.

— Поднимите руки, кто из вас был на родине Есенина в Константиново.

Половина группы подняли руки, в том числе и я. Ещё в десятом классе мы ездили туда на экскурсию.

— Сегодня у нас будет итоговая лекция, посвящённая жизни и творчеству поэта, а в следующий понедельник — лекция выездная. Мы с вами посетим его могилу на Ваганьковском кладбище. Был ли там кто-нибудь из вас раньше?

Все молчали, кто-то покачивал головой.

— Важно не только, где человек родился и провёл своё детство. То место, где упокоилась его душа, тоже очень много значит. Я хочу, чтобы каждый из вас почувствовал

близость поэта, может быть, другими глазами посмотрел на его творчество.

Студенты восприняли новость об экскурсии в столь экстравагантное место абсолютно спокойно. Все привыкли к чудачествам Веры Ивановны, которая могла принести на лекцию чучело любимого кота известного писателя или револьвер, из которого якобы застрелили другого уважаемого поэта.

Тем более, так называемые «выездные лекции» были очень популярны в нашем университете. Каждый преподаватель хотя бы раз в год да выбирался куда-нибудь со студентами. Конечно, кладбище — это что-то новенькое!

Но мне нравилось бывать на кладбище. С мамой мы часто навещали папу и бабушку. Там какой-то особенный воздух, успокаивающий.

Я вновь вспомнила бабушку, которой мне так не хватало. Слезы наворачивались на глаза.

После звонка я приготовилась выслушать Наташину «исповедь».

— Давай присядем, — кивком головы подруга указала на подоконник, лишь только мы вышли в коридор.

— Что-то случилось?

— С Аликом поссорилась, — махнула та рукой. — А ты что, обиделась?

— С чего ты взяла? — честно говоря, я и правда обиделась на подругу, но обида уже прошла.

— Я звонила тебе два дня — ты трубку не брала.

— Прости, дела были, — не знала я, что ответить.

— Скажи честно, — подруга спрыгнула с подоконника, взяла меня за руки и посмотрела прямо в глаза. — Только честно!

— Хорошо!

— Тебе понравился Сева Макаровский?

— Наташа, ну, не начинай! — я так и знала, что она заведёт об этом разговор.

— Ты обещала ответить честно! — не отпускала она меня.

— Нет! Он мне не понравился! А ты обещала, что, если он мне не понравится, то больше не будешь даже упоминать его имя, — напомнила я подруге.

— Почему он тебе не понравился? — не отставала та. — Он красивый, богатый, умный и такой нежный, заботливый, не то, что Алик, — Наташа скривила рот.

— Не знаю, не понравился и всё! — оборвала я её.

— Я знаю, почему, — наконец, отпустила мои руки подруга и вновь запрыгнула на подоконник. — Из-за Домбровского!

— И прошу тебя, не надо больше меня ни за кого сватать! — умоляющим взглядом посмотрела я на Наташу.

— Неужели ты и в правду надеешься, что он будет твоим? — ехидничала та.

Я промолчала.

— Ладно. Говорю я тебе, говорю, а ты не слышишь меня. Никогда Домбровский не посмотрит в твою сторону. У него на лбу написано — «пикапер». Он встречается только с богатыми, неужели ты не видишь этого? И то — не больше недели. Выжмет из них всё — и досвидос!

— С чего ты так решила? — у меня слёзы подступали к глазам.

— Да все об этом знают. Кто он на самом деле, — усмехнулась подруга. — Ты же его боготворишь. Да ещё после того, как он тебя унизил. Забудь уже! Вот Сева — то, что надо!

— Наташа, ты опять? — я еле сдерживала слёзы.

Мне хотелось закрыть уши, только бы не слушать подругу. Я не верила ни одному её слову. Я знала, что Ник не такой. Знала, что это только маска. В душе он добрый и нежный. Он просто ещё не встретил настоящую любовь, ту, которой он сможет открыть свою душу. И я бы всё на свете отдала, чтобы быть той единственной.

— Ладно. Не хочешь — не верь. Это твоё дело. Я вот, о чём хотела поговорить. Раз уж Сева тебе не нравится, я заберу его себе.

Я удивлённо посмотрела на подругу, не понимая, о чём она.

Заметив моё удивление, Наташа пояснила:

— Тебе он не нравится, а мне даже очень!

— А как же Алик? — иногда я просто не могла понять нравы современной молодежи. — Он же его друг.

— Ну и что? Алик меня достал. Он всегда делает то, что ему надо. Мне это надоело. А вот Макаровский, я чувствую, моя вторая половинка.

— Ох, Наташа. Помнится, ты и про Алика так говорила, — улыбнулась я.

— Я ошиблась. Людям свойственно ошибаться, — подняв вверх указательный палец, сказала подруга таким тоном, будто только что вывела новую теорему. — Только есть одна проблема, — вздохнула Наташа, — Макаровскому понравилась ты.

— Чтооо?

— Представь себе! Он на тебя запал. Но у меня есть план.

Страшно было даже представить себе этот план.

— Сева хочет пригласить тебя на свидание.

— Не может быть! — вырвалось у меня. — Я же тогда на «вечеринке» высказала всё, что о нём думаю. И после этого он ещё может на что-то надеяться?

— Ты не знаешь современных парней, подруга. Они же не головой думают, а тем, что в штанах! Если на кого-то запал — пиши «пропало»!

— Вот только Макаровского мне ещё не хватало!

— Слушай дальше, не перебивай! Ты согласишься на это свидание.

— Что? Да никогда в жизни!

— Не перебивай, говорю! — рассердилась Наташа. — Ты согласишься на это свидание с одним условием, что я пойду с вами.

— И что дальше?

— А дальше всё будет пучком, не переживай. Сева поймёт, что я — та, кого он ищет, — иной раз я так завидовала уверенности подруги.

Пока мы были заняты столь интересным разговором, прозвенел звонок на следующую пару. Только тогда мы поняли, что увлеклись.

— Бежим скорее! Взяв меня за руку, Наташа спрыгнула с подоконника.

И мы помчались по длинному и почти уже опустевшему коридору.

— У нас сейчас теория русского? — спросила Наташа уже на бегу.

— Да, теория.

— Ну, тогда можно и опоздать.

Профессор Иван Васильевич Зелепукин — наш преподаватель по теории русского языка пунктуальностью не отличался, сам всякий раз опаздывая на лекции. Он был самым смешным преподавателем в университете. Даже не смешным, а каким-то нелепым, часто надевая разные носки на ногу, а рубашки наизнанку. За его длинные усы и коронную фразу

«Товарищи, давайте жить дружно!» он получил прозвище Леопольд. Но студенты его любили за доброту и за его забывчивость, которая часто многих выручала. К тому же Иван Васильевич был нашим куратором.

— Товарищи студенты! — важным голосом заявил он, буквально влетая в аудиторию. — Сначала объявление! А то могу и забыть. Завтра меня не будет в университете, поэтому отметьте у себя, что в среду — небольшое изменение в расписании.

— Не будет древнерусской литературы? — с надеждой в голосе выкрикнул Васильков, вспомнивший, видимо, сразу про несданную курсовую работу.

— Нет, Васильков, древнерусская литература будет, как обычно, четвёртой парой. А вот английский поменяется с физкультурой. Физкультура будет не второй, а первой. Причём пара будет сдвоенная вместе с группой «Л — 404».

— Вау! — закричали девчонки, хлопая в ладоши.

— Супер!

— Круто!

У меня же при упоминании этой цифры «404» земля ушла из-под ног.

Наташа толкала меня в бок:

— Ты слышала?

Я кивнула, так как от волнения не могла и слова сказать. Эта была группа Никиты Домбровского. Неужели в среду я не только из-за угла смогу полюбоваться им, или с третьего столика в столовой, но у меня будет шанс постоять с ним рядом, даже, возможно, коснуться его. Наш физрук Игорь Олегович особо не парится. Чаще всего, мы не улучшаем нормы ГТО, а просто гоняем мяч, изображая футболистов. Но любимая игра Игоря Олеговича — волейбол. Неужели я буду стоять рядом с Ником. Я почувствовала, как мурашки пробежали по всему телу.

Я не слышала уже ни Иван Васильевича, разглагольствующего о современных орфоэпических нормах. Я не слушала Наташу, которая всю лекцию что-то увлечённо мне рассказывала. Я даже не слышала, как прозвенел звонок с пары.

— Ты идёшь? — толкала меня в бок подруга.

— Что? Куда? — очнулась я.

— Да-а-а, подруга, — заметила Наташа мою счастливую улыбку. — Ты сейчас знаешь, на кого похожа? На собаку в зубных протезах из рекламы корма? Видела такую? Вот прям одно лицо! Что любовь с людьми делает!

Я продолжала сидеть на месте.

Наташа подняла с пола мой рюкзак и сунула мне его под нос.

— Собирайся! Пошли в столовку! А то сейчас очередь набежит, как обычно!

Я на автомате собрала свои вещи и поплелась за ней.

Через несколько минут мы пили кофе с булочками за нашим столиком. Я продолжала витать в облаках, всё ещё осознавая слова куратора.

— Эй, подруга, ты тут? — водила Наташа ладонью перед моим лицом.

Вдруг столовая наполнилась женским визгом и аплодисментами.

— А-а-а! Медведи! — кто-то крикнул мне на ухо.

— Ник! Красавчик! — раздался голос с другой стороны.

— Кир! Микс! Мы вас любим!

— «The Bears», вы лучшие!!! — слышалось повсюду.

— Всё! Началось! — недовольно пробубнила Наташа. — Массовое помешательство.

Весь аппетит испортили! — отбросила она откусанную булочку на стол.

Больше книг на сайте — Knigolub.net

Я же, откусив от своей булки, чуть не подавилась. Я смотрела на Ника какими-то другими глазами. Зная, что в среду у нас будет объединённая физра, я почему-то уже считала его своим.

Виновники переполоха в столовой направлялись прямо к столику с едой. Все, как обычно, расступились, пропуская троицу вперёд. Миксер улыбался во весь рот, успевая на ходу обнимать девчонок, виснувших на нём. Он был в белом свитере, прекрасно сочетающемся с его длинной на пол-лица блондинистой чёлкой и в чёрных джинсах.

За ним шёл Кир в своём любимом вельветовом пиджаке.

И замыкал процессию Ник. Как всегда с каменным лицом без эмоций. Не обращая никакого внимания на восторженные крики поклонниц, ни на кого не смотря, он взял поднос, заполнил его тарелками и прошёл к кассе.

Через минуту столовая уже напоминала не актовъ зал, а саму себя. Визг и крики смолкли, поклонницы успокоились, привыкнув к близости кумиров. Повсюду слышалось лязганье вилками по тарелкам, звон стаканов и разговоры по душам. Ник и его свита расположились через три столика от нас. Он сел ко мне лицом, поэтому в ближайшие десять минут я могла наслаждаться его красотой. На нём был чёрный костюм, из-под пиджака которого виднелась белоснежная рубашка. Ник засучил рукава пиджака и рубашки. Достал резинку из кармана и связал свои длинные волосы в хвост. Осталась лишь небольшая прядь, которая то и дело спадала ему на глаза. Он же убирал её за ухо.

Я не слышала, о чём говорила троица, до меня доносились лишь обрывки фраз.

— Идём уже! — тянула меня за руку Наташа.

Я же будто приклеилась к стулу.

— Ты так и будешь сидеть, пялиться, как он ест? Да, чтоб он подавился! — кивнула подруга в сторону Ника.

— Ты иди. Я тебя догоню! — сказала я Наташе, даже не посмотрев на неё.

Та недовольно фыркнула и направилась к выходу.

— Ну и пожалуйста! — обиделась она.

Мне было всё равно, обиделась она или нет, к тому же, Наташа была отходчива. Мне даже было всё равно, что опоздаю на лекцию — а я слышала, что уже прозвенел звонок. Столовая почти опустела. В данную минуту для меня был важен только он. Я сидела как замороженная и смотрела, как Ник одну за другой отправляет в рот вилку с порезанным до этого на мелкие кусочки мясом по-французски. Как бы я сейчас хотела оказаться на месте того самого куска говядины...

— Как в субботу? Всё отлично прошло? — издевательским тоном спрашивал у Ника Миксер.

— Лучше не бывает! — сухо ответил тот.

— А ты слышал поговорку «За двумя зайцами погонишься...»?

— Ты будешь меня жизни учить? — спросил Ник исподлобья.

— А ты когда будешь думать не только о себе? — не унимался Микс. — У тебя столько раз была возможность раскрутиться!

— Слушай, — Ник привстал из-за стола. — Ты чего ко мне привязался?

— Я не понимаю тебя. Ты вроде нормальный, но иногда ведёшь себя, как последнее чмо!

— Микс! Если ты не заткнёшься, это вилка окажется у тебя в глазу! — грубо ответил Ник.

— Да хватит вам уже! Опять сцепились! — встрял в разговор Кир, пытающийся разнять друзей.

— И не лезь в мою жизнь, Миксер, психиатр ты хренов! — Ник бросил вилку, оставил свой обед, поднялся из-за стола и направился к выходу, на ходу стягивая резинку с волос.

— Ну чего ты вечно цепляешься к нему? — спросил Кир, как только Ник скрылся за дверью.

— Иногда он меня просто раздражает! — не мог скрыть Микс своего негодования.

— Каждый живёт так, как хочет! Может, Ник и не всегда прав. Ты не вмешивайся! Если бы не он, что бы мы с тобой сейчас делали? Он сам знает, когда придёт время. Мы обязательно раскрутимся, тогда нас ждёт слава и богатство! И всё благодаря Нику. Если бы не он, так бы и пел сейчас в переходе и скитался бы по углам. Кому ты в Москве нужен — лимитчик из Тьмы Тараканьей?

— Ты веришь, что мы раскрутимся?

— Я верю Нику! — ответил Кир.

Как только Ник вышел из столовой, я бросилась за ним.

Своей уверенной походкой с высоко поднятой головой, периодически поправляя чёлку, он шёл не спеша по длинному опустевшему коридору универа. Я, стараясь себя не выдать, преследовала его, забыв про педагогику, которая вот уже минут десять, как началась. Ник обернулся, видимо, почуяв слежку. Я успела спрятаться за колонну, так что он меня не заметил. Постояв какое-то время, он продолжил шаг. Ник направлялся к лестнице, ведущей на второй этаж. Мне же нужно было в обратную сторону. Но я об этом даже не думала. Все мои мысли были сосредоточены на идеальной мужской фигуре в узких брюках, облегающих упругую попку, и распахнутом пиджаке. Даже вид сзади был соблазнителен. Он практически добрался до места, как в ту самую минуту открылась дверь в туалет, который находился возле лестницы, и появилась Лера Французова.

Ник вздрогнул от неожиданности.

— Боже мой, Французова! — облегчённо вздохнул он. — Как ты меня напугала!

Та обняла его двумя руками за шею, буквально повиснув на нём.

Я почувствовала комок в горле, появившийся в ту самую минуту.

— Ты чего лекцию прогуливаешь? — пытался Ник высвободиться из её объятий.

— А ты?

— Я как раз туда и направляюсь!

— Может, вместе прогуляем? — кокетливо спросила девушка.

— Уmmm! У тебя есть предложение? — ответил Ник на её заигрывания.

— А что, если так? Тебя это заинтересовало? — продолжала она кокетничать.

— Всяко лучше скучной философии, — целовал её в шею Ник.

Эти двое даже не догадывались о моём присутствии. Я стояла, спрятавшись за колонной коридора, и не знала, что мне делать. Злость, обида, ненависть к Французовой, которую я с превеликой радостью задушила бы собственными руками, — все эти чувства перемешались...

Ник обнял Леру за талию, поднял её и прижал к стене. Та же обвила его спину обеими ногами, а руками — шею. В этой позе они и застыли. Ник был возбуждён. Таким я его видела разве что на концертах. Он покрывал поцелуями шею девушки, и не мог

остановиться, спускаясь всё ниже и ниже. Он тяжело дышал. Я увидела, как правая рука Ника шмыгнула под блузку Француженой и сжимала по очереди немаленькие «достоинства» Леры. Стерва же эта глаза закатила от удовольствия и издавала звуки, какие получаются у меня при «распробовании» вкусного мороженого. Ник вытащил руку из-под блузки и быстро расстегнул две верхних пуговицы последней, оторвался, наконец, от шеи и, посмотрев пару секунд на более лакомое место, не обращая никакого внимания на съехавшую на глаза чёлку, сначала провёл указательным пальцем по ложбинке груди своей «жертвы», затем жадно впился пухлыми губами в правую, а потом в левую грудь девушки. Причмокивая и облизываясь, Ник ласкал каждую из них по очереди. Лера же в это время тщетно пыталась расстегнуть ремень на его брюках, который никак не хотел ей поддаваться. Домбровский левой рукой открыл дверь в туалет, и, обернувшись по сторонам, убедившись, что нет свидетелей их бестыдству, затащил туда Францужену. Дверь захлопнулась.

— О, Ник! Да! Ещё! Вот так! Только не останавливайся! — последнее, что донеслось из-за закрытой двери.

Я вышла из своего укрытия и подошла к двери туалета, где мечтала бы оказаться вместо Француженой. Всё было как в тумане. Казалось, жизнь моя теперь не имеет никакого смысла. Я села на полу коридора и дала волю чувствам.

— Вот ты где! — услышала я знакомый голос рядом с собой.

Я подняла глаза. Передо мной стояла Наташа.

— Я ищу тебя по всему универу. Ты чего здесь сидишь?

По моим заплаканным глазам она всё поняла.

— Там Ник, — кивнула я в сторону женского туалета, — с Француженой, — и заплакала.

— Да чёрт с ними! Пошли скорее отсюда! — Наташа помогла мне подняться и поспешила увести подальше от этого места.

На педагогику мы, конечно, не пошли. Это было, наверное, в первый раз, когда я прогуляла пару. Раны мы зализывали в столовой. Наташа в какой раз пыталась образумить меня, приводя очередные аргументы против Ника. Я же кивала головой, делая вид, что слушаю подругу. На самом деле перед глазами стоял образ Хворостовой. «У меня есть одна знакомая, которая может тебе помочь», — эхом раздавались её слова. Я не знала, что мне делать! Я не знала, как поступить! Одно я знала точно, Ник должен быть моим, без него я не смыслила своей жизни!

Ника я больше в тот день не видела. Они с ребятами свалили пораньше. Зато пару раз натыкалась на Францужену с довольной физиономией. Как бы я хотела почесать об неё руки! Еле-еле дождалась последней пары. У меня было одно желание — забраться под одеяло и пострадать.

Наташа, как настоящая подруга, не отходила от меня ни на шаг, подсыпая в то же время соль на рану. Весь день, не закрывая рта, она расписывала «достоинства» Ника. Вот и сейчас, открывая тяжёлую скрипучую дверь универа, она продолжала «капать на мозги».

— Слушай, ну раз тебе не понравился Макаровский, найдём кого-нибудь другого, не переживай!

Я молчала.

— Сегодня ты сама видела, что он за человек. Он готов с кем угодно, даже в женском туалете. Неужели ты хочешь такой же участи? Ты же сама говорила, что главное — любовь! А он не способен на это! У него и сердца нет!

Я не слушала её. Ведь, если не знаешь человека, как можно о нём судить.

Мы вышли на улицу. Я наконец-то вдохнула полной грудью свежего воздуха с таким удовольствием, будто месяц не выходила из заточения. Солнце по-весеннему припекало, играя лучами в солнечных зайчиков с редкими лужами, которые только и остались воспоминанием о зиме. Глаза слипались от его яркого света.

— Смотри, кто там! — ущипнула Наташа меня за бок так, что я взвизгнула.

— Ты что делаешь?

— Смотри, говорю, вперёд! — подруга улыбалась во весь рот.

Прямо у ворот универа была припаркована красная «Мазератти». Облокотившись на капот, с огромным букетом роз стоял тот, кого я бы меньше всего хотела сейчас видеть. Проходившие мимо красавчика студентки, оглядывались, завидуя чужому счастью. Каждая из них, наверняка, мечтала, чтобы этот принц прискакал бы на своём коне именно за ней. Они перешёптывались и хихикали, пытаясь обратить на себя его взгляд. Но принц не обращал никакого внимания на столь пристальный интерес к своей персоне. Его взгляд был предназначен одной, той, что только что вышла из универа.

Как всегда, модные голубые джинсы, чёрная кожаная косуха, белая чёлка, развевающаяся на ветру, милая улыбка, подчёркнутая ямочкой на подбородке и яркие глаза цвета неба — всё то, что сводило с ума девчонок, но до сих пор оставляло меня абсолютно равнодушной.

— Привет! — его рот растянулся в белоснежной улыбке, как только мы приблизились.

— Привет! — протягивала ему руку Наташа.

Он пожал руку, не обращая на подругу никакого внимания.

— Это тебе! — протягивал он мне букет.

Честно говоря, было очень приятно. Ещё никто из парней не дарил мне букетов, тем более таких, если учесть, что роз там было не менее двадцати.

— Спасибо! — расплывшись в улыбке, на секунду забыв о своей бдительности, растаяла я.

Но вовремя спохватилась, вновь изображая из себя самую неприступность.

— Как Алик поживает? — спросил Макаровский у Наташи, тоном дав ей понять, что хотел бы остаться со мной наедине.

— Не знаю! — кокетливым голосом ответила та. — Мы с ним расстались.

— Чего так?

— Не сошлись характерами!

— Всё понятно! Могу я поговорить с Анжеликой с глазу на глаз? — не выдержал Макаровский.

— Да, пожалуйста! — Наташа скрестила руки перед грудью и отвернулась, отойдя от нас на несколько метров.

— Как у тебя дела? — начал он издалека.

— Спасибо! Всё хорошо! О чём ты хотел поговорить? — разговаривать с Макаровским у меня не было никакого желания.

— Хотел тебя пригласить куда-нибудь.

Я хотела сразу отказаться, но вдруг вспомнила о подруге. Я обещала ей это свидание.

— Только не сегодня!

— Окей! — обрадовался Макаровский. — Когда скажешь!

— Давай в выходные! — подумала я о том, что в субботу или в воскресенье будет проще выбраться из дома и навешать лапши на уши маме.

— Хорошо! У меня есть твой номер телефона. Я позвоню тебе в пятницу, и мы договоримся. Идёт?

— Откуда у тебя мой номер?

Сева улыбнулся, Наташа — догадалась я.

— Только одно условие!

— Весь внимания! — Макарский вытянулся в струнку.

— Возьмём с собой Наташу.

— Зачем? — лицо его изменилось.

— Понимаешь, у неё сейчас сложный период. Она очень переживает. А я, как подруга, просто обязана её поддержать! Нет, если ты, конечно, не хочешь, тогда мы можем отложить наше свидание... — я вошла роль.

— Хорошо! — оборвал меня Макарский. — Можешь взять её с собой! — он пытался улыбаться, но было заметно, что это получается у него с трудом.

— Вот и замечательно! — вдохнула я нежный аромат цветов. — Спасибо за прекрасный букет и пока!

Я развернулась и направилась к ожидавшей меня Наташе, оставив Макарского в полном недоумении.

— Ну как? Получилось? — не стерпела подруга.

— Обижает! — первый раз за весь день улыбнулась я, порадовавшись за Наташу.

В этот день я долго не могла заснуть. Как всегда, пережив наставления мамы, я больше получаса разговаривала с бумажным Ником, обвиняя его в предательстве, но, в конце концов, вновь простила ему всё. Затем передо мной возникали образы то Хворостовой с её предложением помочь, то Макарского с его обворожительной улыбкой и букетом, из-за которого меня, чуть было, не выгнали из дому. Пришлось доказывать маме, что цветы были Наташины, она их забыла в университете, и чтобы они не засохли, я взяла их домой. Мама, вроде бы, поверила, взяв с меня слово, что завтра же я верну их владелице.

Но этого не произошло. Видимо, из-за пережитого у меня к утру поднялась температура, и пришлось забыть про университет. Отчего я стала переживать ещё больше. Болеть мне было никак нельзя! Среда должна была стать самым счастливым днём в моей жизни!

Глава пятая «Счастливый несчастный случай»

И этот день настал!

— Лица, ты скоро? Тебя ждать? — Наташа суетилась, как обычно.

— Нет! Не жди! У меня молния на брюках заела.

— Может, помочь?

— Говорю же, не надо! Иди на урок! — пыталась я поскорее от неё избавиться.

— Ну, как знаешь! Только поспеши! Игорь Олегович не любит опоздавших!

Ох, если бы она только знала, что творилось в тот миг в моей душе! Мне не было до Игоря Олеговича абсолютно никакого дела! Мне не было дела ни до кого. Я чувствовала: заевшая молния на брюках — знак свыше, что именно сегодня решится моя судьба. И специально оттягивала время.

Первой парой, как и говорил Зелепукин, у нас была физкультура — мой самый ненавистный предмет — я никогда не отличалась расторопностью и стремлением к победе. Но сегодня у физры были все шансы стать моим любимым предметом, ведь пара была объединённая, наша группа и его — моего Ника.

— Девчонки, а что с вашим физруком? Заболел? — подлизывались к трём старшекурсницам, задержавшимся в раздевалке, наши Цирцеи, давно уже облачившиеся в форму и выжидая чего-то возле двери.

— Уехал на соревнования с пятикурсниками, — натягивая через голову майку, ответила Лера Французова, от одного вида которой меня тошнило, и так и хотелось налететь на неё с кулаками и попортить её милое наглое личико.

— Далеко уехал-то? — не зная, как поддержать разговор, спросила наша главная Цирцея — Лютикова.

Лера же одарила её царственным взглядом, в котором даже я могла прочесть: «Тебе какое дело?»

— Ну, ничего! Наш Игорь Олегович — мировой мужик! Вам понравится! — не унималась Марина.

— Вы чего тут забыли? — встав со скамейки и положив руки в карманы брюк, встряла в разговор Майя Палёнова. — Урок давно начался.

— Мы, это... Синицыну ждём, — кивая головой в мою сторону, не растерялась Лютикова.

— Аааа! Ну-ну! — улыбнулась Лера. — Удачи!

И старшекурсницы медленной походкой моделей по подиуму ретировались из женской раздевалки.

Я в этот момент, наконец-то, расстегнув молнию, стаскивала с себя брюки, не обращая никакого внимания на слова Марины.

— Синицына, ты в своём репертуаре! Когда ты уже брюки себе новые купишь? — и все трое засмеялись таким идиотским смехом, что меня передёрнуло. — Счастливо оставаться!

И они последовали примеру первых ретировавшихся, оставив меня в раздевалке в полном одиночестве.

Мне же только этого и надо было! Я чувствовала, что именно сейчас произойдёт то, о чём я мечтала весь этот год. Кое-как натянув на себя форму, трясущейся рукой открыла дверь из женской раздевалки, которая при этом скрипнула, заставив меня испугаться, и с дрожью в коленках, усиливающейся с каждым моим шагом, направилась в спортивный зал.

Интуиция меня не подвела. Проходя мимо мужской раздевалки, я услышала заветный голос, от которого волосы на спине встали дыбом. Дверь в раздевалку была приоткрыта.... Я остановилась.... Ник стоял посередине с телефоном в руке. Безупречное красивое лицо: слегка выступающие скулы, чёрные длинные волосы, спадающие до половины лица, зелёно-карие глаза и пухлые губы с пирсингом — такие манящие и притягивающие, что дрожь в коленках достигла своей вершины, как только мой рентген дошёл до этого места. И вот она — высшая точка — предел мечтаний и желаний — маленькая родинка справа над верхней губой. Я почувствовала тепло внизу живота, медленно растекающееся по всему телу. Мой рентген взял крупный план — всё-таки родинки — самое сексуальное место у парней, по крайней мере, у него, точно.

— Да, могу говорить! Я сейчас один! Какая разница, где? Чего ты хотела? По-моему, вчера мы обо всём поговорили! — почти кричал в трубку объект моего внимания.

На другом конце провода, судя по всему, была девушка — от ревности сердце моё бешено забилося.

— Аня! Чего ты хочешь от меня? Я не понимаю! Я же сказал тебе вчера, что между нами всё кончено!

Ура! — сердце вновь затрепетало — они расстались!

— Я кладу трубку! Не звони мне больше!

Я знала, что подслушивать чужие разговоры не хорошо. Но ничего не могла сделать — ухо моё так и прилипло к дубовой двери мужской раздевалки.

— Эй! Там кто-то есть? — не успела я отскочить, как дверь со скрипом отворилась — и через секунду я оказалась лицом к лицу, с тем, кем грезила всё свое время.

На лицо даже не взглянула — я успела рассмотреть его в щёлку двери. Не могла я отвести глаз от его обнажённого тела. Ник стоял в одних спортивных брюках, а руками выворачивал белую майку, собираясь надеть. Обнажённого парня в свои семнадцать лет я видела, разве что, на картинках в глянцевых журналах. Наташа приносила иногда в универ каталог дорогой косметики. Листая его, можно было встретить такого парня, а, если потереть страницу, то даже почувствовать его аромат: притягательный, будоражащий, заставляющий тело трепетать. Именно такой аромат я чувствовала и сейчас, не в силах даже сдвинуться с места. Его фигура была идеальной, как с картинки из каталога: в меру накаченные плечи, аккуратные кубики на животе и смуглая, цвета загара, кожа, прекрасно сочетающаяся со светло-серыми спортивными брюками «Адидас», к которым от его крепкой по-настоящему мужской груди вела узкая тёмная дорожка.

— Ты кто? — спросил Ник, натягивая на себя майку.

— Лика! — всё ещё не отрывая глаз от его тела, ответила я.

— И что тебе нужно, Лика?

И тут голова моя закружилась. Я не понимала: сон это или реальность. Я вновь пропала в мечтах...

— Мне нужен ты! — набравшись храбрости, выпалила я на одном дыхании.

Толкнув Ника вперёд в раздевалку, я захлопнула дверь. Затем, приблизившись к нему, быстрым движением рук стащила только что надетую на моих глазах майку и прижала его к шкафчикам. Он и не думал сопротивляться. Через секунду мои губы нежно шептали ему на ухо: «Я хочу тебя!» Ник положил мне руки на талию и резким движением развернул меня на сто восемьдесят градусов. Так, что теперь я была его заложницей, прижатой к железным шкафчикам раздевалки. От его запаха у меня закружилась голова. Я почувствовала тепло его руки сначала на груди, на животе, а потом между ног. Я ощущала, как он возбуждался с каждым прикосновением всё сильнее и сильнее. Ещё через секунду наши губы слились в страстном поцелуе. Вот она — долгожданная эйфория!

Его голос заставил меня очнуться.

— Ты кто? — уже в майке, которую я только что стащила с него в своих мечтах, облокотившись одной рукой на открытую дверь, повторил он. На макушке я почувствовала жар от его дыхания — раньше думала, что он со мной одного роста. Я и сама была метр семьдесят пять. Значит, Ник был ещё выше!

Я будто язык проглотила: хлопая глазами, смотрела на него, не в силах вымолвить ни слова.

— Значит, никто! — он обошёл вокруг меня и, связывая волосы резинкой, направился в спортивный зал, ни разу не обернувшись, оставив меня как вкопанную стоять под дверью мужской раздевалки.

Он опять не узнал меня... Мне хотелось провалиться сквозь землю.... Но я решила дать ему ещё один шанс....

— Синицына! Почему опаздываем? Встать в строй! Раз-два! — командовал Игорь

Олегович. Так, все на месте! По кругу шагооооо марш! — продолжал он.

Урок, как всегда, начинался с разминки: подскоки, бег с правой ноги, потом с левой, затем приседания, наклоны. Для меня не было это мучением, как обычно. Скорее подарком свыше. Делая упражнения, я не сводила с Ника глаз. Да не только я одна! Все наши девочки смотрели в его сторону.

— Вот девчонки! Вот молодцы! — издевался Игорь Олегович! — Лютикова, я и не знал, что ты так ногу задрать можешь! Кондратюк, Белова! Ну, прямо, богини аэробики! — продолжал он. — Вот что значит, старшекурсники, да ещё сами «Медведи» на уроке. Всегда бы так! А? Да, мы с вами на Олимпиаде бы всё золото забрали с такими-то успехами! Давай Давай! Ещё выше! Раз-два, раз-два!

Ребята смеялись. А старшекурсницы, было заметно, ревновали. Да и было к кому. Наши Цирцеи: Марина Лютикова, Луиза Кондратюк и Маша Белова могли дать фору любым красоткам. Жаль только, умом были обделены. Да он, в принципе, им был и не нужен. Я вообще, не понимала, зачем они сунулись на филфак. Ладно, ещё Белова. Отец её был владельцем какого-то глянцевого журнала. Грамотность и красноречие ей бы могли пригодиться. Но остальные были очень далеки от этого! У матери Марины Лютиковой было несколько турфирм. А у папаши Кондратюк — стоматологическая клиника.

В отличие от жгучей брюнетки Лютиковой, Кондратюк и Белова были теми, о ком слагают анекдоты. Они даже были похожи друг на друга. Всё по стандарту: 90-60-90, рост вместе со шпильками выше среднего, губы слегка подкачены, ногти и волосы нарощены, ресницы удлинены. Одним словом, полностью оправдывали свои прозвища, на которые не поспешил тот же самый Васильков, обидевшись однажды на отказ Марины от свидания. Но, сами посудите, зачем наследнице турбизнеса бесперспективный Васильков, у которого родители были простыми менеджерами. Лёня же, не прощающий такого, в глубине души заложил обиду.

— Хворостова, чего отстаём? — продолжал Игорь Олегович! — Бери пример с Лютиковой!

— Нашли, с кем сравнивать, Игорь Олегович! — язвил Васильков. — Зачем Тортилле стараться? Её мальчики не интересуют!

— Отставить, Васильков, разговоры в строю. Зато, смотрю, тебя интересуют. Ты сегодня весь прям, цветёшь!

Лёня покраснел.

— Так, перерыв пять минут! — хлопал физрук в ладоши. — Можете попить воды, и начнём играть в волейбол. Васильков, раз ты самый умный, поможешь мне повесить сетку. Справа — команда «Л-101», слева «Л-404».

Все потянулись к подоконникам, где стояла вода в бутылках. Я подошла близко к «Медведям», так, что могла подслушать их разговор.

— Ты вчера расстался с Аней? — спросил Миксер у Ника.

— Микс, не начинай, а! — глотнув из бутылки, ответил тот.

— Я не понимаю, что творится в твоей голове! Отец — банкир. Чего тебе надо?

— Я сам знаю, что мне надо!

— Как скажешь!

— Кстати, Ник! — присоединился Кир к разговору. — Через три недели концерт! А мы репетировали всего три раза. Когда будет репетиция?

— В пятницу в семь собираемся. И я думаю, пора нам выходить из тени. Это будет

последний концерт в этой дыре.

— Ты нашёл продюсера? — у Микса загорелись глаза.

— Не так сразу, Миксер! — загадочно произнёс Ник. — Скоро всё узнаете!

— Кстати, — смяв в руке бутылку, продолжал Микс. — Как вам девочки-первокурсницы? Та чёрненькая и две блондиночки? Ничего вроде! Может, прикадрим, как раньше втрём? А?

— Без меня! — ответил Ник. — У меня есть дела поважнее!

— Кир, а ты как? — искал Микс поддержки у друга.

— Я только «за». Только чур мне блондинку!

— Замётано!

В это время Марина Лютикова, виляя задом, прошла мимо них, специально споткнувшись возле Ника. Тот помог ей подняться.

— Спасибо! — улыбалась она. — Ой! Какие у тебя красивые руки! — схватила она вдруг Ника за руку.

— Что? — не понял тот.

— Люблю красивые мужские руки! — глядя ему в глаза, поглаживала его руку Лютикова.

— Ой, прости! А слона-то я и не заметила! — будто нечаянно столкнувшись с ней, возникла перед ними и Лера Французова, глаз не спускавшая с Ника. — Ты что забыла здесь, деточка? — напала она на Марину.

Но та оказалась тоже не промах.

— Не твоего ума дела!

— Это ты мне? — не ожидавшая такой наглости экс «мисс-университет».

— А ты мозгами пораскинь! Если они у тебя есть! — ответила наша Цирцея.

— Рот закройте, обе! — ошарашив всех, сказал Ник и отошёл от окна.

— Так! — засвистел Игорь Олегович. — Перерыв окончен! Командам занять свои места.

— С тобой я после универа разберусь! — пригрозила Лютиковой Французова.

— Ты чего тут стоишь? Уши греешь? — подлетела ко мне Наташа. — Ну чего нового узнала про своего Домбровского? Я видела, тут из-за него чуть дуэль не устроили! Хочешь тоже принять участие?

— Да ну, тебя! — обиделась я на подругу.

— Пять-три в пользу «Л-404»! — кричал Игорь Олегович, спустя десять минут после начала игры. — Давайте уже, соберитесь! Лютикова! Ты чего там ворон считаешь? А так хорошо начинала! Ты варежку-то закрой! Синицына! — обращался он уже ко мне. — А ты чего как мёртвая стоишь! Двигай телом!

Я была прямо возле сетки и смотрела на Ника, стоявшего напротив меня. В то время была подача Миксера. Он подпрыгнул и стукнул по мячу. Последнее, что я видела, — летевший на меня мяч.

— Эй, ты в порядке? — увидела я знакомое лицо в пяти сантиметрах от своего. Миксер стучал пальцами то возле левого уха, то возле правого. — Ты меня видишь?

Я кивнула головой.

— А голова не болит? — спрашивал он.

Я приподнялась. Увидела на своей белой футболке алое пятно от крови.

— У тебя кровь из носа пошла! — увидев моё беспокойство, объяснил Миксер.

— Ну чего, Синицына? — вошёл в зал Игорь Олегович. — Врач на месте. Иди к медпункту! Стас! — обратился он к Миксеру — виновнику несчастного случая. — Проводишь девушку?

— Да, конечно! — ответил тот, помогая мне подняться.

— Так! Все остальные по местам! Урок ещё не закончен! — хлопал физрук в ладони.

Миксер обнял меня одной рукой за талию и повёл к выходу на зависть оставшимся поклонницам. Благо, пара ещё не закончилась, и мы успешно преодолели путь от зала до медпункта, избежав встречи с фанатками. Иначе бы мне точно не поздоровилось!

— Всё нормально! — констатировал врач Глеб Михайлович, поводя у меня перед носом своим указательным пальцем. — Нос не сломан. Сотрясения тоже нет. Так что можете идти, сударыня!

Я вышла в коридор к ожидавшему меня Миксеру.

— Ну как? — подбежал ко мне тот. — Всё в порядке?

Я кивнула.

— А ты вообще, говорить можешь? Или немая? Только головой киваешь!

Я улыбнулась.

— Могу!

— Вот и отлично! — протягивал мне руку Миксер. — Прости за удар! Я Стас Миксонов. Для друзей просто Микс. Ну, хотя ты, наверное, знаешь! — замялся он.

— Очень приятно, Стас! — я пожалала его руку. — Меня зовут Анжелика.

— Да иди ты! — он засмеялся. — На самом деле? Анжелика?

— Ну, да! — не поняла я его реакции.

— Никогда не встречал девушку с таким именем! Только в кино! — говорил он, смеясь.

Странное чувство было у меня. Я разговаривала с другом Ника, с тем, кто проводит с ним много времени, с тем, кто знает о нём всё. Я не хотела расставаться со Стасом в надежде выудить у него побольше информации о своём кумире. Миксер, видимо, тоже не желал возвращаться на физру.

— Может, посидим где до окончания пары, а то как бы я опять кому в нос не заехал. Ты не против?

Мне же это было только на руку.

Мы прошли по коридору и заняли подоконник недалеко от спортзала. Стас ловко запрыгнул на него, потом протянул мне руку, помогая сесть. Подоконник оказался таким узким, что мы сидели с ним вплотную друг к другу. Он обернулся в мою сторону и улыбнулся. Если бы моё сердце было свободно, я бы точно потеряла голову от улыбки Микса с ямочками по краям губ. Он снял правой рукой резинку с волос и те упали ему на плечи. Стас потряс головой в разные стороны, так что причёска его обрела достойный вид, являясь, судя по всему, визитной карточкой группы «The Bears».

— Тебе нравится наша группа? — улыбка его смущала.

— Да, ничего! — самое главное — не выдать себя — пронеслось у меня в голове.

— Кто тебе больше нравится? — Микс будто бы читал мои мысли.

— Я не знаю! — я пыталась спрятать от него глаза.

— Наверное, Ник, как и всем!

— Почему ты так думаешь? — я покраснела, но старалась сохранять спокойствие.

— Его все обожают. Разве он не самый красивый?

— Не думала об этом! — лгала я. — А ты давно его знаешь? — вдруг осмелела я.

— Говорил же! Он всех интересуется!

— Нет! — пыталась я оправдать своё любопытство. — Мне просто интересно. Это правда, что о нём говорят?

— Что именно? — Стас смотрел мне прямо в глаза. Мне хотелось провалиться, только бы не видеть его взгляда, от которого меня бросало в дрожь.

— Что он и не человек вовсе?

— Ха-ха-ха! — засмеялся Микс. — Впервые слышу! А я? Тоже вампир? Или оборотень? — он закатил глаза и поднял вверх руки, будто собирается меня схватить.

— Или у него нет сердца? — сменила я вопрос, решив, что первый оказался неудачным.

Стас задумался.

— Я знаю Ника четыре года, с того самого момента, как мы поступили в универ. Он неплохой. Просто, он не пока не разобрался в себе.

— Падший ангел... — вырвалось у меня.

— Что ты сказала?

— Ничего, не бери в голову! Мысли вслух.

— У него не всё так просто в жизни! — Микса понесло на откровения. — Он вовсе не такой, каким кажется!

Я знала, что это именно так! Я так благодарна была Стасу за эти его слова! За то, что он подтвердил мои мысли. Я чувствовала, что Ник не такой уж урод, гад, придурок, как его называла Наташа. Это была только маска. В душе он добрый и несчастный.

— Ладно, пошли уже! — Микс спрыгнул с подоконника и подал мне руку.

Мы шли по длинному пустому коридору универа и болтали, как старые приятели. Мне было так легко и хорошо со Стасом, будто я знала его очень давно. Он говорил без умолку, заливаясь иногда таким смехом, что я сама не могла удержаться. До знакомства с ним, я была о нём другого мнения. Я и не подозревала, что этот красавчик, любимец сотен девушек, окажется не бездушным и высокомерным «звёздным» мальчиком, а простым, весёлым парнем.

Мы вошли в спортзал как раз со звонком. Все наши уже переодевались в раздевалке.

— Ну, как, Синицына? — подошёл ко мне Игорь Олегович? — Ты в порядке?

— Всё хорошо! — успокоила я физрука.

— Ну, ты меня напугала! — он качал головой. — А ты? — обращался он к Стасу. — Разве можно так подавать слабым беззащитным девушкам?

— Кто это беззащитная? — обиделась я.

— А что разве нет? Ходишь, шатаешься. Кушать надо лучше, Синицына, а вы всё на диетах, наверное, сидите! Не знаю, о чём только думаете! Хотя нет, знаю! — физрук поднял вверх указательный палец. — О таких балбесах, как вот этот! — он кивнул в сторону Микса.

— Почему это я балбес? — не согласился тот.

— А разве нет? Чуть нос не сломал такой красавице! Да ты теперь должен шефство над ней взять! — похлопал он Стаса по плечу.

— А я не против! — улыбался Микс.

— Миксер! — из мужской раздевалки показалась голова Ника. — Ты идёшь? У нас с тобой ещё дело!

— Да. Я понял. — Стас вдруг схватил меня за руку. — Пошли!

— Куда? — я заволновалась.

— Представлю тебя главному оборотню! — засмеялся Миксер.

— Что? — у меня глаза на лоб полезли. — Нет! Я не пойду!

— Боишься?

— Почему боюсь? — как можно спокойнее ответила я. — Просто, зачем всё это?

— Да, брось ломаться, как целка, ей Богу. — Стас тянул меня за руку так, что я думала, она оторвётся. — Я же знаю, он тебе нравится.

— Вовсе нет! — кричала я уже на ходу, но ноги сами шли за Миксером.

Он открыл дверь в мужскую раздевалку. Ник в это время стоял в одних брюках, в руках держал белую рубашку. Больше в раздевалке никого не было. Домбровский бросил укоризненный взгляд в нашу сторону. Затем попытался попасть рукой в рукав рубашки. Но с первого раза у него это не получилось.

— Чёрт! — вырвалось у Ника.

— Где Кир? — спросил Миксер.

— Ушёл! — грубо ответил Ник, продолжая борьбу с рубашкой, не обращая на меня никакого внимания. Будто меня и не было вовсе в раздевалке.

Миксер же держал меня за руку и, видимо, ждал, когда Ник, наконец, оденется.

— Ну и зачем ты притащил это сюда? — бросив взгляд в мою сторону, спросил Ник, когда рубашка была благополучно побеждена и уже идеально обтягивала красивую натренированную фигуру.

— Ты о чём? — Стас изменился в лице.

— Я об этом! — Ник кивнул в мою сторону.

— Эта вообще-то девушка! — голос Стаса дрожал.

— Вижу, что не мужик! — Ник застегнул сначала рукава, аккуратно расправив манжеты, подправил воротник и принялся за пуговицы.

— Хотел представить тебе! — Стас крепко сжал мою руку.

— Зачем? — Ник не дал ему договорить.

— Это Анжелика! — Стас продолжал настаивать.

— Да мне хоть мать Королева!

— Она поклонница нашей группы! — голос Стаса дрожал, от его милой улыбки не осталось и следа.

— И чего? — голос же Ника был безразличным.

— Она хотела познакомиться с тобой! — Стас оказался настойчивым.

— Ну, познакомилась? — Ник обращался уже ко мне, показав свою «фирменную» улыбку. — Теперь свободна. — Чёрт! Да кто же придумал эти грёбанные пуговицы!

Я старалась освободить свою руку из рук Миксера. Но он держал меня очень крепко.

— Я пойду! — полушёпотом сказала я.

— Вот правильное решение! — Домбровский застегнул все пуговицы и приготовился заправлять рубашку в брюки, при этом спокойно расстегнув сначала ремень, потом ширинку. — Ну чего, так и будешь пялиться на мою ширинку? Может, хочешь познакомиться с Ником-младшим?

— Ник! — вдруг оборвал его Миксер. — Ты в своём уме? — лицо Стаса запылало. Он сжал руки в кулаки, при этом отпустив меня.

Я, воспользовавшись моментом, выбежала из раздевалки.

— Анжелика! Подожди! — Стас бросился за мной. — Ну, ты м...к! — бросил он в сторону Ника уже на ходу.

— Чёрт! Как же все бесят! — выругался Ник, оставшись один в раздевалке.

— Анжелика, стой! — Стас вновь схватил меня за руку.

Я остановилась. Он заметил слезу, предательски катившуюся в тот самый момент по щеке.

— Прости! Это я виноват! Выбрал не самый подходящий момент! На Ника иногда находит! Не обижайся на него! Он, правда, не хотел тебя обидеть! Просто он такой! Понимаешь!

— Да всё нормально, Стас, правда! Не бери в голову, — всхлипывая, продолжала я. — Ладно, мне нужно переодеться! Прости!

— Да, конечно, — он отпустил мою руку. — Кстати, Анжелика, приходи в пятницу на нашу репетицию! В семь часов в актовом зале.

Я обернулась.

— Хорошо! Я приду!

— Домбровский! Ты — придурок! — Стас вернулся в мужскую раздевалку.

— Миксер! Не начинай! Я могу и разозлиться!

— Тебе сложно было нормально поговорить с девушкой?

— Кто девушка? Это чучело, которое ты приволок в раздевалку? Я тебя умоляю!

— Кстати, зря ты так! Нормальная девчонка. Я с ней пообщался!

— Миксер! У тебя всё тёлки — нормальные! Дойные — самое главное! А она уже давнечко не девчонка! Глаза разуй!

— Почему ты так сразу?

— Да она пялилась на моё хозяйство как баран на новые ворота!

— Блин! Ну, причём тут баран?

— При том! Миксер — ты баран! Если даже в тёлках не разбираешься!

— Слушай! Знаешь что!

— Давай не будем. А? Башка целый день раскалывается! И ты тут с эти клоуном! Пошли похаваем! Есть хочу — умираю!

— Ты чего такая странная? — спрашивала меня уже в коридоре Наташа. — У тебя, правда, сотрясения мозга нет?

— Нет у меня сотрясения. И я вовсе не странная — тебе показалось!

— Да ладно? Миксер, пользуясь случаем, полапал тебя немного, и теперь ему придётся на тебе жениться?

— Зачем ты так? — обиделась я на подругу.

— А что, нет? Как он обрадовался, когда ему Игорь Олегович предложил проводить тебя до медпункта. За талию сразу обнял.

— Наташа, не говори ерунду! Он просто хороший человек!

— Ну-ну! Все они там хорошие! Особенно твой Домбровский! Прямо сама невинность!

У меня было такое паршивое настроение, так что не только Наташины, но и подколки Лютиковой и Василькова не могли его ещё больше испортить.

Весь день они только этим и занимались. Даже к последней четвёртой паре не успокоились.

Аделина Игнатьевна задерживалась, что на неё было совсем не похоже. В деканате задерживалась и Наташа, поэтому последний удар мне пришлось взять на себя.

— А что, Немезида, — развернулся ко мне Васильков, — ну признайся, наконец, что ты фэйс специально подставила под удар!

— Васильков, отстанешь ты от меня сегодня или нет? — моему терпению пришёл

конец.

— А что, всё так удачно получилось! — продолжал тот издеваться. — Все старались, ноги задирали повыше, чтобы «кумиры миллионов» обратили на них внимание. Кондратюк с Беловой чуть штаны себе не порвали от стараний. Лютикова упала возле Домбровского. Но ты пошла вабанк — пожертвовала своим лицом.

— Только что-то лицо Синицына не тому подставила, — засмеялась Лютикова.

— Да что ты говоришь? — передразнивал её Васильков.

— А ты разве не знал, она от Домбровского тащится, а не от Миксонова.

— Ну, на безрыбье и рак рыба! Разве не так? — скривил лицо Васильков.

Я закрыла уши руками, сделав вид, будто не слышу их гнусностей.

— Да что вы к ней пристали? — вступилась за меня Хворостова.

— Ой, Тортилла! — подхватила эстафету Белова. — Ты, наверное, обзавидовалась Синицыной! Если бы тебе Миксер по носу заехал, то вряд ли проводил бы до медпункта.

— Точно! — встряла в разговор третья Цирцея — Кондратюк. — Ты свои треники у бабушки что ли одолжила? У меня у прабабки и то моднее!

Окна аудитории дрожали от смеха.

— У Немезиды хоть чего потрогать можно! — продолжал хохотать Васильков, катаясь на стуле взад-вперёд. — Миксер, наверняка, не растерялся. — А у тебя, Тортилла, только очки выпирают! Ха-ха-ха!

— Стопудово! — ржала как лошадь Кондратюк. — Доска и то фигуристее.

Лютикова подошла ко мне, убрала мои руки от ушей и заглянула мне в глаза.

— Я, знаешь, тоже время не теряла, — от её улыбки выворачивало. — Пока ты там с Миксером развлекалась, я твоего Домбровского на свидание пригласила. И он не отказался.

Я еле-еле сдерживала себя, чтобы не врезать ей по наглой физиономии. Меня всю трясло от злости.

— Так что, — продолжала Цирцея, — сегодня исполню все твои мечты! Я-то время терять не буду! Завтра расскажу тебе, каков он в постели. Даже с подробностями, только смотри слюнями не захлебнись.

Тут я не выдержала, поднялась с места и вlepила Лютиковой пощёчину.

— Ты что творишь, дура? — запищала та.

— Ещё одно слово — и на свидание поедешь в инвалидной коляске! — я сама не ожидала от себя такой смелости.

Лютикова замахнулась на меня. Но не успела ничего сделать — появилась Наташа и вновь спасла меня.

— Ещё раз тронешь её — разоришься на лекарствах! — держала она руку Цирцеи.

— Защитница объявилась. Ладно, живи пока! — фыркнула Лютикова в мою сторону и пошла на своё место.

— Так, так! — вошла в тот самый момент в аудиторию Аделина Игнатъевна. — Да у нас дискуссия! Что так отчаянно обсуждаем?

При виде Церберши все как языки проглотили. В аудитории воцарилась тишина и спокойствие.

Тема нашей сегодняшней лекции «Метафоризм как средство выразительности характеров былинных героев». В ту секунду, когда Аделина Игнатъевна отвернулась к доске, записывая тему, мне на парту кинули записку. Я удивилась, кто решился на столь отчаянный шаг, так как у Церберши, судя по всему, на затылке тоже была пара глаз.

Быстро развернула сложенную бумажку «Если передумаешь, позвони 89257138061». Записка была без подписи. Но я знала её хозяина, точнее хозяйку. Я посмотрела на Хворостову. Её глаза были чёрными и блестели, как в прошлый раз у меня в квартире.

Древнерусская литература была последней парой. Услышав долгожданный звонок, все засобирались, как обычно, не обращая никакого внимания на крики Аделины Игнатьевны о том, что она ещё никого не отпускала. Пополнив свои знания о былинных героях, спустя пять минут мы с Наташей уже бежали по коридору, визжа и подпрыгивая, в шутку друг друга толкая. Народу в коридоре, казалось, было больше, чем обычно. Но нам было всё равно. Мы их просто не замечали. На душе у меня кошки скребли, поэтому я старалась отвлечься, чтобы не думать о грустном. Понадеялась, если буду больше смеяться, забуду про свидание Лютиковой и Ника. Мы подбежали к лестнице.

— Смотрите. Это же «Медведи»!

— Ааааа! Ник! Я люблю тебя!

— Микс! Кир! Красавчики! — раздалось повсюду.

Я даже не успела среагировать, как полагается.... В эту самую секунду, когда началась массовое помешательство в коридоре, Наташа, не рассчитав силы, толкнула меня так, что я кубарем покатила по ступенькам со второго этажа на первый, с «ветерком», как говорится. Студенты на лестнице, заметив меня, расступились в стороны, так что преград для идеального скатывания у меня не было. Почти... Никита Домбровский поставил ногу как раз на пятую ступеньку снизу, в тот самый момент, когда я на него налетела. С лестницы мы скатились уже вдвоём. Я приземлилась удачно — прямо на Ника.

— Чёрт, что это было? — Домбровский лежал на спине под лестницей, я же лежала на нём, всё ещё боясь оторвать голову от его мужественной груди.

Ник сделала это сам. Рукой он взял меня за волосы и потянул мою голову кверху, так что наши глаза встретились.

— Клоун, это снова ты? — в его голосе чувствовалось раздражение и негодование.

Ещё бы — представляю, что он чувствовал в тот момент. Всё внимание окружающих было приковано к нам. Все молчали, в ужасе ожидая того, что произойдёт дальше. «Кумир миллионов», как выразился Васильков, лежал в белоснежной рубашке на спине на грязном полу коридора. А на нём уже сидела я. Его рука всё ещё держала мои волосы.

— Пусти, придурок! — я ударила его по руке. Он расслабил её.

— Придурок? — вот и показался его оскал. — Это ты мне сейчас сказала?

— Кому же ещё! — не знаю, откуда у меня взялось столько храбрости, видимо, ещё полностью не отошла от обиды.

Все студенты после моих слов были в лёгком шоке.

— Ну, всё, клоун! Тебе конец! — Ник схватил меня за руку и отшвырнул в сторону, так что я чуть не влетела в стену.

— Ник, ты чего творишь? — Миксер не мог за меня не вступить. Он подлетел ко мне и помог подняться. — Ты в порядке?

Я кивнула.

— Ты в порядке? — кривлялся Домбровский, изображая Стаса. — Да что с ней станет? Это ненормальная чуть не убила меня!

Миксер поднялся во весь рост и подошёл вплотную к Нику.

— Ник! Это уже чересчур! — он потирал кулаки.

— Чересчур? — переспросил Ник каким-то неестественно писклявым голосом. —

Миксер, ты будешь защищать эту корову?

Миксер размахнулся и ударил Домбровского по лицу.

— Микс? Ты чего творишь? Ты в своём уме? — Ник одной рукой держался за щёку, второй — крутил возле виска. — Знаешь, что! Я этого так не оставлю! — пригрозил он.

— Ну, всё! Хватит! — в разговор встрял Кир. — Устроили тут концерт. Пойдём, Ник! Тебе надо успокоиться! — попытался он увести Никиту.

Тот же, отряхнув рукава рубашки, затем брюки, сплюнул под ноги и под всеобщие вздохи и охи окружающих, пошёл вслед за тянувшим его за руку Киrom.

— Тебе конец, клоун! — крикнул мне Ник напоследок, и, прикрывая рукой дырку на пятой точке, образовавшуюся, видимо, вследствие неудачного приземления, скрылся в толпе коридора.

Стас помог мне подняться. Тут же подлетела Наташа.

— Ну, ты даёшь, подруга! — закрывала она рот ладонью. — Круто ты его!

— Да ну тебя! — отмахнулась я, с трудом представляя, что же теперь будет.

— Ты точно в порядке? — спросил Стас.

— Всё нормально! Жить буду! — попыталась я улыбнуться. — Только не знаю, как.

— Я поговорю с Ником, когда он немного успокоится, — Стас улыбнулся. — Представляю, что он сейчас чувствует: какая-то девчонка его оседлала на глазах всего универа! Ха-ха-ха! — Стас не мог сдержать смеха.

— Так ему и надо! — Наташа засмеялась вслед за Стасом.

А мне было совсем не до смеха!

— Ничего! Ему полезно! Может, спустится с небес на землю! — подытожил Миксер. — Ладно! Мне пора! А ты приходи не репетицию! — крикнул мне Стас уже на ходу.

— Что с тобой? Ты бледная! — сидела мама на моей кровати. Она потрогала лоб. — У тебя случаем не температура?

— Со мной всё хорошо, мама, — пыталась я сдерживать слёзы.

— Точно?

— Да. Просто устала сегодня, хочу спать.

— Ладно, — мама не стала меня мучить, — спокойной ночи, — она выключила ночник, поцеловала меня в лоб, как обычно, и оставила наедине с моими чувствами, которые кипели внутри меня, готовые разорвать на части моё бедное сердце.

Я уткнулась носом в подушку и проплакала не менее получаса. Не знаю, чему я больше расстроилась, тому, что в эту самую минуту хозяин моего сердца развлекается с Цирцеей-Лютиковой. Или же я плакала от обиды на Ника за его слова, которые до сих пор эхом звучали в голове. «Клоун», «корова», «чучело» — это было самое обидное, что я когда-либо слышала! Нет! Так больше не может продолжаться! Я больше не хочу страдать! Я должна что-то предпринять. Может быть, сказать ему всю правду? Сказать, что люблю его больше жизни! Да он просто посмеётся мне в лицо! Нужно придумать какой-то план. Я включила ночник «Зачем ты мучаешь меня? Почему не даёшь покоя?» — смотрела я на бумажного Ника. Но так и не дождалась ответа....

Глава шестая «Нелёгкое решение»

В ту самую минуту, когда я ломала голову, размышляя о несправедливости этой жизни, виновник моей ноющей боли в сердце вынашивал план мести.

— Ненавижу! — крикнул Ник, и с дивана в стену полетела подушка.

— Ты об этой девчонке? — спросил Кир, потягивая пиво из бутылки. — Да! Видать,

здорово она тебя задела!

— Заткнись, Кир!

— А что я такого сказал?

— Я не могу всё это так оставить! Это чучело ещё поплачет у меня!

— Может, забыть уже? Ну, правда! Бывает! Оступилась девочка, упала! Она же не виновата, что под руку ей как раз ты попался! — Кир не мог сдержать улыбку.

— Да что вы все заладили: девочка, девочка! Да она сучка прожённая, видно же! — Ник швырнул ещё одну подушку. — А-а-а! — схватился он за щёку. — Ещё Миксер! Придурок!

— Если бы он тебе не врезал — ты бы ещё больше дров наломал! Это был отвлекательный манёвр! — Кир бросил на стол опустошённую бутылку. — Миксер куда там за пивом пошёл? Его только за смертью посылать!

— Как же все бесят! Почему все бабы такие тупые? — Ник схватился за голову. — Ненавижу!

— Ну-ну!

Послышался шум ключа в замочной скважине.

— Вот и этот придурок! — кивнул Ник в сторону двери.

Кир вскочил с кресла.

— Ну, ты чего так долго! — он выхватил бутылку пива, открыл её и прямо на ходу опустошил половину. — Хорошо, холодненькое, — протянул он каждое слово.

— Ник! Ты это... — Стас подошёл к дивану и присел на краешек.

— Уйди! Пока не убил тебя! — Ник отвернулся к стене.

— Да, брось, Ник! Если бы не Микс, я сам бы тебе врезал! — пытался Кир оправдать поступок друга.

Ник приподнялся.

— Да вы что? Сговорились?

— Не, ну, правда! — Кир положил руку на плечо Стаса. — Тебя же нужно было как-то остановить — ты же в разнос пошёл!

— Да пошли вы оба!

— Пиво будешь? — виноватым голосом спросил Микс, протягивая Домбровскому открытую бутылку пива. — Ладно, Ник, я уже извинился. Чего ты ещё от меня хочешь?

— Из-за какой-то бабы поднять руку на лучшего друга? — Ник всё ещё злился. — И просто «извини»?

— Если я скажу тебе, что ты был не прав, ты же не поверишь в это? — голос Стаса был резким. — Ты же у нас всегда прав! Разве нет?

— Ладно! Кончай базар! — Кир встал между друзьями. — А то сейчас опять начнёте выяснять отношения! Всё! Баста! Давайте пива попьём нормально!

— Не, Кир! А я так и не понял, ты на чьей стороне? — не успокаивался Ник.

— На твоей! Только на твоей, дружище! — поддержал Кир Ника. — Все бабы — тупые, все они — сучки прожённые! — он подмигнул Стасу, — всё как ты говоришь!

Ник потянулся за пивом.

— Так-то лучше! Ты пригласил этого клоуна на репетицию в пятницу? — улыбка скользнула по лицу Ника.

— Ты чего задумал? — насторожился Стас. — Я тебя знаю! Ник! Брось! Не связывайся ты с Анжеликой!

— Ты даже её имя запомнил? Ну-ну! Может, ты скажешь, ещё и втюхался в неё?

— Нет! С чего ты взял? — Стас покраснел.

— Да, ладно! Чё, правда? — Ник встал с дивана, прошёлся по комнате и плюхнулся в кресло напротив. — Тогда поспеши тебя огорчить! На эту девочку, — сделал он ударение на последнем слове, — у меня свои планы! — напоминающая оскал улыбка не сходила с лица Ника.

— Ник! Брось! Миксер прав! — Кир в последний раз попытался образумить Домбровского. — Не хватало ещё из-за баб ссориться! Мы же друзья!

— Друзья! — подхватил Ник. — Никто ссориться и не собирается! Не так ли, Микс? — Ник подмигнул Стасу и сделал глоток из бутылки. — Кстати, как там насчёт обещанных девочек, друг?

— Ааа! Точно! — опомнился Миксер и схватился за телефон. — Сейчас всё будет!

Через полчаса в дверь позвонили.

— А вот и девочки! — Кир в предвкушении приятной встречи потирал ладони друг о друга.

— Что же, Микс, — похлопал друга по плечу Ник, открывая четвёртую по счёту бутылку «Туборга». — Считаю, ты реабилитирован! — он встал с кресла и направился к «музам» сегодняшнего вечера.

«Музами» оказались три довольно милovidные блондинки. Так что продолжение вечера обещало быть удачным!

Утром я еле открыла опухшие глаза. Посмотрела на себя в зеркало — как будто неделю пила беспробудно. Слипшиеся веки, синяки под глазами — да, красавица, нечего сказать!

— Ты как, в порядке? — встречала меня у ворот моя верная подруга.

— Если можно так сказать! — я выдавила улыбку.

Желание у меня было одно — увидеть виновника моей бессонной ночи. Но Ник так и не появился в тот день в универе. Он пропал на два дня. Ни в четверг, ни в пятницу он так и не появился. Эти дни были ужасными и для меня. Хотела спросить у Миксера, который теперь всякий раз мне улыбался и подмигивал, что случилось с Ником, но духу не хватало.

— Придёшь сегодня на репетицию? — остановил меня Микс в коридоре.

— Приду! — улыбнулась я во весь рот — если будет репетиция, значит, будет и Ник.

Я не могла дождаться вечера.

— Ты куда собираешься? — зашла в комнату мама в тот самый момент, когда я вытряхивала вещи из шкафа.

— В универ! — спокойно, чтобы не выдать себя, ответила я.

— Как в универ? Так поздно? — удивилась мама.

— А я разве не говорила тебе? — я врала, глядя ей в лицо. — Воронова назначила нам консультацию в семь вечера.

— Почему так?

— Не знаю, — покачала я головой. — Вера Ивановна вообще же очень странная. Может, раньше у неё времени нет. А ты знаешь, по литературе успеваемость у всех не очень, а впереди — сессия.

Короче, мама поверила — не пришлось ей долго сказки рассказывать. Как всегда заставила меня надеть длинную синюю юбку, серую водолазку и помогла собрать волосы в пучок. Но я успела-таки незаметно от неё сунуть в рюкзак свою дежурную юбку в красную клетку и обтягивающую белую блузку. Несмотря на обещание профессору Литвинову не надевать больше этих пошлых вещей, сегодня, я подумала, они мне могут пригодиться.

Ровно в семь я открывала дверь актового зала. Ника ещё не было. Кир сидел за барабанами. Миксер же — в зале в первом ряду, со всех сторон окружённый поклонницами. Кругом был полумрак. Свет был только на сцене. Я прошла в середину зала и села на кресло. Я надеялась на компанию Миксера, но он даже не заметил моего присутствия.

— Аааааа! Ник! — раздалось повсюду.

— Боже мой! Какой красавчик!

— Ник! Я хочу тебя!!!

Я обернулась. В арке двери стоял Ник. Из-за полумрака был виден только его силуэт. Он был прекрасен! По обыкновению он дёрнул головой, поправил съехавшую на глаза чёлку и медленным шагом направился к сцене.

При походке его длинные волосы качались из стороны в сторону, то открывая, то закрывая его самое сексуальное место — родинку над верхней губой. Несмотря на восторженные крики фанаток, он ни разу не улыбнулся. Подойдя к сцене, он не стал подниматься по ступеням, а ловко перепрыгнул через бортики. Ник подошёл к микрофону. Свет падал прямо на него. Боже, как же он был красив! Я глаз не могла от него оторвать. Кожаные чёрные брюки обтягивали его крепкую фигуру. Из-под косухи виднелась белая немного растянутая майка. Вокруг шеи был обмотан широкий клетчатый шарф. На сцене в этих высоких рокерских ботинках он казался ещё выше, чем обычно.

— Начали! — сказал Ник грубо в микрофон.

В это время Миксер уже поднимался на сцену.

Через минуту загремела музыка. То ли от её грохота, то ли от наслаждения, которое я испытывала, не сводя глаз с главного солиста, у меня тряслись колени.

— Аааааа! — кричали в такт аккордам фанатки, перебивавшие громкую музыку.

— Медведи супер!

— Ник! Я люблю тебя!

— Ник! Я хочу тебя!

— «The Bears» — лучшие! — эхом доносились до меня крики помешавшихся.

Меня же интересовал лишь один из них, знающий себе цену. Ник кривлялся перед микрофоном, как модница перед зеркалом, вставая к зрительному залу то в профиль, то анфас. Он с гитарой в руках то наклонял голову и тряс своими шикарными волосами, то опрокидывал голову назад, показывая напоминающую звериный оскал улыбку.

Наконец, раздался его нежный томный голос:

— Не даёт покоя чей-то пристальный взгляд —

Я никак не разберусь: это друг или враг.

Мне опять не уснуть в эту тёмную ночь,

Может, смотрит моя тень, может быть, чья-то дочь...

— Может, всё-таки да, а, может быть, и нет,

Но я жду-не дождусь, когда наступит рассвет.

Я под утро усну, но в каждом сне подряд

Мне не даёт покоя чей-то пристальный взгляд.

Мне не даёт покоя...

Мир для меня перестал существовать. Я бы всё сейчас отдала — лишь бы мы оказались вдвоём в этом актовом зале...

В эйфории я находилась до тех пор, пока ко мне не подседа Лютикова. Откуда её только чёрт принёс?

— Привет, Синицына! — кричала она мне на ухо. — Не ожидала тебя здесь увидеть. «Спокойной ночи, малыши не боишься пропустить?»

— Привет, Лютикова! Не бойся, успею! — как же она меня бесила в тот момент.

— А ты зачем здесь? — спросила она, приклеив под сиденье вынутую изо рта жвачку.

— А ты зачем? — я окинула её взглядом: полупрозрачное чёрное гипюровое платье с глубоким декольте да к тому же ещё и с расстёгнутой верхней пуговицей еле умещало её прелести, которые, казалось, немного поднажать, и вывалиться наружу. Из-под подола платья выглядывали ажурные края чулок. И этот боевой раскрас. Всё говорило о том, что, судя по всему, она оказалась здесь не случайно.

— Ты одна или со Степановой? — не ответила она на мой вопрос.

— Одна! — я уже пожалела, что пришла.

— Тебя пригласили? — продолжала допрос главная Цирцея.

— Может быть! — ответила я грубо, надеясь, что она отвяжется от меня.

Но Лютикова об этом даже и не думала.

— Уж не Ник ли Домбровский?

Я обернулась к ней:

— Тебе какая разница?

— Запомни, Синицына, Ник — мой! — глаза её блестели. — Вон с Миксером развлекайся! Усекла?

Я встала с места и отсела от Лютиковой на другой ряд.

Да, настроение она мне подпортила.

Наконец, репетиция закончилась. Фанатки повалили на сцену. Кто-то повис на Миксе, чему тот, явно, был доволен, не упуская возможности поладать симпатичных девчонок. Кир держался скромнее, хотя и ему досталась внимание. Целая толпа была вокруг Ника. Я встала с места и подошла поближе к сцене. Ник держался холодно, не подпуская к себе никого.

— Ник, привет! — Лютиковой удалось прорваться сквозь толпу.

Домбровский даже не взглянул в её сторону.

— Привет! — Марина дотронулась до его плеча.

Тот посмотрел на неё.

— Тебе чего? — грубо спросил Ник.

— Мы два дня назад хотели встретиться, — она как-то неестественно крутила головой и опустила одной рукой бретельку бюстика, видневшегося из-под глубокого декольте платья.

— И чего? — спокойно ответил Ник.

— У тебя были какие-то дела. Может, сегодня встретимся? Я на машине, могу подвезти.

Да, от такой наглости Лютиковой все остальные фанатки рты пооткрывали.

Ник подошёл к ней, взял её за подбородок и заглянул в глаза.

— На сегодня у меня другие планы, детка!

Уже спускаясь со сцены, он развернулся к друзьям:

— Миксер, Кир, завтра в «Кубе»! Не забудьте!

И направился к двери, на ходу натягивая косуху, которую снял во время репетиции.

Поклонницы главного солиста «Медведей» так и застыли на сцене, как вкопанные.

Я тоже провожала взглядом своего кумира.

Вдруг Ник остановился возле двери. Все присутствующие в зале замерли в ожидании.

— Ой, точно, чуть не забыл! — сказал он громко, так, чтобы все слышали.

Он развернулся и, натянув улыбку, направился прямо ко мне.

— Анжелика! — раздался в это время радостный голос со сцены.

Миксер спрыгнул в зал.

— Ты давно здесь? — улыбался он.

— С самого начала!

— А я не видел тебя! — он поправил рукой спадавшие на глаза волосы. — Ты сейчас куда? Может, прогуляемся?

— У неё на сегодня уже есть кавалер! — подошёл ко мне Ник. — Ну, что, малышка, наш план в силе?

Я обернулась, так как не верила, что эти слова были обращены ко мне.

Сзади стоял Миксер и, видимо, тоже не верил.

— Ник! Что ты задумал? — настороженно спросил он.

Ник взял меня за руку с такой силой, будто боялся, что я сбегу.

— Ничего! — спокойно ответил он Миксеру. — Хочу прогуляться с симпатичной девушкой. — Пойдём? — заглянул он мне в глаза.

От этого взгляда я потеряла бдительность, нет, хуже, я потеряла рассудок.

Я кивнула в знак согласия.

Ник вытянул свои сексуальные губы в трубочку и приблизил их к моим, так, что у меня перед глазами всё поплыло. По инерции я, дура, потянулась к его губам. Дура, потому как в ту самую минуту, когда я, как мне казалось, почти дотронулась их, Ник засмеялся мне в лицо.

— Ты что, правда решила, что я тебя поцелую? Ха-ха-ха! — он смеялся так, что, казалось, не только окна, но и стены в актовом зале дрожали. — Даже если ты будешь последней женщиной на земле, я никогда до тебя не дотронусь! — он сжал моё запястье так, что я сморщилась от боли.

— Пусти её! — крикнул Стас.

— Да, пожалуйста! — Ник отпустил, наконец, мою руку и продолжал издеваться. — Ты себя в зеркало видела? Думаешь, такую как ты, можно поцеловать? Ха-ха-ха! — от его громкого смеха у меня мурашки пробежали по всему телу.

Послышались смешки вокруг.

От стыда мне хотелось провалиться в тартарары. Я почувствовала, как слеза катилась по щеке.

— Ты — уродина, какую ещё поискать!

Я не могла больше этого выносить, размахнулась и залепила ему пощёчину.

— О, да! Это всё, на что ты способна? — Ник разошёлся не на шутку, подставил мне вторую щёку. — Чего так слабенько? Думаешь, если побьёшь, испугаешь? И я соглашусь с тобой переспать из-за страха? А? — паясничал Домбровский.

— Пошли отсюда! — Стас схватил меня за руку и потащил к выходу!

— О, да! Защитничек! Миксер, ты думаешь, тебе что обломится? — Ник продолжать хохотать.

— Ну! — развёл он руками, как только мы скрылись за дверью. — Кто там предлагал свои услуги на сегодняшний вечер? Я готов!

Лютикова вышла из толпы.

— А, что? — оглядел её Ник со всех сторон. — Очень даже неплохо! Поехали?

Лютикова же только этого и ждала. Она подошла к виновнику переполоха вплотную и страстно впиалась в его пухлые губы.

— Ооо! А это мне даже нравится! — Ник обнял её за плечи. — Ну что, детка, к тебе?

— Легко!

— Дурак! — покачал головой Кир, как только и Ник с Лютиковой покинули актёрский зал.

— Я отвезу тебя домой? — с надеждой в голосе спросил Стас, протягивая мне очередную носовую платок возле двери универа.

Я вытерла слёзы.

— Не стоит. Я на метро, — продолжала я всхлипывать.

— Не обижайся на него! Он — дурак! Это всего лишь месть за тот поступок, ну...на лестнице!

Не обижаться? Да я убить была готова этого Домбровского в ту самую минуту!

— Он не умеет прощать обиды! — будто прочитал мои мысли Стас. — Он успокоится и ещё прощение у тебя попросит!

— Ты так думаешь? — слова Миксера были как бальзам на душу.

— Я уверен! — продолжал он меня успокаивать.

— Спасибо, что заступился за меня!

Тут в дверях показался Кир, подбежал к другу, обнял его за плечи.

— Микс, ты слышал, девушка сама доберётся. А мы с тобой сегодня идём в гости. Ты не забыл? — потрепал он Стаса за волосы.

— Ладно. Пока! — решив, что это лучший момент, чтобы удалиться, я поспешила это сделать.

— Жалко девчонку! — провожал меня взглядом Стас.

— Да, брось! Это что в первый раз? Пора бы уже привыкнуть к выходкам Ника!

— Вот это меня и бесит! Он, вроде, нормальный парень! Но иногда я начинаю в этом сомневаться! — покачал Стас головой.

— Да сами разберутся! Ник помурьжит её немного, потом сам же в постель затащит! — Кир сделал паузу. — Хотя нет!

— Почему? — в глазах Стаса мелькнул огонёк надежды.

— А зачем она ему? Она даже домой на метро ездит! — сделал вывод Кир. — Слушай, а, может, тебе за ней приударить? Ведь она же тебе нравится?

— Да ну тебя!

— А что? Скажешь, не так?

— Нет!

Я же в тот момент бежала, стуча каблуками по плитке тротуара. Слёзы обиды душили меня. Я остановилась, прижалась к дереву и опустила на землю.

Издали я видела, как Ник в обнимку с Лютиковой вышли из универа и, то и дело останавливаясь и целуясь, подошли к байку Ника. Домбровский протянул шлем Цирцеи и помог его застегнуть.

Уже через секунду чёрная «Ямаха» с рёвом отъехала от ворот универа.

Затем я наблюдала, как уходили Стас Миксонов и Кир, абсолютно счастливые и довольные, в компании двух блондинок.

— Не, ну это нормально? — спросила одна из девушек. — Что это за баба была?

— Успокойся, солнышко! — ответил Микс. — Тебя это никак не касается!

— Это была муза Микса! — улыбнулся Кир. — А вы на сегодня наши девушки. Вы не против? — целовал он в шею одну из подружек, вцепившуюся в него мёртвой хваткой.

Вторая блондинка повисла на Миксере, шепча ему что-то на ухо, после чего они заговорщески улыбнулись.

Только я была одна....

Я должна была возненавидеть Ника после всего.... Но я решила дать ему ещё один шанс... Нет, точно последний....

Зазвонил телефон.

— Алло. Кто это? — ответила я на незнакомый номер.

— Всеслав Макарский. Я обещал в пятницу позвонить.

— Тебя мне ещё не хватало! — вздохнула я, закрыв телефон рукой.

— Что ты сказала?

— Это я не тебе!

— У нас завтра свидание! Ты не забыла?

— Я помню!

— Ну, и куда ты хочешь пойти? — заманчиво спросил Макарский.

— В «Кубу»! — не задумываясь, ответила я.

— В «Кубу»? — переспросил он.

— Да! Такой ночной клуб!

— Ну, я-то знаю, что такое «Куба». Просто я думал, что ты не любишь такие заведения!

И мы пойдём в кино или в ресторан.

— Я хочу в «Кубу»! — настаивала я.

— В «Кубу» так в «Кубу»! Как скажешь. Я заеду за тобой в десять вечера.

— В десять — поздно! Лучше в семь! И не ко мне! — вспомнила я про маму. —

Встретимся у Наташи в семь.

— А она тоже с нами? — полушёпотом спросил Макарский.

— Мы же договорились!

— Ну, да, ну, да! — оправдывался он. — Ладно, ждите меня в семь у Наташи.

Только я положила трубку, позвонила мама. Успокоив её, что со мной всё в порядке, заболталась с девчонками и немного задержалась, я засобиравшись домой. Оглядевшись по сторонам, я думала, где бы мне переодеться, чтобы скрыть следы своего сегодняшнего позора.

Уже через час я лежала в своей кровати.

— Можно? — показала в дверях мама.

— Заходи!

Она села на край возле меня.

— Ты не рассказала, как прошла консультация?

— Отлично. Как же ещё! — я думала, как бы отпроситься у мамы на завтра. — Знаешь, нам задали с Наташей подготовить тему для выступления в понедельник. Это повлияет и на экзаменационную оценку, как сказала Вера Ивановна.

— И что? — не понимала мама, к чему я клоню.

— Можно я завтра пойду к Наташе готовиться? — спросила я, закатив глаза и собрав губы бантиком.

— Тебе не кажется, что ты зачастила к Наташе? Может, её к нам пригласишь?

— Мам, ну, ты же знаешь, у неё лучше. Здесь мы тебе будем мешать. И ещё у нас интернет постоянно виснет! Ну, пожалуйста!

— Не знаю даже, — мама задумалась. — Хотела попросить сходить тебя со мной на

рынок.

— Так мы успеем! У Наташи завтра английский и теннис днём. Собраться получится только вечером.

— Что значит вечером? Нет! Никаких вечеров!

— Мамочка, ну, пожалуйста! — я приподнялась с кровати и обняла маму. — Нам нужно выступить лучше всех! Ты же понимаешь!

— А домой ты как доберёшься?

— Сейчас светло до одиннадцати. И меня Наташин водитель может довезти, не в первый раз.

— Ладно, — сдалась мама. — Завтра и посмотрим.

— Спасибо! — счастьем моему не было предела. — Ты самая лучшая мама в мире!

— Сказала «посмотрим», — мама поцеловала меня в лоб, выключила ночник и вышла из комнаты.

Я ликовала, зная, что мамино «посмотрим» это значит «да».

Я вновь простила ему всё. Я размышляла над словами Стаса.... Это была просто местность Ника. Ведь Миксер как никто другой знает своего друга. Если он так сказал, значит, так онс и есть! — оправдывала я поступок Домбровского.

Я включила ночник, приподнялась с кровати и прижалась к Нику. Затем провела по его лицу указательным пальцем и поцеловала в губы.

Пусть он сейчас не один! Пусть он с этой Цирцеей-Лютиковой! Пусть так! Всё равно он будет моим!

— Уже уходишь? Так быстро? — Марина потянулась к настольной лампе.

Ник встал с кровати, запрыгнул в брюки, натянул майку.

— А тебе мало? — обратил он, наконец, внимание на оторопевшую девушку.

— Но ведь мы только пришли! — развела она руками. — Можешь, удержишься?

— Зачем?

— Тебе не понравилось? — Лютикова встала с кровати и подошла совсем близко к Нику, стоявшему в дверях комнаты. Она сбросила с себя простыню, под которой ничего не было, кроме её «прелестей», взяла руку Ника и положила себе на грудь.

— Может, всё-таки передумаешь? — кокетливо продолжала она.

— Может, хватит? — Ник резко одёрнул руку и развернулся к двери.

— Пстой! — Лютикова не спешила сдаваться. Она вновь взяла Ника за руку и попыталась пристроить её между ног.

Ник вновь одёрнул руку.

— Это был просто секс! — грубо ответил он. — Не более!

— Да, но разве мы больше не увидимся? — Марина хлопала глазками, будто сейчас расплачется от обиды.

— Ты меня слышала? — повторил Ник. — Это был просто секс, причём не самый лучший в моей жизни! — усмехнулся он.

— Ты и, правда, козёл!

— Это я козёл? — Ник рассмеялся. — Сказать, каким словом называют таких, как ты?

— Да я тебя! — обиженная девушка с кулаками набросилась на несостоявшегося мачо. — Правильно Синицына вlepила тебе пощёчину! — кричала она. — Да таких, как ты кастрировать мало! Ненавижу тебя!

— Ох, детка! — Ник ловко уворачивался от её ударов. — Я почти каждый день это

слышу! Поэтому не обижаюсь на тебя!

Марина кулаками «проводила» Ника до самой входной двери.

— Идиот! Придурок! — продолжала она засыпать его «комплиментами» даже на лестничной клетке.

— И тебе счастливо оставаться! — послал он ей воздушный поцелуй.

— Кобель! — никак не могла успокоиться разъярённая девушка.

— Вот сучка! С такими связываться — себе дороже! — не мог успокоиться и Ник, застёгивая мотоциклетный шлем.

Уже через полчаса он сидел за барной стойкой в «Кубе», успокаивая нервы пивом из высокого бокала. Девушки подходили к нему одна за другой, но Ник не обращал на них никакого внимания, погрузившись в свои мысли.

— Ник, — подошёл к нему охранник под два метра ростом, — шеф тебя зовёт!

Ник поднял на него глаза.

— Сейчас приду, — он допил пиво, достал из кармана деньги, швырнул их на барную стойку. — Сдачи не надо.

Через минуту он стучал в дверь кабинета хозяина «Кубы».

— Можно? — спросил Ник.

— Заходи!

Ник вошёл в кабинет. Он был просторным и очень светлым. Десятки лампочек в форме свечей висели повсюду. Посередине стоял дубовый круглый стол и кресло хозяина. Напротив располагался огромный кожаный диван, как и кресло, шоколадного цвета. Высокие от самого пола окна, были плотно занавешаны тёмными бархатными шторами. В кабинет стоял запах кубинских сигар и дорого виски.

— Присаживайся, — показал пальцем на диван полный мужчина средних лет с густыми закрученными книзу седыми усами и лысиной на затылке.

Ник подчинился.

Мужчина встал из-за стола и, опираясь на трость, подошёл к бару, располагающемуся в золотом глобусе возле окна.

— Выпьешь? — открыл он крышку глобуса и достал бутылку «Джек Дэниелс».

— Можно, — уселся поудобнее Ник, запрокинув назад голову, а ногу положив на ногу.

По дорогому серому костюму «Brioni» и часам марки «Vacheron Constantin» на руке господина можно было догадаться о его положении в этом современном мире.

— Тобой интересовались очень важные люди, — наливая виски в бокал, начал хозяин кабинета.

— Вот как? — ухмылка пробежала по лицу Ника.

— Когда-нибудь ты доиграешься! — посмотрел на него господин исподлобья.

— Вы меня для этого звали? — Ник протягивал руку за бокалом.

— Ник! Может, хватит уже дурака валять! — сев на кресло, продолжал мужчина. — Ты знаешь, ты мне стал, как сын, и я волнуюсь за тебя.

— Не стоит, — спокойно ответил Ник.

— Я никогда не забуду, что ты спас мне жизнь. Но ты играешь с огнём!

— Может, хватит уже! — Ник отглотнул из стакана и встал с места. Он подошёл к окну и отодвинул шторы.

— Я сам знаю, когда хватит! — сказал Ник. — Ещё рано!

— Тебе нужны деньги? Я предлагал тебе.

— Здесь не деньги.

— Тогда что? Тебе нравится власть над людьми?

— Да сам не знаю, что! — задумавшись, ответил Ник. — Если это всё, Константин Петрович, можно я пойду?

— Иди! — кивнул господин в сторону двери.

Ник спустился вниз по крутой лестнице и, пройдя мимо зала, где гремела музыка, а полуголые девушки разносили коктейли, вышел наружу. Надел шлем и через секунду скрылся в потоке машин ночной столицы.

— Игорь! — позвал оставшийся в одиночестве господин своего опричника.

— Звали, шеф?

— Приглядывай за этим мальчишкой. Как бы он дров не наломал, — покачивал головой Константин Петрович Нилов — больше известный в криминальных кругах, как Костя Нил, в прошлом, вор в законе, сейчас владелец модных клубов и казино, как в России, так и за её пределами.

В прошлом году на него было очередное покушение. В ту самую минуту проходивший мимо Никита Домбровский, заметив киллера, оттолкнул Нила в сторону, таким образом, спас тому жизнь. Пуля только слегка задела Ника, которому теперь бывший вор в законе был обязан жизнью.

В ту ночь я не спала, ворочаясь с боку на бок. Мне снился Ник, который то манил меня пальцем и прижимал к груди, то вдруг смеялся мне в лицо таким смехом, от которого мурашки бегали по всему телу. Я то и дело вскакивала в холодном поту, не понимая, сон это или реальность.

Только под утро мне удалось уснуть. Но радость была не долгой. Часов в семь меня разбудил Наташин звонок.

— Вчера не могла до тебя дозвониться! — начала та.

— Да, к вечеру зарядка села, — вспомнила я.

— Тебе Макаровский звонил? У нас всё в силе?

— Да! — сонным голосом ответила я.

— Ура!!! — радостные возгласы подруги чуть не оглушили меня.

— Наташ, я хочу спать. Сегодня в семь я буду у тебя. Макаровский заедет за нами.

— Ура!!! — не могла поверить она своему счастью.

Я положила трубку. Но как ни старалась, уснуть не могла. День прошёл как на иголках. Я, как и обещала маме, сходила с ней на рынок. Потом по собственной инициативе приготовила ужин, убралась в квартире. Одним словом, сделала всё, чтобы показать себя заботливой и послушной доченькой. И это подействовало. Мама со спокойной совестью отпустила меня к Наташе заниматься литературой серебряного века.

Первый раз я так сильно ждала вечера. Правда прямо перед выходом у мамы вдруг возникло сомнение, и она пыталась отговорить меня от встречи с Наташей, сославшись на плохое предчувствие. Но в отличие от её моё предчувствие не должно было меня подвести, я надеялась на это.

Всю дорогу, пока мы ехали до «Кубы» меня трясло, как никогда. Я не слышала ни Наташу, которая рот не закрывала: то рассказывала какие-то пошлые анекдоты, то пела дифирамбы Макаровскому. Я не замечала влюблённого взгляда последнего, который глаз не отрывал от зеркала заднего вида. Мои мысли были далеки от всего этого. Я думала о Нике, представляя ещё и ещё раз нашу с ним встречу. Я видела перед собой его зелёно-карие глаза,

его пухлые с маленьким колечком губы, его сексуальную родинку, до которой я в первую очередь хотела бы дотронуться своими губами.

Я не заметила, как мы приехали.

Макарский открывал предо мной дверь.

— Прощу, сударыня, — его улыбка, казалось, светилась в темноте.

Это был второй в моей жизни поход в ночной клуб. Но сейчас я готова была хоть в ад провалиться, если бы Ник был там. Хотя для меня «Кубу» можно было сравнить, наверное, именно с этим местом. Громкая музыка била по вискам — она была сильнее, чем на концертах «The Bears». Глаза никак не могли привыкнуть к темноте, несмотря на бегающие по кругу светодиоды. Было тяжело дышать от дыма сигарет, который густым туманом стоял в воздухе. Ещё больше меня смущали полуголые девицы, дефилирующие в одних купальниках. Если бы ни Ник, я и десяти минут не смогла здесь выдержать.

Глаза постепенно привыкли к темноте. Мы заняли крайний столик возле окна.

— Что будете пить? — Макарский поднялся с места.

— Я — мохито, — кокетливым голосом сказала Наташа, погладив Макарского по руке.

Тот сразу убрал руку.

— А ты? — обратился он ко мне.

— А я — минералку.

— Может, хоть бокал шампанского? — улыбался он мне. — Мы же в клубе. Здесь нужно для храбрости.

— Ладно, — я сдалась, подумав о том, что к моему приходу домой бокал шампанского успеет выветриться.

— Ну, ты и лиса! — перекинувшись через столик, сказала Наташа.

— Почему?

— Ты специально нас сюда вытащила? Знала же, что они здесь будут.

— Кто?

— «Медведи»!

— Ты их видела? — сердце моё забилося сильнее.

— Миксер и Кир отплясывают на танцполе. А вот героя твоего романа не видать.

Я засмузилась. Мне было не по себе в этом злачном месте. А что, если он не придёт? — с ужасом подумала я. После залпом выпитого шампанского, принесённого Макарским, мне стало спокойнее. Меня уже не так раздражала эта долбящая музыка и стриптизёрши, ловко управляющиеся с шестом.

Вдруг музыка прекратилась, и слова ди-джея эхом раскатились по всему залу.

— А сейчас, друзья, наши гости исполнят для вас песню.

Заиграл до боли знакомая мелодия. Я подняла глаза на сцену. У микрофона стоял Ник.

— Итак, встречаем! — продолжал ди-джей. — Группа «The Bears»!

У меня всё поплыло перед глазами. Он был так близко! Луч прожектора падал прямо на него. Ник был по обыкновению в своих кожаных чёрных брюках. Белая обтягивающая майка светилась от ультрафиолета, как и его «фирменная» улыбка, которую нечасто увидишь.

Мой герой дёрнул головой, обхватил микрофон двумя руками и сказал:

— Эта песня для самой прекрасной девушки в этом зале.

— Давай, Ник! — раздались женские крики и визг по всему залу.

— Ник — ты лучший!

— Я люблю тебя!

— Я хочу тебя! — понеслось из толпы, которая вмиг собралась вокруг маленькой круглой сцены посередине зала, лишив меня всякой возможности любоваться красотой главного героя этого вечера.

— Ты куда? — удивился Макарский, увидев, что я встала с места и направилась к толпе фанатов.

— Я сейчас, — махнула я ему рукой.

— Зря стараешься, — решила не упускать Наташа своего шанса. — Она от этого Домбровского с самого начала года тащится, как и многие умалишённые в этом зале.

Макарский нахмурил брови.

— Кто такой? — в голосе его слышались обида и злость.

— Да, ничего особенного. Солист универской рок-группы «The Bears», мечта всей прекрасной половины нашего учебного заведения! — ехидничала Наташа. — Неужели не слышал?

— Нет, — ответил Макарский. — Он богат? Кто родители?

— Да ты что? За душой ни гроша!

— По нему не скажешь!

— Да он пикапер и альфонс!

— Ты откуда знаешь?

— Весь универ говорит об этом!

— Все знают и всё равно ведутся? — ухмыльнулся Сева.

— Все как с ума посходили, и Анжелика тоже! — кивнула Наташа в сторону стоящей у сцены открывшей рот подруги.

— Он не плох собой, это точно. И держится уверенно. Девчонки любят плохих мальчиков. Вот и весь секрет, — сам с собой разговаривал Макарский. Да... — обращался он уже к Наташе. — Весело у вас, я посмотрю, в универе.

Весь же зал пел вместе с Ником:

— Когда приходит любовь,

Сердце открыто,

Когда приходит любовь

В сердце...

Дразнит меня, играет со мной,

Меняет маски...

А я прощаю всё, мечтаю о ней

И жду её ласки.

Прежде всего, мутнеет рассудок,

Я теряю силы.

Манит меня в свои объятия,

Она так красива....

Когда приходит любовь,

Сердце открыто,

Когда приходит любовь

В сердце...

После окончания песни фанатки продолжали визжать, заглушая даже музыку, которая вновь раздавалась из колонок. Миксер, не теряя времени, обнимал какую-то блондинку, то ли от счастья, то ли от количества выпитого, еле держащуюся на ногах. На Кире тоже

повисла пара девушек. Только Ник, как всегда, никого не подпускал к себе, держась холодно и высокомерно. Не обращая никакого внимания на вздохи и стоны поклонниц, осадивших его, он спустился по ступеням со сцены и направился к барной стойке. Он шёл медленной походкой, дёргая головой и разминая круговыми движениями уставшие плечи. Я не сводила с него глаз.

И тут у меня земля ушла из-под ног, голова закружилась, я почувствовала, будто лечу в пропасть.... Ник подошёл к незнакомой мне блондинке в ярко-розовом платье, сидевшей за стойкой. Он обнял обеими руками её лицо, подтянул к себе и страстно впился своими губами в её. Все так и застыли на месте, наблюдая эту откровенную сцену. Блондинка даже не думала сопротивляться. Она обхватила Ника руками за шею и подтянула к себе ещё ближе, так что их тела соприкоснулись.

Я почувствовала, как тошнота подступала к горлу. Мне стало плохо. Я задыхалась. Побежала к выходу, открыла дверь клуба и выбежала на улицу. Шёл дождь. По лицу текли то ли его капли, то ли слёзы, которые я не в силах была уже сдерживать. Я жадно глотала воздух ртом и все никак не могла надышаться.

Я села на ступенях клуба и зарыдала. Не обращала внимания на косые взгляды прохожих в мою сторону. Не слышала вопросов неравнодушных «Вам плохо?» Мне было не плохо.... Мне не хотелось жить в ту минуту! Я посмотрела на проезжающие мимо машины. Ужасные мысли пришли мне в голову. Я поднялась со ступеней, встала посередине проезжей части и закрыла лицо руками, с ужасом ожидая, что произойдёт.

— Ты дура? — услышала я голос и почувствовала, как кто-то схватил меня на руки. Я открыла глаза. Передо мной было лицо Макарского.

— Ты совсем уже? — он отнёс меня к воротам «Кубы» и отпустил на землю.

Мне было стыдно перед ним.... Я опустила глаза....

— Это из-за него? — чуть слышно спросил Макарский.

Я кивнула головой.

— Но ведь ты совсем не знаешь его!

— Я хочу уехать отсюда, — всхлипывая, ответила я.

— Я схожу, заберу твою сумку, — Макарский взял меня за руки и заглянул в глаза. — Ты же не натворишь глупостей?

Я покачала головой.

Он ушёл, оставив меня наедине с дождём, который полностью отражал моё душевное состояние, тяжёлыми каплями падая на землю.

Я сунула руку в карман и нащупала какую-то бумажку. Я вытащила её, развернула. «Если передумаешь, позвони 89257138061».

Я набрала заветный номер.

— Алло! Я согласна! — только и сказала я.

Глава седьмая «Медвежонок»

В воскресенье я целый день провалялась на кровати со страшной мигренью.

— Может, врача вызвать? — переживала за меня мама.

— Зачем? Я же не умираю. Денёчек отлежусь, и всё пройдёт. Завтра пойду в универ.

— Тебе Наташа звонила на городской. Говорит, у тебя мобильный отключён. Я ей объяснила, что ты спишь.

— Спасибо, мама, — сказала я чуть не плача.

— Вы что, поссорились с ней вчера?

— Нет! Что ты! Всё хорошо.

— Я давно тебя такой не видела, — сказала мама. — Ладно, отдыхай.

Она вышла. А я вновь впала в забытьё....

К вечеру мне стало лучше. Я включила телефон: десять пропущенных от Макарского, столько же от Наташи и восемь — от Хворостовой.

Наташа тут же позвонила.

— Ты как, подруга?

— Наташ, я устала. Давай завтра поговорим, — полушёпотом сказала я.

— Хорошо, — вошла она в моё положение. — Ты помнишь, завтра в девять встречаемся на Ваганьковском у центрального входа?

— Точно, — вспомнила я про выездную лекцию, устроенную Верой Ивановной.

— Мы будем проезжать мимо твоего дома. Хочешь, заберём тебя?

— Да, спасибо. Было бы неплохо.

— Тогда до встречи. Завтра в восемь жди.

— Пока.

Не успела я положить трубку, как телефон зазвонил снова. То была Хворостова.

— Алло. Да, Аня, ты что-то хотела. Прости, я телефон отключала, приболела немного.

— Я хотела узнать, наш договор в силе?

— Да! — уверенно ответила я.

— Ты точно не передумаешь? Потом будет поздно!

— Нет. Я всё для себя решила.

— Хорошо. Завтра поговорим!

Потом позвонил Макарский. С ним разговаривать у меня не было никакого желания. Я вновь отключила телефон.

Переодевшись в пижаму, легла в кровать, перед сном долго смотрела в глаза Нику, пытаюсь понять, почему именно он.... Как он, простой парень, смог завладеть моим сердцем и душой. Я уже не принадлежала себе, всецело отдавшись герою моих грёз.... Неужели он будет моим? Неужели, правда, такое возможно? И скоро я буду целовать не бумагу, а ощущать тепло его губ....

В это самое время та, которая вызвалась мне помочь, с ехидной улыбкой потирала руки, сидя на кровати в своей комнате. Хворостова потянулась за телефоном и набрала чей-то номер.

— Алло! Да! Она согласилась! — в глазах Тортиллы был чёрный отблеск. — «Проклятие медвежонка» у нас в руках!

Она ещё долго сидела на кровати, а довольная улыбка не сходила с её лица.

— Ну и погодка сегодня! — помогла мне открыть заднюю дверь белого «Мерседеса» Наташа.

— Привет! Я замёрзла, пока ждала вас.

— Прости! — виновато сказала подруга. — Везде пробки. Сегодня из-за дождя ещё больше, чем обычно.

— Мы успеем к девяти?

— Обижаете! — ответил вместо Наташи её водитель. — Долетим как на крыльях!

Ровно в девять мы стояли у главных ворот Ваганьковского кладбища.

Воронова была сегодня в чёрном костюме, соответствуя полностью тому месту, где мы находились.

— Степанова, Синицына, только вас и ждём! — довольная улыбка появилась у неё на лице. — Пойдёмте!

И мы медленно поплелись за профессоршей. В это дождливый день с чёрными огромными зонтами мы напоминали скорее траурную процессию, нежели студенческую экскурсию к последнему пристанищу самого народного поэта.

— Мы теперь уходим понемногу
В ту страну, где тишь и благодать.
Может быть, и скоро мне в дорогу
Бренныe пожитки собирать.
Милые берёзовые чащи!
Ты, земля! И вы, равнин пески!
Перед этим сонмом уходящим
Я не в силах скрыть своей тоски...

Вера Ивановна читала один за другим стихи Есенина, вспоминая о его жизни. Все слушали, как заворожённые, отдавая дань любимому поэту, вглядываясь в черты его лица, навеки запечатлённые в холодном камне. От стука дождя по полотнам зонтов, её голос эхом раздавался по кладбищу. От этого становилось не по себе. В такой атмосфере, действительно, только и размышлять о бренности этого мира.

Раньше мне нравилось бывать на кладбище: мы с мамой часто навещали могилы папы и бабушки. Я чувствовала себя умиротворённо и спокойно. Но сегодня всё было наоборот. И Хворостова просто не спускала всю экскурсию с меня глаз. От её взгляда меня трясло....

Вздыхнула облегчённо лишь тогда, когда экскурсия закончилась, и мы потянулись к выходу. Меня пугали памятники и свежие могилы, заваленные цветами и венками. Я вцепилась в Наташину руку и старалась держаться к ней поближе.

Мы почти покинули территорию, как мне в глаза бросился какой-то синий предмет на тропинке. Я отпустила Наташину руку, подошла поближе, наклонилась.... Это бы плюшевый медвежонок. Он был сантиметров пятьдесят в высоту и необычного ярко-синего цвета. Такого синего я раньше никогда и не видела, разве что цвет васильков был близок к нему. Я осторожно взяла его за лапу и подняла. Странно, но, несмотря на дождь, медвежонок был абсолютно сухой и совсем не грязный.

— Что это? — подошла ко мне Наташа.

— Медвежонок! — какая-то неведомая сила заставила меня прижать его к груди.

— Какая прелесть! — развела подруга руками. — Но что он здесь делает? — недоверчиво сказала она.

— Не знаю. Может, кто-то потерял. Он совсем не мокрый. Как такое возможно?

— И как быть?

— Раз кто-то потерял, возьму его себе! — не могла я расстаться с игрушкой.

— Ты с ума сошла! — с ужасом посмотрела на меня подруга. — Разве можно забирать вещи с кладбища?

— Наташа, но ведь это игрушка. Тем более она не на могиле стояла, а валялась на дороге, значит, просто кто-то потерял, — оправдывала я свой поступок. — Смотри, какая прелесть! — сунула я ей под нос медведя. — Ну, разве я могу оставить его здесь, под дождём?

Подруга понимающе кивала. И мы уже втроём покидали смиренное кладбище.

Я и не догадывалась, что за мной всё это время наблюдали. Хворостова, не отстававшая

от нас ни на шаг, достала телефон из кармана плаща.

— Алло! Да! Она взяла его! Теперь она наша!

На метро мы быстро добрались до университета.

— Так. Началась уже вторая пара. Но с Иван Васильевичем я договорилась. После раздевалки все быстро в столовую, выпить по чашке чая. Не хватало, чтобы вы ещё заболели. На следующем уроке семинар по творчеству Сергея Есенина. Никому не отлынивать! — приказным тоном сказала Воронова и ушла.

Все её послушались, согретья холодные руки о нагретые от горячего чая кружки.

Я посадила медвежонка на стол рядом с собой и не могла оторвать от него глаз.

— Ты всё в куколки играешь? — не могла пройти мимо и не задеть меня Лютикова.

— Отвали от неё! — встала с места Наташа.

— Больно надо связываться. Пойдём подальше, тут плохо пахнет! — взяла она под руку Белову и Кондратюк, и Цирцеи сели подальше от нас.

— Кстати, знаешь, что за баба была, там, в клубе с Ником?

По моим заполнявшимся слезами глазам, Наташа поняла, что мне не приятен этот разговор.

— Ладно, прости! Ты, наверное, не хочешь об этом слышать!

Мне было больно, но в то же время я не могла это не узнать.

— Кто она?

— Очередная жертва! — махнула рукой Наташа. — Рита Зацепина. Слыхала про такую?

— Нет!

— Да ты что? — удивилась подруга. — Продюсер Олег Зацепин. Он кучу звёзд раскрутил. Ты не в курсе, кто это?

— Нет, не слышала! — я покачала головой.

— Ну, ты даёшь, подруга. Ты, что, кроме своего Домбровского ничего больше не слушаешь? Короче, Рита Зацепина — его дочь и известная в Москве фотомоделль.

— И чего?

— Твой Ник теперь с ней.

Я чуть чаем не поперхнулась. Слезы-предатели покатались из глаз.

— Откуда ты знаешь? Может, это была всего одна ночь? — с надеждой в голосе спросила я.

— Нет. Одна знакомая сказала. Она общается с этой Зацепиной.

— И что она сказала? — спросила я полушёпотом, боясь услышать ответ.

— Ник признался ей в любви. И он давно ей нравился. Короче, любовь у них там невероятная! Так что, хватит себя мучать! Лучше забудь! — я ждала этих слов, но всё же они прогремели как гром среди ясного неба.

Я заткнула уши, чтобы только не слышать Наташу.

— Замолчи! Я больше не хочу это слушать! — крикнула я на подругу так громко, что все присутствующие в столовой развернулись в нашу сторону. — Это всего лишь сплетни! Гнусные, гадкие сплетни! — не хотела я верить.

— Ну и как хочешь, истеричка! — обидевшись, Наташа поднялась из-за стола. — Хотела помочь тебе, а ты... Ну и делай сама, что хочешь! — Наташа направилась к выходу.

Ко мне тут же подседа Хворостова. Она протягивала мне платок.

— Смотрите, какая милая картина! — не упустила возможности вновь поиздеваться Лютикова. — Тортилла успокаивает Синицыну. Сейчас, прям, разрыдаюсь! — кривлялась

она.

— Две лузерши! — как змея прошипела на прощание Кондратюк.

Васильков же, проходя мимо нашего стола, щелчком сбил медвежонка, так, что тот упал со стола. Я подняла его, подула, словно он чувствовал боль, и вновь посадила на стол.

— Приходи ко мне сегодня домой. Мне нужно поговорить с тобой.

— А можно ...ну это... сделать сегодня? — я подняла на Хворостову заплаканные глаза.

— Приходи. Вечером всё узнаешь. Я позвоню твоей маме, и она без проблем отпустит тебя.

— Спасибо! — я так была благодарна Хворостовой, что она помогает мне. Тогда я и не думала о том, чем обернётся для меня эта её помощь.

Как и сказала Тортилла, мама меня с радостью к ней отпустила, даже не спрашивая, по какой причине я туда направляюсь. Она наоборот была счастлива, что я, наконец-то, вняла её словам и решила подружиться с Анечкой.

— Проходи! — открывала Хворостова дверь своей квартиры.

Я не решалась переступить через порог, продолжая думать о том, правильно ли я поступаю, беря такой грех на душу.

— Ну, чего застыла? — Хворостова протягивала мне руку и добродушно улыбалась.

Я колебалась. Перед глазами пролетела вся моя жизнь после появления в ней Ника. Я вспомнила ту неприятную историю с выпавшими из рюкзака вещами, и его оскорбления в мою сторону, когда он чуть не сбил меня на своём байке. Я вспомнила, как он прижимал к стенке Французову. И его обидные слова «корова», «клоун», «уродина». Я вспомнила его дикий смех мне в лицо и то, как он унизил меня при всех на репетиции. Последнее, после чего сомнение покинуло меня, был тот страстный поцелуй с блондинкой в баре.

Я вошла в квартиру. Стояла гробовая тишина.

— Ты одна? — спросила я Аню.

— Да, родители будут поздно. Так что нам никто не помешает... — загадочно ответила она.

Хворостова была не похожа сама на себя. Исчезли её уродливые очки и страшные железки на зубах. Распущенные волосы мотались из стороны в сторону, напоминая склеенную паутину. На ней мешком висел чёрный балахон в пол, размера на два больше. И чёрные её глаза блестели.

Мне стало не по себе.

— Пойдём в мою комнату.

По длинному тёмному коридору мы миновали кухню, зал и очутились в её комнате. То, что я увидела, повергло меня в шок...

В комнате был выключен свет, но она была ярче, чем обычно. Повсюду стояли зажжённые церковные свечи. Их было не меньше сотни. Они размещались на полу, на полках, на шкафах, возле зеркал, завешанных белыми простынями. Посередине на полу красной: то ли краской, то ли кровью, была нарисована звезда дьявола в кругу. На столе между свечами стояла фотография Ника, точь-в-точь как портрет в моей комнате. Витал странный запах, и у воздуха был солоноватый привкус.

Я попятилась назад к двери.

— Не бойся! — протягивала мне руку Хворостова. — Ты же хочешь этого, не так ли?

Меня всю трясло. Ком стоял в горле.

В дверь позвонили. Я дёрнулась.

— Кто это? — мой голос дрожал от страха.

— Не бойся! Ты же хотела это сделать сегодня...

— Я уже не знаю!

— Разве ты не мечтаешь проснуться в его объятьях. Разве ты не хочешь, чтобы он был только твоим? — монотонным голосом повторяла одно и то же Хворостова.

Я же слушала её как заворожённая.

— Вот и отлично! — поглаживая меня по руке, вновь успокоила Аня. — Уже завтра он будет у твоих ног.

— Что я должна сделать? — не верила я её словам.

— Скоро всё узнаешь. Подожди, мне нужно открыть.

Плотно закрыв за собой дверь, Хворостова вышла из комнаты, оставив меня одну в этом кошмаре. Сомнение вновь вернулось ко мне. Я подошла к столу, взяла фотографию Ника, словно ток пробежал по всему телу. Я почувствовала тот запах, от которого появлялось тепло внизу живота, от которого всё трепетало внутри меня — запах Ника.

Дверь открылась и на пороге комнаты появилась Хворостова и с ней две девушки. Их лица были мне знакомы: они точно учились в нашем университете на старшем курсе.

— Ты должна сделать окончательный выбор. Или ты сейчас же уходишь отсюда или мы заключаем договор.

Образ Ника стоял перед глазами. И его запах...такой манящий и притягивающий.... Я уже была согласна на всё.

— Я согласна! — в словах моих была уверенность и твёрдость.

— Вот и отлично! — улыбнулась Хворостова. — Тогда начнём?

— Как? Разве ты не говорила про какую-то женщину?

— Она скоро придёт. А пока не будем терять время. Я увлекаюсь магией и знаю, что говорю.

Аня в это время взяла меня за руку и поставила в центр дьявольского круга.

— Как магией? — я не верила своим ушам. Никогда бы не подумала, что Тортилла способна на такое. Честно говоря, думала, что люди, увлекающиеся магией, выглядят немного по-другому.

Хворостова проигнорировала мой вопрос. Она взяла верёвку и подошла ко мне.

— Давно ты увлекаешься магией? — я хотела всё же это выяснить. Если бы я разбиралась в этом чёрном искусстве, то вряд ли позволила кому-нибудь называть себя Тортиллой. Может, это прикол? — пронеслось в голове, — и завтра я буду звездой Ютуба?

— Недавно, — спокойно ответила Хворостова.

— Лет триста! — хмыкнула её подруга.

Они, улыбаясь друг другу, переглянулись.

Бред сумасшедшего — подумала я. Только кто был сумасшедшим, трудно сказать. Хворостова и её свита, которые в этот самый момент связывали меня по рукам и ногам, ответив на моё удивление по этому поводу, что при выполнении ритуала всякое может произойти, и это нужно для того, чтобы я сама себе не навредила. Или же сумасшедшей была я, которая на всё это подписалась.

— Что я должна сделать? — смирилась я, в конце концов, со своим положением, поняв, что хуже уже всё равно не будет.

— Расслабься. Ничего страшного не произойдёт. Ты даже ничего не почувствуешь, — вступила, наконец, в беседу третья девушка в нелепом мешковатом балахоне.

— А что со мной будет потом? — я ведь даже не подумала об этом.

— А разве это имеет значение? — исподлобья посмотрела на меня Хворостова. — Разве ты сама не говорила, что всё бы отдала, только бы Ник стал твоим.

Это было правдой. Ночами, мечтая о нём, я именно так и думала.

После того, как подружки Хворостовой связали мне за спиной руки и ноги в районе щиколоток, отчего я ощутила себя беззащитной их пленницей, Аня поднесла прямо к носу стакан с какой-то зеленоватой жидкостью.

— Выпей это!

Я почувствовала ужасный запах, исходящий из стакана — запах гнили вперемешку с чесноком и пряностями.

— Что это? — я сморщилась.

— Слёзы девственницы! — ехидная улыбка проскользнула по лицу Хворостовой. — Щучу! Это зелье, необходимое для ритуала.

Я взяла стакан, но всё ещё сомневалась в его содержимом.

— Пей! — грубо сказала Хворостова. — Ты обещаешь во всём меня слушаться!

Я вновь представила лицо того, ради кого всё это затеяла. Ник смотрел на меня таким влюблённым взглядом, каким он смотрит всегда в моих грёзах.... Я опрокинула стакан и залпом выпила эту гадость, надо заметить, редкостную.

Спустя минуту перед глазами всё поплыло. Лица находившихся в комнате начали двоиться. Ноги мои стали ватными. Я перестала чувствовать своё тело. Будто меня и не было в нём вовсе. Силы покинули меня, и я сползла вниз. И вот я уже лежала в центре дьявольского круга в позе эмбриона, связанная по рукам и ногам, окружённая церковными свечами, странными предметами и не менее странными людьми, среди которых я с трудом уже узнавала свою недавнюю подругу.

— Она готова! — как приговор сказала Хворостова. — Можно звать Королеву.

Её слова доносились до меня эхом, казалось, откуда-то сверху, будто я находилась на дне глубокого опустошённого колодца, где пахло сгнившими досками, сырой землёй, а Хворостова стояла на земле в нескольких метрах от меня и кричала в приоткрытый люк того самого колодца.

— Она скоро будет! — так же эхом доносились слова Хворостовской подруги.

— Подождём!

Я до сих пор не могла понять, всё, что происходит со мной — происходит в реальности или это страшный зловещий сон. Я хотела подняться и взобраться по высоким стенам колодца к открытому люку, но не могла и пошевелиться. И в то же время слышала голоса вокруг.

Спустя какое-то время в комнате появился ещё один человек — судя по голосу, женщина. И голос её был приятный, спокойный и даже убаюкивающий. Мне показался он знакомым.

— Она приняла зелье? — спросила незнакомка.

— Да, Королева! — доложила Хворостова.

— Давно?

— Двадцать минут назад! — отчиталась Тортилла.

— Тогда она готова. Можно начинать! — загадочно произнесла новая гостья.

Нет! Я уверена! Этот голос я слышала прежде. Только никак не могла вспомнить, где.

— Фиат фирмаментум ин медио акуаним ет теранит акуа иб акуис, ферним секибиус

сикут акуа ифериус домингус иферуис коэлум ифериус терам витаус... — незнакомка произносила странные непонятные слова то ли на латыни, то ли на эврите, но голос её звучал как из преисподней.

Я чувствовала, что вокруг меня происходит какое-то движение. Как бы ни хотела открыть глаза, чтобы увидеть это, веки не поднимались, словно цинковые.

— Сол экус патэр, эскорсико тэ крэатура, специлиум дель оперибус, экус эн фонс аблутуио, пеккатионум ифериус домингус иферуис коэлум ифериус терам витаус... — повторяли все четверо.

Я чувствовала жар, будто горю изнутри. Тошнота подступала к горлу, и было неприятное чувство угнетения, от которого выворачивало наизнанку.

Голоса становились всё громче и отчётливей.

— Ферутум эт коэлим де густо миракула, дувэрим эт фонс витаэт аблутуио аскемендус, риторикус ут сис ифериус домингус иферуис коэлум ифериус терам витаус...

Я ощущала себя главной героиней сказки про ведьм и прочую нечисть. Перед глазами возникла странная картина. Тёмная ночь. Полнолуние. Серые страшные тучи, словно табун лошадей, гуляющий по небу, то открывали луну, и тогда на лесной поляне, окружённой, будто стражниками, столетними елями и соснами становилось светло, как днём, то закрывали полноправную хозяйку ночи, и тогда только по звукам оставалось догадываться, что в этот миг происходило вокруг.

Возле костра, на ветках деревьев, поваленных буреломом, расположились все гости сегодняшней «вечеринки»: ведьмы, орки, тролли, вепри, упыри и вурдалаки, которые с нетерпением ждали окончания ритуала. Сегодняшний пир был по мою честь.

— Ифериус домингус иферуис коэлум ифериус терам витаус... — доносился голос Хворостовой.

Наконец, мне удалось открыть слипшиеся глаза. Я была посередине поляны прямо напротив костра, жар которого чувствовала на себе. Больше я ничего не видела.

И вот вновь показалась луна, освещая поляну. Надо мной, ловко управляя огромными мётлами, кружили Хворостова, две её не менее странные подруги и Королева, лица которой мне так и не удалось разглядеть.

— Ифериус домингус иферуис коэлум ифериус терам витаус... — где же я могла слышать этот голос, до боли знакомый, ненавязчивый, монотонный и успокаивающий...

Я подняла голову вверх и наблюдала кружение надо мной. Голова моя тоже закружилась, я чувствовала, как силы покидали меня... Последнее, что я помню, как Хворостова, приземлившись и оставив свою метлу, подошла ко мне, достала огромный клинок из-под балахона и, взяв мою руку, оставила на ней огромный порез с тыльной стороны ладони. Сквозь сон я видела, как кровь тонкой струйкой постепенно наполнила до краёв серебряную чашу, подставленную Хворостовской подругой. Боли я не чувствовала.

— Анжелика, всё хорошо? — стоял в ушах тот знакомый голос незнакомой Королевы...

После этого голова моя, тяжёлая, словно железная, упала на грудь....

— Что с тобой? — спросила блондинка с короткой стрижкой у парня, скорчившегося от боли и державшегося за голову.

— Не знаю, голова вдруг резко закружилась, — сквозь зубы процедил он и пошатнулся.

— Тебе плохо? Присядь! — взяла она его за руку и подвела к скамейке.

Ник, а это был именно он, послушно сел на лавку, продолжая держаться за голову.

— С тобой всё нормально? — переживала Рита за своего друга.

— Подожди немного! — сказал он сквозь зубы, корчась от боли. — Ощущение, будто током бьёт изнутри!

— Бедный. Может, скорую вызвать?

— Нет. Уже лучше. Сейчас отпустит, — схватил он Риту за руки и усадил к себе на колени.

— Ты чего, Ник? Пусти! — извивалась она.

Ник целовал её в шею.

— И не подумаю!

Эти двое сидели на скамейке в парке. Солнце уже давно скрылось, оставив свой пост луне, которая, словно толстый дрожжевой блин висела в небе. В воздухе стоял аромат весны, от которого кругом шла голова, и тянуло на безумие.

— Ну, что? Повторим вчерашнее? — спросил Ник у своей пленницы.

— Меня домой не пустят.

— Скажешь, что задержалась у подруги, — продолжал Ник покрывать шею девушки поцелуями.

— Ладно! Поехали! — сдалась та, даже не догадываясь, что из-за дерева за этой воркующей парочкой наблюдает странный человек в чёрном костюме.

Ник же улыбался напоминающей оскал улыбкой, чувствуя, что игра идёт по его правилам.

Ник и Рита сели на чёрную «Ямаху» и укатили в ночную столичную жизнь. Через час они уже ласкали друг друга в постели в мотеле с символичным названием «Мечта», в номере 13, который Домбровский снимал для подобных случаев, выбрав для себя очередную жертву....

Глава восьмая «Спаситель»

Я проснулась на следующий день в своей кровати. Рядом лежал тот самый синий медвежонок. Мне стало так жаль его, того, которого бросили или потеряли, я прижала свою находку к груди и просидела так некоторое время. Затем посмотрела на ладонь. Она была чиста, без каких-либо порезов. Я свободно вздохнула: всего лишь страшный сон. Присниться же такое!

— Ты идёшь в институт? — как всегда в арке двери появилась мама.

— Иду, конечно! Сегодня семинар по философии — прогулять никак нельзя.

— Ну, тогда поднимайся быстрее. Завтрак на столе, — я, как только глаза открыла, уже почувствовала запах гренок и какао.

Приняв душ, надев свою бессменную синюю юбку и серую водолазку и собрав волосы в тугой пучок, через десять минут я уже сидела за столом.

— С тобой всё нормально? Ты какая-то бледная, — сказала мама.

— Да, всё как обычно. Сон какой-то странный приснился.

— Да? Не удивительно! — не унималась та. — Сколько раз говорила тебе, сними этот страшный плакат со стены.

— Мама, не начинай, прошу тебя. Дай спокойно позавтракать. Да, кстати, гренки супер получились, — старалась я перевести разговор на другую тему.

— А мне кажется, подгорели немного, — улыбнувшись, догадалась мама о моей хитрости. — Кстати, что это за медведь у тебя на кровати? Раньше я его не видела.

— Нашла его на улице.

— И притащила домой?

— Его просто кто-то потерял. Был сильный дождь, я не могла его оставить.

— Моя спасительница бедных и несчастных! — ласковым голосом продолжала мама. —

Ладно, не буду тебе мешать. Я уже опаздываю в школу.

Она поднялась с места, чмокнула меня в лоб и вскоре загремела ключами в замочной скважине.

Я, надкусив гренку, так и сидела с набитым ртом, продолжая думать о том странном сне. Мои мысли прервал телефонный звонок. Номер был Наташин.

— Да, привет, — ответила я.

— Слушай, Лика, тут такое дело. В общем, я сегодня прогуляю. Потом тебе всё объясню! Лады? Можешь меня в универе отмазать?

— Не знаю, получится ли? По крайней мере, Глафира Аркадьевна точно заметит, что тебя нет. А у нас сегодня семинар. Она тебе не простит.

— Вот чёрт! — раздалось на другом конце провода. — Я про философию совсем забыла. Ну, ладно, будь что будет! Всё же попробуй!

— Хорошо, конечно, постараюсь...

Не успела я договорить, как Наташа положила трубку. Ну почему именно сегодня? Я так хотела рассказать ей о своём сне. У меня мурашки пробежали по коже, как только я вспомнила Хворостову на метле, кружащую над ночной поляной, страшный хохот, эхом раздававшийся в ушах, перекосившиеся лица героев ночной посиделки.... Тем более, говорят, если до двенадцати рассказать кому-нибудь свой сон, то он не сбудется. А теперь и поделиться не с кем. Задумавшись, я совсем позабыла о времени. Отправив в рот очередную гренку, запив всё это дело какао, я поторопилась.

Через час я уже была в универе. Как обычно, незаметно проскользнув в женский туалет, я переоблачилась в нормальную одежду, правда, узкие брюки еле-еле натянула. Нет, пора завязывать с гренками! Затем навела марафет и спокойно направилась в аудиторию. Первой парой у нас была как раз философия, и мне нужно было успеть подняться на второй этаж. Раздался звонок. Я прибавила шаг. Вдруг мне показалось, кто-то меня окликнул. Я точно слышала своё имя. Может, конечно, в универе есть ещё одна Анжелика.

Я обернулась.... Но шаг не сбавила. Через секунду почувствовала удар, будто врезалась в стену. Но стена была чересчур мягкой. Впопыхах выходя из дамской комнаты, забыла застегнуть рюкзак, который был у меня подмышкой. О нет! Он так неудачно приземлился на пол, что вновь всё содержимое рюкзака оказалось под ногами. Я, даже не взглянув на возникшее так неожиданно на моём пути препятствие, опустилась на колени и с покрасневшим от стыда лицом начала судорожно собирать свои пожитки и отправлять их на место. И тут рука моя нащупала что-то твёрдое и непонятное. О боже! Знакомые ботинки! Только не это! «За что мне такое наказание!» — пронеслось в голове.

Я подняла глаза. Ник стоял, не шелохнувшись, с растерянным видом. А я — перед ним на коленях. Какой стыд! Всё внимание проходивших мимо студентов было приковано к нам. Мне было даже не до мечтаний. Я прибавила скорость, в надежде собрать оставшиеся на полу вещи и побыстрее покинуть злачное место.

«Клоун, снова ты?», «Куда прёшь, корова!», «Глаза разуй, ненормальная!», «Идиотка!» — ждала я его «комплиментов», приготовившись всё это стойко вынести.

— Тебе помочь? — раздался сверху голос, спокойный и понимающий.

Это точно Ник? — я вновь подняла взгляд, не веря своим ушам.

Он улыбнулся.... Перед глазами у меня всё поплыло.... Сегодня он был прекрасен как

никогда! Его волосы, глаза, губы и эта родинка.... Я сойду с ума, если он ещё что-нибудь скажет!

— Тебе помочь? — повторил он, присаживаясь на корточки.

Моё лицо, наверное, перекосившееся от неожиданности, оказалась в пяти сантиметрах от его прекрасного личика. Я будто язык проглотила. Сколько ни пыталась выдавить из себя хоть слово, ничего не выходило.

Ник поднял с пола тетрадь и протянул мне.

— Нравятся принцессы? — намекал он на обложку моей тетради — глупого розового цвета с изображением диснеевской русалочки, которая мне так понравилась в книжном магазине, что, несмотря на свой недетский возраст, я всё же осмелилась её купить, так как это был мой любимый мультик с детства.

Я смутилась.

Затем Ник тоже самое проделал с пеналом и учебником.

Я не сводила с него глаз, всё ещё не веря, что это происходит в реальности. Он тоже смотрел мне прямо в глаза. Мне показалось в тот миг, что время остановилось. Что только мы вдвоём существуем в этом мире, в этом длинном пустом коридоре.

— Это же Ник!

— Красавчик!

— Ник, я схожу от тебя с ума! — эхом доносились до меня слова его поклонниц.

Но я их не слышала. Единственный звук, чётко различаемый в тот момент, был звук моего сердца. Оно колотилось так громко, как часы на Кремлёвской башне.

Мы просидели на полу меньше минуты, но мне эта минута показалась вечностью.

— Ник! Ты идёшь? Чего застыл? — всё ещё эхом донёсся знакомый мужской голос. Кир потрепал Ника по плечу и тот, наконец-то, освободил меня от своего испепеляющего взгляда. Он поднялся в полный рост и пошёл за Киром, продолжая оглядываться.

Я ловила на себе его взгляд, от этого моё бедное сердце просто разрывалось.

— Ты чего расселась? На философию не собираешься? — голос Лютиковой вернул меня в реальность. Он пнула ногой всё ещё лежавший на полу рюкзак и прошла мимо.

Я поднялась на ноги и дрожащим шагом поплелась в аудиторию, пытаюсь осознать, что же произошло....

— Кто это? — спросил Ник у Кира, лишь только они отошли от меня.

— Где? — не понял Кир.

— Та девчонка с книжками на полу....

— Ник, ты не стой ноги что ли встал? — усмехнулся Кир. — У тебя память отшибло?

— Мне кажется, я раньше где-то её видел.

— Дружище, это же клоун! — крутил Кир у виска Ника.

— Клоун?

— Ну, да! Ещё корова, чучело! Так ты, кажется, говорил! — Кир засмеялся. — Ты вчера чем занимался?

— Что-то, кажется, припоминаю, — Ник схватился за голову. — Блин, башка со вчерашнего дня раскалывается!

— Ты чего вчера пил?

— Пиво, потом виски.

— Отличный коктейль!

— Да я выпил-то два стакана! — Ник остановился и обернулся. — Со вчерашнего дня,

как в тумане. Не понимаю, что происходит!

— Ты вчера с байка не падал?

— С чего это? — буркнул Ник.

— Ты реально её не узнаёшь?

— Эту девчонку? — Ник ещё раз обернулся.

— Девчонку? — усмехнулся Кир. — Ты говорил, она не девчонка. Стой.... Как ты её назвал, — пытался вспомнить Кир. — А! Точно! Сучка прожённая!

— Я такое говорил? — в глазах Ника было удивление.

— Нет, друг! У тебя точно амнезия! — поставил Кир свой диагноз. — Ладно, колись, — толкнул он друга в бок. — Снова что-то замышляешь?

— Ты о чём? — казалось, Ник, действительно, ничего не понимает.

— Да брось меня разыгрывать! Я тебя сто лет знаю! Решил избрать новую тактику?

— Да я, правда, не понимаю, о чём ты! — Ник начинал злиться.

— Ладно! Забей! Мне, вообще, всё равно на ваши эти амурные дела! Это Микс у нас любитель. Кстати, а где Миксер?

— Не знаю... Вы ведь вместе живёте. Ты должен знать, где он...

— Мы приехали в универ. Он сказал, что ему надо с тобой поговорить и ушёл тебя искать. И пропал...

— Да где-нибудь с тёлкой обжимается. Ты чего Миксера не знаешь?

— Да, разводила ещё тот, — согласился Кир.

— Учит меня правильно жить. А сам поступает точно так же! — задумчиво произнёс Ник.

— Не бери в голову. Он завидует. И я тебе завидую! Белой завистью, конечно! — похлопал Кир друга по плечу. — И почему ты у нас самый красивый и обаятельный?

— Заткнись! — убрал Ник его руку с плеча.

— Ладно! Что у нас там с продюсером?

— Скоро всё будет! — уверенно сказал Домбровский.

— Ты хочешь поймать рыбу на червячка?

— Не понял! — Ник остановился и посмотрел на Кира.

— Да, ладно! Я в курсе, что ты закадрил дочку Зацепина. Ведь это он — наш будущий продюсер?

— О чём ты говоришь?

— Да брось, Ник, я всё про тебя знаю. Думаешь, если я не и Москвы, ничего не понимаю! Это ты Миксеру можешь лапшу на уши вешать! А я давно раскусил тебя!

— У тебя паранойя! — Ник ускорил шаг.

— Нет, паранойя у тебя! И ещё... — последние слова Кир прокричал. — Ты играешь с огнём!

Ник вновь остановился, обернулся.

— Где-то я уже это слышал. И это тебя не касается! — выговаривая каждое слово, произнёс он.

— Дурак, я хочу помочь тебе!

— Почему все лезут в мою жизнь! Почему ты думаешь, что мне нужна твоя помощь! Помогай себе! У тебя ведь мать одна и две младших сестры! Вот им и помогай! А меня жалеть не нужно!

— Кто сказал, что я тебя жалею! — Кир говорил на повышенных тонах. — Ты сам не

знаешь, во что вляпался. Думаешь, так будет всегда! Ты всегда будешь победителем! Так не бывает!

Ник развернулся и подошёл к другу.

— Ещё раз повторяю для непонятливых: не лезь в мою жизнь!

— Как хочешь! Не говори потом, что я не предупреждал тебя! — усмехнулся Кир.

— Ладно! Забудь! Может, пойдём на лекцию? — Ник попытался выдавить улыбку на лице.

— Пошли! — сдался Кир, поняв, что ему никогда не удастся переубедить друга — если тому пришло что-то в голову, его уже не остановить.

— Всё же эта девчонка.... — оглянулся Ник напоследок, не понимая, почему его так взволновала эта встреча со странной девушкой на полу.

Глафира Аркадьевна немного задерживалась. Это меня спасло. Так как выслушивать оскорбительные высказывания в свой адрес по поводу опоздания — не очень приятное занятие. Тем более Лёня Васильков сегодня был на взводе, а его ораторским способностям могли позавидовать самые «великие» в этом искусстве.

Я постаралась как можно незаметнее проскользнуть в аудиторию и занять своё место. Ан нет! Всё же он меня заметил.

— Какие люди и без охраны! — начал он свой монолог. — Немезида, ты ли это?

Я сделала вид, что не слышала его.

— А здороваться не нужно? Хотя где же нам, простым смертным против богини!

Моё место находилось чуть выше Васильковского. Но он не поленился развернуться на девяносто градусов.

— Вы сегодня одна, ваше «божичество»? Где же ваш верный подданный в лице Степановой? — продолжал он издеваться.

Я всё ещё не замечала его, готовясь к философии.

Эстафету перехватила наша главная Цирцея.

— Синицына в глубокой депрессии, — язвительно сказала Лютикова. — Не так ли?

Марина встала со своего места и направилась напрямик ко мне. Я старалась сохранять спокойствие, понимая, что началась атака.

— Я сегодня наблюдала картину Репина — наша Немезида на полу с книжками и тетрадками, а у её ног... знаете кто?

В аудитории воцарилась глубокая тишина.

— Сам Домбровский.

— Да ладно? — подала голос Кондратюк.

— Ник Домбровский у ног Синицыной? — переспросила Белова.

— Вот-вот! — ответила Лютикова. — Может, объяснишь?! — Цирцея перевалилась через мою парту так, что её лицо оказалось в сантиметре от моего. В глазах её была злость, даже ярость.

— Чего тебе от меня нужно? — спокойно спросила я.

— Мне от тебя ничего не нужно. А вот что тебе нужно от Домбровского? Разве я не предупреждала тебя? — ехидная улыбка скользнула по её лицу.

Я не знала, что ей ответить, потому, как сама всё ещё пребывала в шоке от неожиданной встречи с Ником.

— Или ты думаешь, что я пошутила? — продолжала Лютикова.

— Смотри, Немезида, — встрял в разговор Васильков, — гадюка в бешенстве опасна.

— Заткнись, придурок! — обернулась Цирцея в сторону Лёни.

— А я не про тебя, а про гадюку. Или ты считаешь себя таковой? — улыбался во весь рот Васильков, довольный, что ему удалось задеть ту, которую никак не мог простить.

— Кстати! Почему ты не спрашиваешь, как прошло свидание с Ником? Тебе это совсем не интересно? — голос Лютиковой был таким противным. Мне совсем не хотелось слушать то, чем она мечтала поделиться.

Я закрыла уши и принялась напевать песню себе под нос.

Лютикова убрала мои руки.

— Знаешь, чем мы с ним вчера всю ночь занимались? — атака сменилась боем.

— Заткнись! Я не хочу тебя слушать!

— Зато я очень хочу тебе рассказать! — не успокаивалась «гадюка».

— Отстань от меня! — я вновь заткнула уши.

Лютикова ещё больше приблизилась ко мне, так, что я чувствовала запах малиновой жвачки из её рта.

— Ник был очень нежным и таким внимательным! Он совсем не предпочитает грубый секс, как говорят. Наоборот, в первую очередь думает о том, как доставить девушке удовольствие, — Лютикова улыбалась во весь рот.

Как же я хотела в ту минуту вставить ей кляп, только бы она заткнулась.

Она плавно водила бёдрами взад-вперёд, закатив глаза, изображая, видимо, себя верхом на Нике.

В аудитории все стояли на ушах: кто-то ржал, как лошадь, кто-то подзадоривал Лютикову.

— О, Ник! Да! Ты супер! — ему так нравятся, когда его хвалят в момент оргазма. Хотя, ты, наверное, даже не знаешь, что это такое!

— Заткнись! — я вскочила с места и схватила Лютикову за подбородок. — Ещё одно слово — и я убью тебя!

— Ой! Как мне страшно! — пыталась высвободить подбородок из моих рук Цирцея. — Что? Понравился мой рассказ? Смотри, не захлебнись слюнями!

— Повторяю! Ещё одно слово!

— И что ты мне сделаешь? — встала Лютикова в позу «руки в брюки».

В ту самую минуту дверь аудитории открылась и на пороге появилась Глафира Аркадьевна — преподавательница по философии.

— Круто ты её! — стукнула своей ладонью по ладони Лютиковой Белова, как только Цирцея заняла своё место.

— У меня есть план! — загадочно ответила та.

— Какой?

— После универа узнаешь. И ты тоже! — обратилась она к Кондратюк, сидевшей по другую сторону. — Так что не расходимся!

— Это будет весело! — закрыла глаза Белова в предвкушении веселого завершения дня.

Всю пару философии я просидела сама не своя. Меня трясло от слов Лютиковой. И ещё меня беспокоил Ник. Я вспоминала сегодняшнюю нашу встречу и его улыбку, казалось, его настоящую улыбку, которую в первый раз сегодня увидела. Она не была похожа на звериный оскал, как обычно. Она была божественна.

Потом я вспомнила свой сон, Хворостову на метле, её слова: «завтра он будет у твоих ног!» Боже мой, неужели это правда! Это был не сон? Нет! — гнала я прочь глупые мысли.

Такого не может быть! Так не бывает! Я оглянулась на Хворостову, сидевшую позади меня. Она выглядела как всегда: зализанные волосы, круглые очки с толстыми линзами. Хворостова, заметив на себе мой взгляд, улыбнулась, показав свои брекеты.

Всё же это был сон! — успокоилась я.

— Синицына! — резкий голос Глафиры Аркадьевны заставил меня вздрогнуть.

— Да, Глафира Аркадьевна! — поднялась я с места.

— Вы в курсе, что у нас сейчас семинар? — исподлобья посмотрела на меня профессорша.

Тут я поняла, что в своих мыслях совсем выпала из реальной жизни.

— Может, ответите на мой вопрос? — продолжала она.

Конечно же, никакого вопроса я не слышала.

Я покраснела, опустив глаза.

Больше книг на сайте — Knigolub.net

— Что с вами сегодня? Я вас не узнаю!

— Извините, Глафира Аркадьевна! Повторите, пожалуйста, вопрос, — умоляюще посмотрела я на профессоршу.

Если бы это была не я, а, к примеру, та же Лютикова или Васильков, у них не было бы никаких шансов на спасение. Но Глафира Аркадьевна адекватно ко мне относилась, как к одной из лучших своих студенток. В философии я разбиралась не хуже, чем в остальных предметах. Эту дисциплину я не считала особо важной. Так как проблемы бытия, обсуждаемые на семинарах Глафиры Аркадьевны, не требовали особо никакой подготовки. Скорее, здесь важна была грамотная речь, что в моём случае было козырем. Как у лингвиста в третьем поколении у меня неплохо получалось владеть языком.

— Вы в курсе темы нашего семинара? — уже более спокойным голосом спросила профессорша.

— Да, конечно, «Понятие истины», — ответила я, не задумываясь.

— Кочетыгов просветил всех об основных характеристиках истины, назвав таковыми объективность, относительность, конкретность и проверяемость практикой... Вы с ним согласны? — Глафира Аркадьевна не сводила с меня глаз.

— Абсолютно! — мой голос прозвучал уверенно.

— Тогда ответьте на вопрос: что является основными противоположными характеристиками отношения познавательного образа? И прокомментируйте свой ответ.

— Основными противоположными характеристиками отношения познавательного образа и человеческих знаний к объекту являются истина и заблуждение. Истинным является образ, соответствующий, адекватный отражаемому объекту. Образ, не соответствующий своему объекту, характеризуется как заблуждение.

— И что же является основной проблемой теории личности? — Глафира Аркадьевна, судя по всему, нашла во мне лучшего собеседника.

— Исходя из этих понятий, мы можем сформулировать основную проблему теории истины: как можно установить соответствие конечного по своему содержанию знания бесконечному объекту!

— Что ж, Синицына, это лучший ответ на сегодня! Вы, как всегда, оправдали мои ожидания! Даже пребывая на уроке в своих мыслях, вы быстро уловили суть проблемы. Можете привести пример из жизни? — Глафира Аркадьевна подошла к моей парте. — Думаю, многие находящиеся в этой аудитории не понимают нашего с вами разговора.

— Допустим, есть один человек, о котором, кажется, все всё знают: кто он, чем живёт, чем дышит, о чём думает, что можно ожидать от этого человека. Но, на самом деле, это заблуждение! Только проанализировав все основные характеристики истины можно узнать всю правду о человеке. Только так можно найти истину!

— Можете сесть на место, Синицына! Я ставлю вам «отлично».

— Так не честно! — выкрикнул Васильков. — За один ответ и сразу «отлично», а нас будете муржить всю пару? Вы её спросили самое лёгкое. Так и я ответить мог! — обиженно продолжал Лёня.

— Уж не о Нике ли ты случайно? Это он тот человек, о котором ты всё знаешь? — вступила в дискуссию Лютикова.

— Тебя это не касается! — буркнула я в ответ.

— Тихо, девочки! — грубо оборвала нас Глафира Аркадьевна. — Забыли, где находитесь? Свои личные проблемы будете решать после философии.

— Да уж! — разошлась Цирцея. — После универа я покажу тебе теорию истины, Джульетта.

— А к вам, Васильков, у меня тоже есть вопрос, — обратилась Глафира Аркадьевна к нашему «оратору». — Ответите на него — что ж, и вам будет «отлично». Итак, что такое "соответствие" и каков механизм установления такого соответствия.

— Ну, соответствие... это... когда один человек соответствует другому... во всех смыслах этого слова... — запинаясь, выдал Васильков.

Аудитория наполнилась смехом. Даже Глафира Аркадьевна не могла сдержать улыбку.

Я с нетерпением ждала окончания пары, чтобы увидеть того, с кем сегодняшним утром меня столкнула судьба, в самом прямом смысле этого слова. Из-за семинара Глафира Аркадьевна отпустила нас намного позже, так что сразу пришлось бежать на следующую пару. Весь день я гонялась за Ником в надежде выцепить его где-нибудь. Но судьба в этот день в универе нас больше не сталкивала....

Наконец, прозвенел звонок с последней пары. Все засобирались домой. Я оттягивала время, долго собирая вещи в рюкзак.

— Привет, ты сегодня одна? — услышала я сзади знакомый голос.

Только Хворостовой мне сейчас и не хватало!

— Наташа приболела, — ответила я, не оборачиваясь.

— Хочешь, вместе домой пойдём. Мне сегодня в твою сторону, — не сдавалась Хворостова.

Я обернулась. Её безобразная улыбка с железками на зубах меня раздражала. В тот момент у меня было к ней такое отвращение, как никогда. Я сразу вспомнила сегодняшний сон, её ужасные растрёпанные волосы, мешковатый балахон, противный голос.

Нужно было, во что бы то ни стало, отделаться от неё.

— Прости, сегодня не получится. Мне нужно в деканат, — последние слова я говорила уже на ходу, быстро покидав вещи в рюкзак и накинув тот на плечо.

— Но я могу подождать тебя!

— Не стоит. Это может затянуться. Так что иди одна! — я пулей выбежала из аудитории и направилась вниз по ступенькам в раздевалку, пока Хворостова не уличила меня в обмане. Быстро надев плащ и сапоги, я оказалась на улице, и всё ещё не могла отдышаться.

Мой путь на остановку лежал через сквер. Я прошла почти половину, как услышала сзади, словно шипение змеи, голос Лютиковой.

— Куда так торопишься?

Обернулась. И не ошиблась. В нескольких метрах от меня стояли три Цирцеи во главе Лютиковой.

— Чего тебе? — выяснять с ней отношения у меня не было никакого желания. Тем более я была не в духе из-за того, что так и не увидела сегодня Ника.

— Хочу поговорить! — направлялась та ко мне.

— Мне с тобой не о чем разговаривать! — я отвернулась и продолжила шаг.

Вдруг почувствовала, как кто-то резко потянул меня за волосы.

— Я тебя ещё не отпускала! — кричала та.

Мне пришлось остановиться.

— Что тебе от меня нужно? — мой голос дрожал от негодования.

— Хочу кое-что прояснить!

— Пусти! Мне больно!

Мимо нас в обе стороны спешили прохожие. Но никто не обращал внимания на крики.

— Больно? Ха-ха-ха! — разошлась Лютикова. — Это ещё не больно. А если так! — при этих словах она отпустила волосы и дала мне пощёчину, да так сильно, что у меня звёздочки забегали перед глазами.

— Отстань от меня! — кричала я.

Но та и не думала отступать. Подойдя ко мне ещё ближе, она дала мне ещё одну пощёчину. Я пошатнулась.

— Вставай на колени и умоляй о пощаде, тогда я подумаю! — злорадствовала Цирцея.

— Да пошла ты!

— Тебе страшно? — кривлялась Лютикова. — Сегодня тебя и защитить некому.

— Отстань!

— Что? Да как ты со мной разговариваешь?

— Уйди от неё! — раздался немного писклявый голос за спиной Марины.

Та обернулась.

— О, Тортилла! И ты туда же? Сейчас заплачу от страха! — паясничала Цирцея.

Хворостова стояла напротив неё как загнанный зверь перед хищником.

— И что ты мне сделаешь? Ну, чего стоите? — обратилась она к Беловой и Кондратюк. — Сегодня, наконец-то, проучим этих выскочек.

Лютикова подошла ко мне ещё ближе, схватила за волосы и начала бить меня ногами в живот. Я скорчилась от боли, пытаюсь вырваться из её плена. Но она вцепилась в меня мёртвой хваткой. Белова и Кондратюк в то время занимались Хворостовой, которая пострадала, заступившись за меня. И от этого мне ещё больше было не по себе. Я слышала её крики: «Ай! Больно! Пустите!»

Я же боли не чувствовала. Один из ударов пришёлся мне по лицу, и я ощущала во рту солоноватый привкус крови от разбитой губы. Лютикову же это не остановило. Наоборот, она разошлась ещё сильнее. Я упала на землю, а она продолжала наносить удары. Проходившие мимо нас люди делали вид, что не замечают происходящего, спеша поскорее покинуть сквер. Я закрыла глаза, из которых капали слёзы не от боли, а от обиды. Лютикова села мне на живот и начала бить по лицу.

— Не трогай её! — услышала я голос, от которого дрожь током пробежала по всему телу.

Открыла глаза. Возле Лютиковой стоял Ник и держал её за руку, которой та секунду

назад «разукрашивала» моё лицо.

Как всегда он был прекрасен! Даже злобный взгляд, которым он смотрел на мою «врагиню», не портил его красоты. Его чёрные волосы блестели на ярком весеннем солнце. А запах миндаля и парфюма смешался с весенним ароматом, который стоял в воздухе.

Лютикова, явно не ожидавшая его здесь увидеть, оторопела. Ник продолжал держать её за руку так крепко, что я видела, как рука её синееет на глазах.

— Тебе повторить? — он не сводил с неё своего свирепого взгляда.

— Ник! — голос Лютиковой, до этого грубый и противный, стал вдруг ангельским. — Да мы просто дурачимся! — улыбалась та своей идиотской улыбкой.

— Дурачитесь? — Ник перевёл взгляд на меня. Я же в это время вытирала рукавом плаща кровь с разбитой губы. — Ты в порядке? — обратился он ко мне.

Что я могла ответить на этот вопрос? Как я могла быть в порядке, если он стоял так близко и смотрел на меня своими зелёно-кариими глазами, которые в лучах солнца казались мне ещё ярче, чем обычно?! Я даже была благодарна Лютиковой, надававшей мне тумачков!

Ник резко отбросил руку Цирцеи.

— Пошла отсюда! — грубо сказал он.

— Но, Ник! Это недоразумение! — оправдывалась та. — Я как раз ждала тебя! — продолжала она уже кокетливым голосом, слезая, наконец, с меня.

— Пошла вон! — сказал ей Ник прямо в лицо. — И чтобы я тебя больше никогда не видел!

Он подошёл ко мне и подал руку. Я продолжала лежать на земле, хлопая глазами.

— Вставай! — настаивал Ник.

Я взяла его руку — он помог мне подняться. Мы ещё какое-то время стояли, державшись за руки. Ник смотрел мне прямо в глаза и будто меня не узнавал. Я же еле держалась на ногах. От чувств, которые переполняли меня в ту минуту — чувства радости, восхищения и полного недоумения от случившегося.

— Эй! Всё нормально? — услышала я голос Стаса Миксонова, подбежавшего другу на подмогу.

Ник всё ещё не отпускал мою руку.

— Анжелика, ты как? — в глазах Стаса был неподдельный ужас. — Что тебе сделала эта ненормальная? — показал он кивком головы в сторону убегающих от позора Лютиковой и её свиты.

— Уже всё хорошо, Стас! — монотонным голосом ответила я, не отрывая глаз от Ника.

— Хорошо? Да у тебя кровь! Ник! Пусти ты её! — Стас ударил по руке Ника. — На, возьми! — протягивал он мне носовой платок.

Я взяла его платок, машинально вытерла кровь с разбитой губы и вновь протянула платок Стасу.

— Можешь оставить себе! — махнул он. — Давай я провожу тебя до дома!

— Ник! Микс! — Что стряслось? — подбежал к нам третий равнодушный — Кир.

— Ник! Это всё из-за тебя! — Стас с кулаками шёл на Ника.

— Оставь его! — Кир перегородил дорогу Миксу.

Ник же продолжал стоять, не шелохнувшись, и глаз с меня не сводил. Я тоже была под его чарами.

— Пойдём! — протянул он мне руку.

Я вновь пропала.... Знала, что потом буду ненавидеть себя. Но ничего не могла с собой

поделать. Меня тянуло к нему со страшной силой.

— Нет! Анжелика, не ходи с ним! Ник, придурок! Пусти её! — Стас пытался вырваться из рук Кира, но силы были неравны — Кир и не думал его отпускать.

Глава девятая «Мечты сбываются»

В то самое время, когда в универе разворачивались события боевика со мной в главной роли, в центре столицы в тихом уютном кафе под названием «Лондон» двое разговаривали обо мне, даже не подозревая о том, что твориться с объектом их разговора в эту самую минуту.

— Так о чём ты хотел поговорить? — перекинувшись через стол так, чтобы лучше разглядеть собеседника или себя показать, начала беседу Наташа.

Сегодня она была хороша, как никогда: откровенное ярко-голубое платье с глубоким декольте прекрасно сочеталось со светлыми волосами и веснушками на лице. Причёску же она успела сделать в салоне красоты до этой встречи. Ещё бы, сегодня она должна была выглядеть на все сто! Ведь свидание с Макаарским, а Наташа была уверена, что это именно свидание, бывает не каждый день.

Всеслав Макаарский не отставал от своей спутницы. Сегодня он был не в джинсах, как обычно, а в строгом костюме чёрного цвета, который ещё больше подчёркивал его крепкую, по-настоящему мужскую фигуру. Белые волосы были уложены гелем, а ямочке на подбородке, появляющаяся в момент улыбки юноши, заставляла Наташу трепетать.

— Ну? О чём же? — не терпелось той услышать голос красавчика.

Макаарский взял чашку эспрессо, принесённую официантом минуту назад, сделал глоток, закатив глаза от удовольствия.

— Попробуй, здесь самый лучший кофе, — показал он Наташе на чашку.

— Что? — Наташа не поняла: неужели о кофе пришёл поговорить.

— Вкуснее ничего не пробовал, — продолжал Сева. — А в Лондоне вообще кофе варить не умет. Странно... — он разговаривал сам с собой.

— По телефону ты сказал, что у тебя ко мне разговор. О чём же ты хотел поговорить? — не разделяла Наташа ностальгического настроения своего собеседника.

— О твоей подруге, — одно предложение Макаарского перечеркнуло все её надежды.

— О Лике? — Наташа не верила своим ушам.

— А у тебя есть ещё одна подруга?

Лицо девушки скривилось, будто она лимон съела. Но Наташа старалась держать себя в руках и не показать разочарования.

— Что ты хочешь узнать? Ведь именно за этим ты меня позвал? Выудить информацию об Анжелике?

— Ты всё схватываешь на лету! — похвалил её Сева. — Я хочу знать о ней всё: что любит, чем увлекается, какие книги читает. И самое интересное — что её связывает с этим Домбровским!

— Ты хочешь...

— Когда хочешь покорить сердце девушки, ты должен быть подкован основательно, — перебил Макаарский Наташу, ответив на её вопрос.

— Анжелика очень скромная и ранимая. Если у тебя не очень серьёзные намерения по отношению к ней, то лучше и не начинать. Ты же не хочешь, чтобы она страдала?

— Наоборот! Я с каждым днём всё больше и больше думаю о ней. Кажется, я влюбился, — улыбался Макаарский. — Когда я вижу её, сердце знаешь, как стучит, как у

глупого влюблённого мальчишки. И прямо дрожь по всему телу.

Наташа была в бешенстве. Макаровский не только не оправдал её ожиданий, он ещё и признался в любви к её подруге, её лучшей подруге.

— Лика без ума от Домбровского. У тебя ничего не получится! Она кроме него никого не видит! — пыталась она образумить Севу.

— Но ведь она его не знает. Да я вряд ли судьба их когда-нибудь сведёт. Я навёл справки об этом Домбровском. Такие девушки, как Анжелика, его не интересуют. Он — охотник за богатыми наследницами. Поэтому он мне не соперник.

— Но ты ей это не объяснишь! — всё ещё на что-то надеясь, не сдавалась Наташа.

— Она сама поймёт! Ну? Ты поможешь мне? Ты же её лучшая подруга? На тебя вся надежда! — Макаровский взял Наташу за руку. От его прикосновения у той дрожь пробежала по телу.

Ну почему жизнь так не справедлива? — думала Наташа. Она была уверена, что Макаровский — её вторая половинка, её так тянуло к этому парню, о котором она теперь думала днём и ночью. Почему он выбрал не её? Почему Анжелику? Наташа почувствовала, как щёки её запылали об одном упоминании подруги. Она не должна сдаваться! Нужно обязательно что-нибудь придумать!

— Анжелика сейчас в универе? — спросил Макаровский у Наташи в конце их беседы.

Наташа посмотрела на часы.

— Должна быть там. Но ты вряд ли успеешь!

Макаровский вскочил с места и, оставив на столе деньги за кофе, побежал к выходу.

— Спасибо, Натусик! — крикнул он уже у двери. — Лика счастливая, потому что у неё есть такая подруга.

Наташа готова была разрыдаться в ту минуту.

— Успокойся, Миксер! Пусть сами разберутся! — отпустил Кир Стаса только тогда, когда мы подошли к байку.

— Кир! Ну что ты наделал! — Стас сел на землю и схватился за голову.

— Ты в порядке? — к нам вдруг подбежала Хворостова. Она выхватила из моих рук носовой платок, оставленный мне Миксером, и принялась вытирать кровь с разбитой губы.

— Что ты делаешь? Не нужно! — пыталась я отговорить её.

Чувство радости и пребывания в полной отрешённости от реального мира вдруг исчезло. Появилось чувство боли и стыда. Мне было стыдно перед людьми, которые проходили мимо и смотрели на меня, как на прокажённую, перед Ником, стоявшим рядом и не отпускавшим мою руку, перед Хворостовой за то, что она пострадала из-за меня и перед Макаровским, который появился как раз не вовремя и даже ничего не сказав, налетел на Ника.

— Отстань от неё! — Макаровский размахнулся и ударил Ника по лицу.

Тот пошатнулся, но не упал. Он держался за щёку.

— А ты кто ещё такой?

— Я её парень! Так что садись на свой байк, и чтоб духу твоего здесь не было! — у Макаровского, казалось, пар из носа пошёл.

— Не трогай его! — я загородила Ника. — Не смей его трогать!

— Ты хочешь пойти с ним? После всего того, что он тебе сделал?

— Да! — уверенно ответила я. — И прошу тебя: больше не лезь в мою жизнь!

— Чёрт, Анжелика! Очнись! Может, он приворожил тебя!

— Может, и так! Это не твоё дело! — услышав про приворот, я, кажется, начала

догадываться, что происходит.

Я посмотрела на Хворостову. Она улыбалась....

Я всё поняла....

И мне было всё равно, что обо мне подумает Макаровский и все остальные. Я обернулась к Нику.

— Поехали отсюда!

Он застегнул мне шлем, помог сесть на байк. И уже через минуту мы неслись по шоссе со скоростью ветра, оставив в полном недоумении Макаровского.

— Чёрт! — продолжал он ругаться. — Что же ты творишь!

— Она сама его выбрала. Так что смирись! — глаза Хворостовой засверкали.

— Это ты мне? — обернулся к ней Макаровский.

— Это я всем! — ответила Аня и поспешила удалиться.

— Смириться?! Ну, уж нет! — Макаровский сжал руки в кулаки. — Я этого так не оставлю! Война так война!

— Чёрт! Чёрт! Чёрт! — ударил он несколько раз по рулю «Мазератти» и дал по газам.

Друзья Ника, наблюдавшие за всем происходящим стороны, были в не меньшем удивлении.

— Что Ник опять задумал? Ты понимаешь что-нибудь? — спросила Миксер у Кира.

Тот проигнорировал его вопрос.

— Домой едешь? — Кир развернулся и пошёл к воротам универа, где была припаркована машина.

— Почему ты остановил меня? Почему дал им уехать?

— Микс! Ты уже определись, наконец! Бесишь!

Никогда в жизни не испытывала ничего подобного! Было ощущение, что я лечу. Так и хотелось расправить в стороны обе руки и крикнуть как в фильме: «Я — король мира!» Ветер шумел в ушах, не помогал даже шлем, немного сдавивший мне голову. Мы неслись на байке посередине дороги, ловко обгоняя машины, одну за другой. Перед глазами мелькали прохожие, дома и торговые центры. Но ничего этого я не замечала. Все мои мысли были сосредоточены на одном человеке, том, что сидел впереди, и кого я так крепко обнимала, прижимаясь к его спине и наслаждаясь тем самым запахом, от которого тепло медленно растекалось по всему телу. Как и сейчас! Этот миг казался мне самым счастливым. И так не хотелось останавливаться!

— Всё! Приехали! — остановился Ник, взял у меня шлем и помог слезть с мотоцикла.

Мы стояли напротив мотеля «Мечта». Я невольно улыбнулась. Неужели и моя мечта сегодня исполнится?

— Пойдём? — Ник протянул мне руку. Я подчинилась.

Через десять минут Ник уже запирал входную дверь в номере «13».

Я присела на край кровати. Меня трясло. Голова шла кругом, а сердце так и норовило выскочить из груди. Ник подошёл совсем близко и положил руку мне на плечо.

— Ты вся дрожишь! — заметил он моё волнение. — Ты боишься?

— Ничуть! — не задумываясь, ответила я.

— Тогда почему дрожишь? — не убирая руки, он присел рядом, отодвинул другой рукой мои волосы с шеи и дотронулся до неё своими пухлыми губами. Моя дрожь усилилась. Я старалась успокоиться, но не могла ничего с собой поделать.

— Успокойся! — шёпотом сказал Ник, не переставая покрывать поцелуями мою

шею. — Я не сделаю тебе больно!

Он аккуратно расстегнул сзади пуговицы блузки и провёл пальцем по моей обнажённой спине. Я чувствовала тепло внизу живота, словно горячий вязкий кисель медленно разливался по всему телу, которое трепетало в тот миг.... Губы Ника всё ниже и ниже спускались, покрывая поцелуями мою спину.... Они были мягкими и тёплыми.... При каждом их прикосновении я вздрагивала. Я слышала, как громко стучит сердце, но не могла понять, чьё: его или моё. Я сидела, не шелохнувшись — боялась, что всё это мне снится и, если пошевелюсь, то всё исчезнет в один миг. Ник медленно обеими руками стянул с плеч мою блузку так, что та упала мне на колени. От спины он перешёл к рукам, по очереди нежно гладя их и лаская. Меня то бросало в жар, то вдруг, наоборот, я чувствовала холод, который словно сотня острых ножей, пронзал всё тело.... Ник обнял меня рукой за плечи и развернул в свою сторону. Я зажмурилась....

— Не бойся.... — шёпотом сказал он мне на ухо. Я почувствовала его запах так близко, что голова закружилась ещё сильнее.

Открыла глаза. Лицо Ника расплывалось от близости к моему.

— Больно? — он вытянул губы и подул на мою рану под носом, которая, я чувствовала, уже покрылась твёрдой корочкой.

Больно? Как же! Я уже и забыла про неё. Думая только о том, как бы сознания от счастья не потерять.

Ник был уже без футболки. Его крепкое мужское тело было прекрасно! Я вспомнила тот день в мужской раздевалке спортзала, когда потеряла дар речи, увидев Ника обнажённым. Но тогда он был так далеко, и только ночью, в своих мечтах, я могла наслаждаться им. Теперь же он был рядом.... Заметив моё смущение, Ник улыбнулся. Он взял мою ледяную руку и положил себе на грудь. Тепло его тела обожгло её. Я интуитивно отдернула руку, но Ник прижал её так крепко, что та осталась на своём месте.

Я посмотрела на его лицо.... Его глаза, широкие скулы, пухлые манящие губы и маленькая родинка над ними были так близко! Он поправил одной рукой свои чёрные блестящие волосы, а вторую положил мне на талию и притянул меня к себе ещё ближе, так, что расстояния между нами почти не осталось. Наши тела соприкоснулись, и я почувствовала лёгкую дрожь по огненному телу Ника. Оно трепетало, как и моё. Ник медленным движением убрал за уши локоны моих волос, взял меня обеими руками за щёки и заглянул прямо в глаза. От этого взгляда волосы на спине встали дыбом. Я утонула в его взгляде. Ник притягивал меня всё ближе и ближе к себе.

Я закрыла глаза.... И уже скоро почувствовала во рту чужой для себя вкус.... Я пропала.... Словно летела в тёмную бездну, которой не было конца, ни края, а тело моё медленно растворялось как сахар в горячем крепком кофе.... Пока не растворилось совсем....

Могу сказать точно, это стоило жизни....

— Я позвоню тебе? — спросил Ник уже около моего дома.

Я кивнула ему и поспешила в подъезд, пока кто-нибудь из соседок-бабушек не заметил моих «узоров». А то потом разговору было бы на неделю!

Я приняла душ, обняла медвежонка и уткнулась в подушку. Странное чувство было у меня на душе. Не было боли, не смотря на то, что распухшая губа доходила уже до носа. Не было страха, хотя я знала, что за свой поступок мне придётся заплатить слишком высокую цену. Не было сожаления и разочарования. Было непонятное чувство протрации, находясь в

котором, я даже не заметила, как уснула. Разбудила меня мама, сегодня позднее обычного вернувшись с работы. Долго я пыталась ей объяснить, что произошло, свалив всё на то, что не поделили с Лютиковой дорогу в коридоре. Она вроде поверила, пообещав, что просто так это не оставит. Зато всю ночь я спала как убитая.

— Я перекантуюсь у вас? — Ник стоял, облокотившись на входную дверь.

— Заходи! — предложил Кир войти ему в квартиру.

Ник перешагнул через порог.

— Ты один? А где Миксер?

— Не знаю! — буркнул в ответ Кир. — Вышел!

— Пиво есть? — Ник сел на кресло, стягивая ботинки.

— В холодильнике! — так же грубо ответил Кир.

— Что-то случилось? — Ник решил закосить под дуручка.

— Это ты у меня спрашиваешь?

— Нет, блин, у себя!

— А ты сам как думаешь?

— Какая-то проблема? — Ник продолжал делать вид, что нее понимает намёков друга.

— Ты где был?

— Тебя это не касается!

— Вот как! Мы же друзья! Сам говорил!

Ник встал с места, прошёл на кухню и вернулся с бутылкой пива.

— Знаешь, что, Кир! Вы меня достали своим нытьём! Я тебя уже предупреждал, чтоб ты не лез в мою жизнь! Это моё дело: где и с кем я провожу время. Ясно? — Ник присосался к бутылке.

— Да мне по барабану. С Миксером сам будешь объясняться!

— Да пошёл ты!

За входной дверью послышался копошение.

— А вот и Миксер!

Стас еле стоял на ногах. Он перешагнул через порог и завалился прямо возле двери.

— Вот тебе и проблема! — кивнул Кир в сторону распластавшегося в коридоре друга. —

Ладно, давай перетащим его на кровать.

Друзья, собрав все свои силы, подняли бесчувственное тело и отнесли в комнату.

— Ник! Дружище! — пришёл на минуту в себя Миксер. — Скажи, ведь ты же ничего ей не сделал? — и голова Стаса вновь упала на грудь.

— Ну, так как? — повторил вопрос Стаса и Кир. — Совсем ничего?

— Да, ладно, Кир, брось! Проспится и завтра обо всём забудет! Чтоб из-за бабы! Я тебя умоляю!

— Ну-ну! Посмотрим! Ладно! Не знаю, как ты — я спать! День сегодня сумасшедший был!

— Да, денёк был — то, что надо! — усмехнулся Ник.

Следующим утром я встала раньше обычного. Поскорее хотела попасть в универ. Всю ночь, думая о Нике, я побыстрее хотела его увидеть.

— С тобой всё в порядке? — спросила мама, лишь только я показалась на кухне.

— Ну, да! А что?

— Да ты цветёшь и пахнешь!

Я подошла к маме, обняла её и чмокнула в щёчку.

— Всё в порядке, не волнуйся! — продолжала я загадочно улыбаться.

— Ты ведь ничего от меня не скрываешь?

— Нет, конечно. Ладно, мне нужно идти, — я так и не присела за стол.

— Ты куда так рано? — недоумевала мама. — Ты ведь даже не позавтракала!

— Есть дело! — я ещё раз чмокнула её в щёчку и поспешила на автобус.

Вспомнила про отключённый телефон в кармане. Включила, как всегда: десять пропущенных от Наташи и столько же от Макарского.

В аудитории я оказалась одной из первых. Только минут через двадцать все начали подтягиваться. Наташа тоже пришла пораньше — как чувствовала.

— Подруга! — сразу бросилась она ко мне. — Куда ты пропала? Я звонила тебе вчера весь день? Что-то случилось?

— Долго объяснять.

— Постой! А что у тебя с губой? — заметила Наташа болячку на разбитой губе.

— Ничего! Не бери в голову!

— Как это ничего! Кто тебя так, я спрашиваю!

— Лютикова.

— Лютикова? Эта кошка драная? Ну, я ей устрою! — Наташа потёрла кулаки.

— О, Немезида! Боевые раны? — Васильков, конечно же, тоже не мог пойти мимо моей разбитой губы. — Кто это тебя так разукрасил?

— Не твоего ума дела! — фыркнула в его сторону Наташа. — Иди куда шёл, пока я добрая!

После первой пары, которая, я думала, никогда не кончится, мы пошли в столовую — самое подходящее место для бесед.

— Ты что будешь: кофе или чай? — спросила Наташа.

— Кофе с молоком и круассаны.

— Жди! Я сейчас! — через пять минут она принесла наш завтрак. — Ну, давай по порядку!

Я не знала, стоило ли Наташе рассказывать обо всём.

— Я вчера встречалась с Ником.

— С Домбровским?

— Ну, да! С каким же ещё?

— Как это встречалась? В каком смысле? — Наташа не могла поверить моим словам.

— В прямом! Вчера у нас было свидание! — по моей улыбке до ушей подруга, видимо, поняла, что я говорю правду.

— Так! Подожди! — Наташа отхлебнула свой кофе. — Ничего не понимаю! Тебя же вчера Лютикова разукрасила!

— Ну, да! А потом появился Ник, ещё Макарский! В общем, это неважно!

— Как это не важно! Мне важно всё! Давай по порядку!

В двух словах я рассказала подруге о вчерашнем дне.

— Ты с ним спала? — это был единственный вопрос, который интересовал Наташу.

— Да! — решила я ответить честно — кому как не ей я могла ещё довериться.

— Вот дела! — подруга закрыла рот ладонью. — Да, ты в своём уме?

— А чему ты так удивляешься?

— Нет, но с тобой мне всё ясно. Но это точно был Домбровский? Не его двойник?

— Наташа, я же тебе сказала, — пыталась я ещё раз объяснить ей, но она не хотела в это

верить.

— Но он же с Зацепиной! — развела она руками. — И зачем ему с тобой спать? Я не понимаю!

— Ты за меня не рада? — я даже немного обиделась.

— Не то, чтобы не рада! Я просто не могу понять мужскую логику!

— Может, и не стоит пытаться! — я уже пожалела, что рассказала правду. Не могла же я сказать ей, что это было только одно свидание. Потому как сама не хотела в это верить!

— Аааааа! «Медведи»!

— Красавцы!

— Мальчики! Вы лучшие!

— Ник! Я люблю тебя! — громкие крики и женский визг вокруг означали, что в столовую вошёл тот, кого мы только что так бурно обсуждали с подругой.

Сердце моё заколотилось. Я почувствовала, как щёки запылали. И всё ещё не решалась обернуться на входную дверь. Наташа же сидела, открыв рот.

Ник медленной походкой прошёл за свой столик. За ним последовали Стас Миксонов и Кир. Миксер, проходя мимо, подмигнул мне.

Меня до сих пор колотило.

— Это точно был он? Не его двойник? — Наташа оглянулась.

Ник сел напротив меня, но даже не смотрел в мою сторону.

— Микс, ты так и будешь молчать? — обратился он к другу. — С утра ты ни слова не проронил. — Кир, может, ты объяснишь!

Стас с Киrom переглянулись.

— Ник, в какие игры ты играешь? — спросил вдруг Кир.

— Кир, ты меня сегодня уже три раза про какие-то игры спрашивал. Я не понял, это что, прикол такой?

— Ты только дурака из себя не строй!

— Может, вы, наконец, объясните, что происходит! — Ник закричал так, что все присутствующие в столовой обернулись на него.

— Ты переспал с ней? — Стас не стал ходить вокруг да около.

— Да с кем?

— С ней! — Микс кивнул в мою сторону.

Ник обернулся. Поняв, кого Стас имел в виду, он захохотал.

— Что? С эти клоуном? — Ник покрутил пальцем возле виска. — Ты в своём уме?

— Я-то в своём! А вот ты! — голос Стаса был грубым.

— Не забывайся! — Ник сжал руки в кулаки.

— Кто забывается, так это ты! — пришёл на подмогу Миксу Кир. — Вчера ты сначала её не узнал, потом вместе с ней уехал, вернулся поздно, ничего не объяснив. А сегодня вообще не в курсе того, что происходит! Брось, Ник!

— Да я говорю правду! — Ник не мог понять, почему друзья ему не верят.

— С кем же ты был вчера вечером? — Стас посмотрел в глаза другу.

— С одной прекрасной девушкой. Возможно, скоро я вас познакомлю, — загадочно ответил Ник.

— Ты был с Ритой? — спросил Кир.

— Да.

— Что? — не расслышал Стас. — С какой Ритой? — он заметно повеселел. — Ты,

правда, был не с Анжеликой? — с надеждой в голосе спросил он.

— Нет, конечно! Чтоб я с этим клоуном! Ха-ха-ха! Ну, вы даёте, пацаны! — Ник бил ладонью по столу и не мог остановиться от смеха.

— А ты помнишь, как мы вчера разнимали дерущихся девиц? — Кир хотел всё до конца понять.

— Я вчера вообще, как в тумане был, говорил же. Может, мы пивом траванулись. Башка целый день раскалывалась. Каких-то девиц помню, ну, этих, мелких, с первого курса. Клоун там, вроде, тоже была, — Ник вновь обернулся в мою сторону. Потом я встретил Риту и всё.

— Но ты уехал с Анжеликой! — не могли понять друзья.

— Вот этого не помню! Хоть убей! Точняк, пиво левое было!

— Он всё время на тебя смотрит! — заметила Наташа, как Ник оборачивался в нашу сторону.

— Думаешь, подойти, поздороваться?

— Ну, раз ты говоришь, что вчера вы с ним вместе спали, почему бы сегодня не поздороваться!

Я встала с места и направилась к столику Ника.

В голове я перебирала слова, которые хотела ему сказать. Но даже рот не успела открыть.

— Ооо! Какие люди! — Ник захлопал в ладоши. — Клоун, это снова ты? Что на этот раз? Хочешь предложить свои услуги? Будешь умолять меня о свидании?

Стас еле сдерживался.

— Ну! Чего язык проглотила? — продолжал Ник паясничать. — Чё надо, спрашиваю?

Я не знала, что ответить.

— Ты хотела со мной поговорить? — в который раз Стас спасал меня.

Я кивнула, еле сдерживая слёзы.

— Давай выйдем! — Микс поднялся из-за стола, взял меня за руку и вывел в коридор.

— Ты снова плачешь? — Стас улыбался, не выпуская мою руку.

Я покачала головой.

— Ты уверена? А это что? — вытер он другой рукой слезу с моей щеки. — И как всегда — нет платка! Возьми! — протягивал он мне носовой платок. — Это уже третий по счёту? Я скоро разорюсь с тобой на носовых платках.

Я попыталась улыбнуться.

— Вот так-то лучше!

— Скажи мне честно, — Микс сделал паузу.

Я кивнула в знак согласия ответить правду и ничего кроме правды.

— Ты вчера была с Ником?

Я покачала головой. Как я могла сказать ему!

Стас облегчённо вздохнул.

Он облокотился на стену — улыбка не сходила с его лица.

— Может, сходим в кино?

Я вновь кивнула, не понимая до конца, чего он от меня хочет. Мне было всё равно. После того, как Ник сделал вид, будто между нами ничего не было, мне хотелось провалиться, испариться, исчезнуть....

Глава десятая «Новые чувства»

В то самое время другой мой «воздыхатель» лежал на кровати в своей комнате.

— Анжелика... Анжелика... Анжелика... — повторял Всеслав Макарский, растворяясь в улыбке, то вдруг меняя её на маску гнева, вспомнив о своей сопернице.

Кто бы мог подумать, что пройдет всего пару месяцев и он окончательно забудет о своих переживаниях по поводу расставания с Вероникой. Тогда ему казалось, что жизнь кончена. И вот теперь он снова счастлив! Он уже и не думал, что когда-нибудь снова будет испытывать эти чувства: будто крылья появляются за спиной и сердце учащенно бьется, стоит лишь произнести это имя — Анжелика...

Раздался стук в дверь.

— Обедать будете, господин? — голос домработницы прервал его мысли.

— А что у нас на обед, Валентина? — Сева не мог скрыть своего хорошего настроения, улыбаясь во весь рот.

— Сегодня ваш любимый рассольник, — улыбнулась та ему в ответ.

— Ну, если рассольник, тогда буду! — Макарский потянулся и резво вскочил с кровати.

— Что с вами в последнее время? — воспользовавшись прекрасным расположением духа молодого хозяина, решила на наглость Валентина, которая работала в их доме с самого рождения Севы и хорошо знала характер молодого господина.

— А что не так? — подмигнул ей Макарский.

— Да вы весь светитесь последние несколько дней!

— Неужели так заметно?

— Ещё бы! Когда вы вернулись из Лондона, были похожи на ходячий труп. А теперь будто глотнули жизни.

— Да, жизнь прекрасна! — задумчиво произнёс Сева, продолжая улыбаться.

— Кстати, — полушепотом продолжала домработница, — Альберт Владимирович приехал на обед. Ожидает вас в гостиной.

— Чего так?

— Не знаю, — шептала она. — Сказал, что есть к вам важный разговор.

— Ну что ж, — потянулся возле входной двери Сева. — Придётся выслушать.

Хотя выслушивать отца для Севы всякий раз было испытанием. Отношения их можно было назвать натянутыми. Это началось давно, когда умерла мама.

Мать Макарского умерла от болезни, когда тому не было и десяти. Отец долго переживал, замкнувшись в себе. Не догадываясь о том, что не одному ему плохо. Забота о мальчике легла на плечи домработницы Валентины, которая относилась к Севе, как к собственному внуку. Именно она делала с ним уроки, читала книги на ночь. Именно она обнимала его, когда тот плакал, вспоминая о маме. Отец же, не замечая сына, продолжал думать только о себе, уходя на работу засветло и возвращаясь за полночь, когда маленький Сева, так и не дождавшись отца, крепко спал в своей кровати.

Иногда отец заходил в детскую и подолгу сидел возле него, всматриваясь в знакомые черты — черты своей любимой жены, которые так отчетливо узнавались в сыне. Жены, так рано и внезапно покинувшей его. Какая-то невидимая грань была между отцом и сыном, которую Альберт Владимирович никак не мог переступить. Будто бы мальчик был виноват в смерти матери.

Прошло много лет, но эта грань так и не исчезла. Отец дал сыну всё, но не дал самого главного: любви, заботы и ласки. И Сева никак не мог этого простить!

— Слушаю тебя! — Всеслав сел за огромный обеденный стол прямо напротив отца.

— Ты был в университете? — не отрывая глаз от тарелки с супом, спросил тот.

— Был.

— И что?

— Поговорил с Петром Тимофеевичем.

— Он мне сегодня звонил. Сказал, что ты будешь восстановлен, и со следующего учебного года сможешь приступить к учёбе.

— Отлично! — Сева взял ложку и потянулся за хлебом.

— Отлично?! — Макаровский-старший ударил кулаком по столу, так, что тарелки задрожали. — Да у меня в твоём возрасте было два высших образования. И я уже открыл свой бизнес!

— Что ты хочешь от меня? — понял Сева, к чему клонит отец.

— Я — известный банкир, уважаемый в стране человек. У меня много партнёров по всему миру. А единственный сын — лоботряс, ни во что не ставящий своего отца.

— Но отец! — начал Сева.

— Не перебивай! — крикнул Макаровский-старший. — Тебя выгнали из экономического. Я еле-еле устроил тебя к Петру Тимофеевичу! Но и здесь ты отличился. Бросил университет и подался за какой-то девчонкой в Лондон! Потом «здрасьте» — вернулся. Тебе двадцать с лишним и что ты имеешь? — взгляд отца был страшен.

— Что ты хочешь? — спорить с отцом у Севы не было никакого желания. Тем более он знал, что это бесполезное занятие.

— Пока ты не приступишь к учёбе — будешь работать!

— Что???

— В кредитном отделе для тебя есть вакансия.

— Но, отец! Я ничего не смыслю в кредитах!

— Ничего! Научись! — Макаровский-старший поднялся из-за стола. — Завтра приступаешь к работе! — после этих слов он развернулся и пошёл к входной двери. — Опаздываем! — грубо сказал он охраннику, открывавшему ему входную дверь.

Сева опустил руки и облокотился на спинку стула.

— Вот так всегда! — сказал он домработнице, поспешившей убрать со стола. — Ты должен! Ты обязан! Единственные слова, которые знает отец!

— Зря вы так! — постаралась та его успокоить! — Альберт Владимирович хоть и строгий, но он любит вас... в глубине души.

— Да, где-то очень-очень глубоко! — задумался молодой хозяин.

Что же теперь будет? — этот вопрос мне не давал покоя. Я уже не слышала Стаса, который спрашивал, какие фильмы мне нравятся и на что бы я хотела пойти. Я просто кивала в знак согласия на все его вопросы.

— Ты вообще меня слушаешь? Или до сих пор думаешь о нём? — в голосе Микса слышалась обида.

— Я знаю, что делать! — вдруг меня осенило. — Прости! Мне нужно идти! — я выдернула свою руку из рук Стаса и побежала по коридору. Он проводил меня взглядом и вернулся в столовую.

— А клоун где? — ехидничал Ник.

— Ещё раз так её назовёшь, и ты — труп! — Стас сел на своё место.

— Эээ! Это мои слова! Ладно, дружище, прости! — продолжал он издеваться. — А ты и, правда, на неё запал.

— Это не твоё дело!

— Конечно! Ты же не лезешь в мою жизнь! — ответил с сарказмом Ник. — И я не буду лезть в твою!

На самом деле странные чувства были у Ника на душе. С одной стороны, ему не было никакого дела до этой девчонки, но, с другой стороны, он почувствовал укол ревности или зависти к другу. Как собака на сене: ни себе, ни людям. Как она могла уйти говорить с Миксером, когда он был здесь, рядом. А она сделала вид, будто не заметила его. Нет! Ник не мог такого стерпеть! И вообще, почему он продолжает о ней думать, если ему до неё никакого дела нет! Голова шла у Ника кругом.

— Поговорили? — спросил Кир.

— Да. Я пригласил её в кино! — Стас же пытался задеть Ника.

И у него это получилось.

— С каких это пор ты с девицами в кино ходишь? Там разве наливают?

Микс проигнорировал его вопрос.

— Завтра в семь вечера встречаемся у «Пушкинского», — смотрел он на Кира.

— Ты думаешь, она за тебя заплатит? — не сдавался Ник.

— Ладно! Пойдём! У нас сейчас педагогика! — обратился Стас к Киру, внове проигнорировав вопрос Ника.

Я бежала по коридору с одной надеждой — что Хворостова сможет ответить на все мои вопросы. Лишь ей одной было известно, что со мной будет дальше.

Я буквально влетела в аудиторию, чуть не сбив косяк двери. Я искала её глазами, но Ани нигде не было.

— О, Немезида! — зато был Васильков во всей своей красе. — Ты не меня ищешь?

— Где Хворостова? — отдышавшись, спросила я.

— Зачем тебе Тортилла?

— Где она, спрашиваю?

— Без понятия! — фыркнул Васильков и отвернулся от меня.

Я спросила у всех, кто находился в аудитории в тот момент, не видели ли они Хворостову.

Но она как в лету канула.

Набрала её номер. Она была вне сети.

Я прошла на своё место, села на стул, положила руки на парту, на них голову и просидела так, пока не пришла Наташа.

— Ну, ты чего как ошпаренная из столовки убежала?

Я подняла голову.

— Хворостова. Мне нужна Хворостова.

Наташа дотронулась до моего лба.

— Эээ, подруга! Да ты вся горишь!

В это время прозвенел звонок. В аудиторию вошла Аделина Игнатъевна — по расписанию у нас была древнерусская литература.

Наташа, увидев Цербершу, села на своё место.

— Итак, надеюсь, все готовы к семинару! — профессорша прошла к своему рабочему столу, поправила очки и уткнулась в журнал. — Староста, — обратила она свой взор на меня, — кто отсутствует на лекции?

Я смотрела на неё, но не понимала, чего она от меня хочет. У меня кружилась голова, и всё плыло перед глазами, мне стало трудно дышать. Я схватилась за воротник блузки и

жадно начала глотать воздух.

— Синицына! Что с вами? — испугалась Аделина Игнатъевна.

Но я не слышала её. Мне всё ещё не хватало воздуха, было чувство, что я вот-вот потеряю сознание.

— Анжелика, всё хорошо? — услышала я те же слова, что и тогда на поляне. И этот голос! Такой знакомый и успокаивающий! Это была Аделина Игнатъевна! Это она — та Королева из моего сна или не сна.... Я уже сама ничего не понимала. — Тебе плохо? — повторила она свой вопрос. — Может, выйдешь?

Я вскочила с места и начала метаться по аудитории.

— Немезида с катушек съехала! — Васильков засмеялся.

Его поддержали все остальные.

— Аделина Игнатъевна! — осмелилась Наташа. — Анжелике плохо. У неё температура. Можно я провожу её домой?

Видимо, было в Церберше ещё что-то человеческое. Или же у меня был жалкий вид. Скорее, второе.

— Раз такое дело! — развела профессорша руками. — Что ж идите!

Я почувствовала комок в горле и пулей выбежала из аудитории.

Наташа подхватила наши рюкзаки и выбежала вслед за мной.

Я еле-еле успела добежать до туалета. Освободив свой желудок от недавно съеденных круассанов, я, наконец, свободно вздохнула.

Возле входа в туалет меня ожидала Наташа. Она протягивала мне рюкзак.

— Ну, подруга, ты даёшь! И что это было?

Я промолчала, вытирая рот носовым платком Стаса, который оказался в кармане весьма кстати.

— Слушай, а ты случаем не залетела? — испуганно смотрела на меня Наташа.

— Да, ну, тебя! — я отмахнулась.

— Хотя, да. Так сразу не бывает. Может, отравилась?

— Не знаю. Но чувствую себя паршиво.

— Зато ты нас спасла от семинара! Ладно, пошли домой!

— Нет! Мне нужна Хворостова! — повторяла я как заведённая.

— Зачем тебе Тортилла понадобилась? — недоумевала подруга.

— Наташ, ты иди домой. А мне нужно найти Аню.

— Но... — пыталась возразить подруга.

Я же уже не слышала её, стремительно направляясь к выходу из универа.

Проходя мимо столовой, я вновь столкнулась с Ником, чуть не сбив того с ног.

— Ты меня преследуешь что ли?

Ник стоял, положив руки в карманы. Он как всегда был прекрасен! Ярро-розовая рубашка, выглядывающая из-под чёрного велюрового пиджака, обтягивающие идеальную фигуру узкие брюки по щиколотку, начищенные ботинки, немного растрёпанные волосы, пухлые губы с маленьким колечком. И эта родинка.... Совсем недавно я дотрагивалась до неё своими губами. Он же шептал мне на ухо «я хочу тебя!» И снова он чужой и такой неприступный....

— Чего молчишь? — Ник перегородил мне дорогу. По обе стороны от него стояли Стас и Кир.

— Отойди! — грубо ответила я.

— Что? — Ник подставил руку к правому уху, будто не расслышал моих слов.

— Отойди! — повторила я.

— Ник! Пойдём! — Кир, поняв, что лучше увести друга от греха подальше, тянул того за руку.

Домбровский отдёрнул руку.

— Пойдём на лекцию. Мы и так опаздываем, — Кир повторил попытку.

Ник продолжал сверлить меня взглядом. В его глазах была ярость, злость, даже ненависть.

— За что ты меня ненавидишь? — осмелилась я, поняв, что терять мне уже всё равно нечего.

— Я тебя ненавижу? — ехидная улыбка скользнула по лицу Ника. — Да мне нет до тебя никакого дела! — он вновь резко выдернул руку из рук Кира.

— Что я тебе сделала? — я еле сдерживала слёзы.

— Ник, пошли отсюда! — в разговор вмешался Стас.

— Ты? — Ник рассмеялся. — Ты о себе такого высокого мнения? Да кто ты такая, чтобы так разговаривать со мной. Ты — пустое место! Ты — никто! Понимаешь? — его голос дрожал. — Ты права, я ненавижу таких, как ты! Поэтому не попадайся мне больше на глаза! — Ник прошёл мимо меня, задев плечом так, что я еле удержалась на ногах.

— Ник! Да что с тобой сегодня? — Стас и Кир поспешили за другом.

Я осталась одна посередине пустого коридора. Я размышляла над словами Ника. И не могла поверить в то, что он говорил серьёзно. Ведь ещё вчера было всё по-другому....

Я вспомнила про Хворостову. Мне нужно было во что бы то ни стало узнать всю правду.

Через час я уже долбилась в дверь её квартиры. Мне никто не открыл. Сколько времени я провела под дверью, трудно сказать. Я вообще потеряла счёт времени....

— Ник, стой! Почему ты убегаешь? — Стас и Кир еле поспевали за другом.

Тот же быстрым шагом направлялся от ворот универа в неизвестном направлении. Полы его расстёгнутого клетчатого пальто развевались на ветру, как и волосы. Он то и дело поправлял чёлку, которая спадала на глаза. Но, несмотря на крики друзей, шаг не сбавлял.

— Ник, стой! — Стас догнал его и схватил за руку.

Никита остановился и развернулся к другу.

— Что с тобой происходит? — повторил Стас.

— Ничего! Пусти меня! — пытаюсь высвободить свою руку, грубо ответил Ник.

— Ты сегодня сам не свой! — Миксер всё ещё не отпускал его. — Что случилось? Мы же друзья! Я хочу помочь!

— Мне не нужна помощь! — Ник освободил руку, повернулся к Стасу спиной и вновь прибавил шаг.

— Отстань от него! — крикнул Стасу Кир, наблюдавший за этой картиной со стороны.

Ник же, отойдя на несколько метров от оставленных им в сквере друзей, остановился. Он сел на лавку, закрыл лицо руками и просидел так несколько минут. Слёзы подступали к глазам, в горле стоял комок, мешая свободно дышать. Что с ним? Он не мог понять, что происходит! Лицо той, которую он ненавидел, стояло перед глазами. Он двадцать раз открывал и закрывал их, но её образ не исчезал. И сердце при этом разрывалось от боли, до этого ему незнакомой.

— Чёрт! Да что же это! — Ник крикнул так громко, что проходившие мимо скамейки люди, обернулись в его сторону.

— Чёрт! Чёрт! Чёрт! — повторял Ник, стуча кулаком об лавку.

Слёзы не отступали. То ли от яркого весеннего солнца, лучи которого светили прямо Нику в глаза. То ли от того странного поглощающего его чувства, которому он пока не знал названия.

Продолжал он думать об Анжелике и вечером. Даже в объятьях другой....

— Скажи, у тебя есть мечта? — обратился Ник к Рите, обнимая её за плечи. Та перевернулась со спины на живот и легла на грудь Нику.

В номере 13 мотеля «Мечта» было сумрачно, несмотря на незакрытые жалюзи.

— Мечта? Не знаю... — ответила девушка, покрывая поцелуями обнажённую грудь Ника.

— А всё же? — Ник привстал, отодвинул Риту в сторону и сел на кровать.

— Ты — моя мечта! — прилипла та к его спине. Она обнимала и гладила его крепкую спину. Но юноша, казалось, не чувствовал этих прикосновений.

— И ты больше ни о чём не мечтаешь?

— О чём мне мечтать? У меня всё есть! — не лукавя, ответила Рита. — А ты? — продолжала она целовать спину Ника.

— Уже не знаю... — задумчиво ответил тот. — Тебе пора домой, Я отвезу тебя! — не обращал он внимания на заигрывания девушки.

— Может, задержимся? — кокетничала та.

— У меня ещё есть дело! — Ник поднялся с кровати, поднял с пола разбросанную впопыхах одежду.

— Одевайся! — приказным тоном сказал он Рите, бросив на кровать её джинсы, футболку и нижнее бельё.

— Ты не поможешь мне? — кокетливым голосом продолжала та, стянув с себя простыню и обнажив грудь.

Но ни один мускул не дрогнул на лице Ника.

— В следующий раз! — он натянул кожаные брюки, надел ботинки и, дёрнув головой, направился к двери, прихватив с собой два мотоциклетных шлема.

— Жду тебя снаружи!

— Да, слушаю! — говорил с кем-то по телефону мужчина в тёмном костюме, стоящий прямо под окнами мотеля.

— Они там?

— Да?

— Вдвоём?

— Так точно! В номере 13.

— Ты всё снял?

— Обижаете, шеф!

— Я жду тебя!

— Понял! — незнакомец в тёмном костюме прыгнул в припаркованный на стоянке мотеля чёрный «Джип» и дал по газам.

— Кто там? — уставший, немного грубый женский голос раздался из комнаты, как только Ник переступил порог своей квартиры.

Он положил ключи, снял ботинки. Ему навстречу выбежал кот, огромный, рыжий.

— Рыжий, дружище, ты меня встречаешь? — Ник стоял на коленях и ласкал кота, то и дело чмокая его в мокрый нос, отчего кот зажмуривался и недовольно фыркал.

— Никита, сынок, это ты? — повторилось из комнаты.

— Да, мам, это я.

Ник сел на старый потёртый стул в коридоре и облокотился на спинку, окинув взглядом родные стены. Обои в коридоре были обшарпаны, в некоторых местах содраны, так что по всему зелёному периметру были серые бетонные пятна. «Полуживой» шкаф, заваленный старыми вещами до самого потолка, казалось, вот-вот сдастся и упадёт под тяжестью своей ноши. Красный деревянный пол, положенный, наверное, со времён постройки хрущёвки, скрипел даже под лапами Рыжего.

— Никита, ты останешься? — в дверях зала показалась мамина растрёпанная шевелюра.

Ник повернулся к ней, встал со стула и подошёл поближе.

— Что это? — он взял её за подбородок и повернул её лицо ближе к свету, который с трудом сочился из единственной висевшей не потолке лампочки Ильича. — Он опять тебя бил?

Мать закрыла синяк под глазом рукой.

— Нет, я упала! — громко ответила она.

— Он спит? — кивком головы Ник показал на дверь комнаты.

— Спит.

— Пьяный?

— Как обычно! — мама опустила глаза в пол.

— Как обычно?! — Ник вскочил с места и потёр кулаки друг о друга.

— Никита, пожалуйста, не начинай. Мы сами разберёмся! — причитала мать.

— Дождёшься того, что отчим убьёт тебя! — Ник прошёл на кухню, открыл холодильник, налил себе стакан молока и сел за стол.

— Там есть борщ! — сказала мама.

— Я не голоден! — ответил Ник.

Мама подошла к нему, обняла сзади и заплакала.

— Ну не могу же я его выгнать. Мы же столько лет вместе. Куда он пойдёт? Ведь он столько сделал для меня, когда я осталась с маленьким ребёнком на руках! Если бы не он, я бы не смогла поднять тебя!

— Мама, ты просто ищешь оправдания, — голос Ника был спокоен. — Я устал, хочу спать! — Он поставил стакан на стол, встал с места и прошёл через зал в свою комнату, остановившись ненадолго возле спящего на диване отчима. Тот храпел так, что стёкла окон маленькой квартиры дрожали.

Ник зашёл в свою комнату, за ним в приоткрытую дверь прошмыгнул кот. Мебель в комнате была старая. Дырки на обоях загоразивали плакаты группы «Кино», «Алисы», «Металлики» и других рокеров. На полках, висевших над письменным столом, стояли их же компакт-диски — те диски, на которых Ник вырос, и поэтому никак не решался избавиться от них. Юноша подошёл к столу, открыл ноутбук, посидел перед ним минут двадцать. Затем снял с гвоздя висевшую на стене гитару, и, не раздеваясь, лёг на кровать поверх одеяла. Он играл какую-то грустную мелодию и что-то бубнил себе под нос. Рыжий лежал подле него и мурлыкал в такт музыке. Раздался телефонный звонок. Ник вытащил из кармана брлок «айфон». Номер был незнакомый.

— Алло. Я слушаю! — ответил Ник.

— Никита Домбровский? — прозвучал вопрос на другом конце провода.

— Да. С кем имею честь говорить?

— Меня зовут..., - незнакомец сделал паузу, — Олег Зацепин.

— И что вы хотите? — голос Ника был уверенным.

— Я хочу поговорить с тобой!

— Вот как! — вошёл Никита в роль.

— Это касается твоих отношений с моей дочерью!

— Слушаю! — ехидничал Ник.

— Не по телефону.

— Тогда где и когда?

— Я в другом городе. Вернусь — сам позвоню тебе!

— Я буду ждать с нетерпением!

Не успел Ник сказать последнюю фразу, как на другом конце провода положили трубку.

Ник потёр ладони друг о друга, загадочно улыбнувшись.

— Попалась мышка в мышеловку!

Поняв, что после такой новости ему не уснуть, Ник повесил гитару на место и, выйдя из комнаты, ещё раз взглянув на пьяного отчима, направился к входной двери.

— Сынок! Ты куда? — вскочила с кресла мама.

— У меня есть дело! Сегодня не вернусь. Не жди, ложись спать! — и Ник хлопнул дверью.

Через полчаса чёрная «Ямаха» подъехала к ночному клубу «Куба».

— Хозяин здесь? — спросил Ник у охранника.

— Да! Проходи! — открыл он перед ним тяжёлую скрипучую дверь.

— Выпьешь? — протягивал Костя Нил бокал виски возникшему в столь поздний час на пороге его кабинета юноше.

— Не откажусь! — Ник прошёл в кабинет и плюхнулся в кожаное кресло.

Он залпом выпил всё содержимое бокала и тяжело раскинулся в кресле.

Минуту стояла тишина в кабинете.

— Что стряслось? — нарушил тишину хозяин. — Ведь ты пришёл поговорить?

— Да! — Ник поднял голову.

— Слушаю!

— У вас есть мечта? — неожиданно спросил юноша.

— Мечта?

— Мечта! О чём вы мечтаете?

— Что ты хочешь услышать?

— Правду! Мне хочется узнать, о чём мечтают люди вокруг меня! — на одном дыхании произнёс Ник.

— Ээээ! Теперь понятно! Что-то точно стряслось! — хозяин кабинета встал со своего места и сел на ручку кресла, где сидел Ник. — Рассказывай, коль пришёл!

— У меня была мечта создать группу — и вот «The Bears» существует. Я хотел, чтобы все девчонки планеты были моими. Что ж, мне только пальцем стоит поманить. Но я не чувствую себя счастливым. У меня нет чувства удовлетворения! Теперь я хочу популярности и богатства! У вас есть и то и другое! Скажите, вы — счастливый человек? Вы удовлетворены своей жизнью? Теперь вы о чём мечтаете? — Ник был взволнован.

— Мальчик запутался! — Костя Нил встал с кресла и подошёл к окну. — Послушай, меня, сынок! Известность и богатство никогда не принесут тебе счастья и удовлетворения, если у тебя ничего нет в душе! Если у тебя нет сердца, то всё бессмысленно. Понимаешь

меня? — он обернулся на Никиту.

— Есть одна девушка, — продолжал Ник свою исповедь. — По сути, я должен её ненавидеть. Но я думаю о ней всё больше и больше. Я закрываю глаза — и снова вижу её. Я не хочу о ней думать! Но её образ маячит перед глазами. Понимаете? Постоянно. Мне кажется, я схожу с ума! — Костя Нил был единственным человеком, кому Ник мог открыть свою душу.

— У тебя было что-то с этой девушкой?

— Я не уверен!

— Это как?

— Говорю же! Я схожу с ума! — Ник обнял голову обеими руками. — Я уверен, что ничего не могло быть. Но иногда вдруг возникают странные видения!

— Видения?

— Ну, да! Иногда словно что-то переворачивается внутри меня. И тогда я вспоминаю странные вещи.

— Какие же?

— Будто я лежу с ней в кровати. В обнимку. Я целую её. Говорю ей всякие глупости.... Самому противно! — Ник остановился.

— Ты уверен, что этого не было?

— Говорю же! Этого просто не могло быть!

— Может, ты влюбился? И в этом вся проблема?

— Да вы что? В этого клоуна? — Ник изменился в лице.

— Привет! Ты дома? — через полчаса выйдя из кабинета хозяина «Кубы», Ник набрал номер Леры Французовой.

— Да.

— Одна?

— Да!

— Жди! Я скоро буду! — Ник глупо верил в то, что в объятьях Французовой он сможет вычеркнуть из памяти тот образ, который не даёт ему покоя весь сегодняшний день.

Глава одиннадцатая «Последняя надежда»

Так и не дождавшись Хворостовой, я вернулась домой.

Обняв плюшевого медвежонка, я забралась под одеяло и не заметила, как уснула.

Меня разбудила мама.

— У тебя температура! — дотронулась она губами до моего лба. — Я вызову скорую.

— Не нужно! — пыталась я её отговорить.

Но на этот раз она была непреклонна.

— Ничего страшного! Простое переутомление! — врач скорой помощи протянула маме рецепт и направилась к выходу.

— С ней точно всё в порядке? У неё температура под 40.

— Не беспокойтесь. Горло не красное, лёгкие чистые, — говорила врач уже в дверях. — Отлежится недельку, будет, как новенькая. Самое главное — покой, и никаких переживаний!

— Переживаний?

— Ну, да, — улыбнулась врач. — Сейчас же весна! Пора любви!

Как только мама вернулась в комнату, я бросилась к ней.

— Хворостова не пришла в универ. Я зашла к ним. Но и дома никого не было! Где

они? — это был единственный вопрос, который волновал меня.

— Ложись в кровать. Врач сказала, что вставать пока нельзя, — пыталась она уложить меня на место. — Хворостовы уехали на неделю из города.

— Но куда?

— Откуда же мне знать? — развела руками мама.

Целую неделю я провалялась в кровати. Наташа звонила мне каждый день. Хворостова в универе так и не появилась. И телефон её молчал.

Всю неделю звонил и Макарский, который всё порывался навестить меня. На что я отвечала, что не могу сейчас никого видеть, что мне очень плохо, и не до гостей. Успокоился он только тогда, когда я пообещала сходить с ним в кино, как только поправлюсь.

Звонил и Стас. Казалось, он по-настоящему за меня переживал. По телефону мы разговаривали с ним по полчаса, но за эти полчаса он и словом не обмолвился о том, о ком я больше всего на свете мечтала услышать....

Я не видела Ника неделю, целыми днями, как сумасшедшая, разговаривая с его портретом. Эта неделя показалась мне вечностью.... Я каждую минуту вспоминала нашу с ним единственную встречу, ощущая на себе до сих пор теплое его губ, его манящий запах, его крепкие руки, его ласки и объятия.... Сейчас мне казалось, что это было в прошлой жизни....

Наконец, наступил понедельник. Наконец, я дождалась.

— Завтрак на столе! — донеслось из кухни.

— Я не голодна, правда! — я подошла к маме, обняла её.

— Ведь ты только после болезни. Как же витамины? Я блинчиков напекла!

— А вот витамины мне не помешают, — я взяла со стола большое зелёное яблоко и направилась к двери. — Пока! — послала я маме воздушный поцелуй.

В универ я пришла рано. Никого из наших ещё не было. Не забыв совершить утренний ритуал с переодеванием в женском туалете, уже через десять минут я сидела в аудитории. Первой парой у нас была литература серебряного века.

— Ааааа! Анжелика! — послышался в дверях знакомый голос, голос, которого мне так не хватало эти семь дней.

Наташа обняла меня так крепко, что я не могла и вздохнуть.

— Я так рада тебя видеть! — кричала она мне на ухо.

— Я тебя тоже! — я, правда, соскучилась по подруге, по её нравоучениям и наставлениям.

— Как ты себя чувствуешь? — не выпускала она меня из своих объятий.

— Если ты меня сейчас же не отпустишь, то буду не очень!

— Прости! Я просто очень соскучилась. Тебя так долго не было!

— Всего-то неделю.

— Неделю? Да я чуть с ума не сошла от скуки. Даже поговорить не с кем было. Ты, кстати, слышала новость про Домбровского?

Я так и знала, что первая её новость будет именно о нём.

— Нет. А что? — чуть слышно спросила я.

— Он так и встречается с Ритой Зацепиной. И говорят, там дело чуть ли не к свадьбе идёт, — сказала Наташа полушёпотом, будто мы в аудитории были не одни. — Прости, что не сказала тебе раньше. Ты же болела — не хотела тебя расстраивать!

— Ничего! Переживу! — я прошла на своё место. — Возможно, это и к лучшему. Может быть, хоть он будет счастлив.

— Ты о чём? — подруга села рядом со мной.

— Не бери в голову.

— Ты только не расстраивайся! Я о той встрече с ним...

— Я уже забыла! — соврала я Наташе.

— Ну и правильно. Он придурок ещё тот, я тебе говорила сколько раз!

— Кстати, а Хворостова так и не появлялась в универе? — разговаривать о Нике было выше моих сил.

— Нет! Скажи, а тебе Макаровский звонил?

— Звонил.

— Ну и как он? — Наташа повеселела. — Обо мне что-нибудь спрашивал?

Я посмотрела на подругу. У неё улыбка была на всё лицо.

— Спрашивал, как у тебя дела? — решила я не портить ей настроение.

— Правда? — она ещё больше засияла. — Кстати, Лютикова к тебе больше не пристанет. Я постаралась.

— Я надеюсь, ты её не убила и не закопала в лесу?

— Нет, просто помяла немного.

— О, какие люди! — в дверях показался Васильков.

Вслед за ним вошла и Лютикова. Даже не посмотрев в мою сторону, она поднялась на своё место.

— Ладно, договорим потом в столовой, — шепнула мне Наташа на ухо.

Воронова пришла как всегда со звонком.

— Синицына, — улыбнулась она мне, — я вижу вам лучше. Вот и прекрасно!

Хотя, что в этом было прекрасного — я так и не поняла.

— Кто сегодня отсутствует?

Я встала с места, огляделась по сторонам.

В это время в дверь постучали.

— Можно войти? — в дверях показалась голова Тортиллы.

— Вы как раз вовремя, Хворостова, — обернулась к ней Вера Ивановна. — Вас ещё не перечислили, как отсутствующую. Так что можете войти!

Аня поднялась на свой ряд. Она выглядела как обычно: серая юбка мешком, растянутая до нельзя водолазка, зализанные грязные волосы и противная натянутая улыбка...

— Итак, тема нашей сегодняшней лекции «Жизнь и творчество Константина Дмитриевича Бальмонта».

Я не слышала Веру Ивановну, и до Бальмонта мне не было никакого дела. Я думала только о том, чтобы поскорее поговорить с Хворостовой.

Я обернулась и посмотрела на неё. В памяти вновь всплыл тот странный сон, где Хворостова была в образе ведьмы не метле, кружащей надо мной. Или это был всё же не сон — пока я не могла этого понять! На минуту мне вдруг показалось, что у меня порез на ладони на том самом месте, где Аня мне его оставила. Я в ужасе закрыла глаза. Потом открыла их. Нет! Показалось! Рука была чиста! Но почему вдруг я вспомнила об этом? «Уже завтра Ник будет твоим!» — стоял в ушах голос Хворостовой. Нет! Этого не может быть! Такого просто не бывает! Я ещё раз посмотрела на неё. Она подняла свою руку и ручкой, словно ножом, провела по ладони. Дрожь пробежала по всему телу.

— Синицына, вы лекцию записывать собираетесь? — голос Вороновой заставил меня очнуться.

— Извините, Вера Ивановна. Я задумалась.

— Я надеюсь, о Бальмонте? — профессорша улыбнулась. — На чём мы остановились? Ах, да! Мать Бальмонта Вера Николаевна, урождённая Лебедева, происходила из семьи полковника, в которой любили литературу и занимались ею профессионально; она выступала в местной печати, устраивала литературные вечера, любительские спектакли; она оказала сильное влияние на мировоззрение будущего поэта, введя его в мир музыки, словесности, истории, первой научив постигать «красоту женской души», — продолжала Вера Ивановна.

Всю лекцию время от времени я поглядывала на Хворостову. Но ничего подозрительного не наблюдала. Она вела себя, как обычно: строчила в тетради а, заметив мой взгляд на себе, улыбалась своей противной улыбкой в тридцать два зуба.

Я еле дождалась звонка на перемену, вскочила с места и направилась напрямик к ней.

Тортилла складывала вещи в рюкзак.

Я взяла её за руку.

— Что всё это значит? — смотрела я ей прямо в глаза.

— Ты о чём? — глаза её блестели.

— Сама знаешь, о чём!

— Ааа! Ты о нашем договоре! — Хворостова одёрнула руку и продолжила складывать вещи. — Так у тебя ещё, — она посмотрела на часы, — целых тридцать два дня! Так что пока можешь наслаждаться жизнью!

— Что? Значит, всё это правда? — я попятилась назад.

— А ты как думала? — Хворостова оторвалась от своего занятия и скрестила руки перед грудью. — Думала, я буду в игрушки с тобой играть?

— Я умру? — я крутила головой, не веря, что всё это происходит в реальности.

— Ты же сама так решила. Тебя никто не вынуждал! Знала об условии контракта, но всё равно согласилась! Что ж, это твой выбор!

— Нет!!! Я не могу поверить в это! — я отходила от Хворостовой всё дальше и дальше.

— Анжелика! Ты идёшь? — звала меня Наташа.

Я обернулась на её голос.

В это время Хворостова взяла рюкзак и направилась к выходу. Я провожала её взглядом, всё ещё не веря в то, то услышала.

Всю дорогу в столовую Наташа что-то мне говорила, но я не слышала её. Мои мысли были совершенно о другом.

— Кстати, насчёт Макарского.

— Наташа, ты опять за своё! — не выдержала я.

— Нет! Ну а кто, как не ты! Моя лучшая подруга. Только ты можешь помочь моему счастью!

— Знаешь, что! — честно говоря, она меня и, правда, достала с эти Макарсим. — Мне сейчас не до этого!

— Что? Да я ради тебя на всё готова! А ты... — Наташа обиделась.

Весь оставшийся путь мы шли молча.

В столовой было как всегда много народу. Не успели мы сесть за столик....

— Аааа!

— «Медведи»!

— Мальчики, вы супер! — как давно я не слышала этих слов — целую неделю.

— Началось! — Наташа скривила лицо. — Опять весь аппетит испортили. Нет, ну почему, как только мы приходим в столовку, этим тоже приспичивает. Что, другого времени нет?

Как только троица заняла свои места, все успокоились. Иногда слышались редкие охи и вздохи, адресованные, видимо, «местным идолам».

Стас сел напротив меня и всё время, пока мы завтракали, глаз с меня не сводил, то улыбаясь, то подмигивая. Тот же, кого я мечтала увидеть все этих долгих семь дней, даже ни разу не взглянул. Он был прекрасен, как всегда! Как же мне хотелось дотронуться до его милого личика: эти глаза, пухлые губы, родинка — всё это казалось мне таким родным, но в то же время, таким далёким....

Я встала с места и направилась к заветному столику. Что ж, раз у меня осталось только тридцать два дня, то терять мне уже было нечего.

— Ты куда? — оторопела Наташа.

Но я не слушала её. Я слушала только своё сердце.

Я готова была вынести все оскорбления в свой адрес, только бы услышать его голос.

— Анжелика, привет! — Стас встал со стула. — Тебе лучше? — как бы я хотела, чтобы эта неподдельная счастливая улыбка принадлежала Нику.

— Да, я в полном порядке! — я набралась смелости. — Можно присесть? — кивнула на пустой стул, соседний с Ником.

— Мне всё равно! — ответил тот, размешивая пенку с капучино.

— Я рад, что тебе лучше! — Стас продолжал улыбаться.

— Слушай, Ник! — Кир положил на плечо Никиты руку. — Нам, кажется, пора на лекцию! — намекал он другу.

— Я ещё кофе не допил! — ответил тот сквозь зубы. — Мы же вам не мешаем? — язвительно спросил он, развернувшись в мою сторону.

Этот взгляд.... Я снова пропала....

— Да нет, конечно! — ответил за меня Стас.

— Ну, тогда счастливо оставаться! — Кир встал из-за стола и оставил нас втроём.

— Анжелика, что-то хочешь? — продолжал Миксер лебезить передо мной.

— Кофе! — ответила я, не отрывая глаз от Ника.

Тот же просто испепелял меня взглядом.

— Сейчас принесу!

Мы остались вдвоём. Мне казалось, что кроме нас в столовой больше никого не было.

— Скажи, — Ник первый нарушил тишину. — Между нами было... — он запнулся.... — тогда....

— Да! — я не дала ему договорить.

После моих слов Ник поставил на стол чашку с кофе, поднялся со стула и, больше так ничего и не сказав, направился к выходу.

— А где Ник? — Стас принёс мой кофе.

— Ушёл!

— Он тебя обидел? — злость слышалась в его голосе.

— Нет!

Я была счастлива. Неужели Ник помнил ту встречу....

— Что ты ей сказал? — Стас нашёл Ника в коридоре на подоконнике. Он сел рядом.

— Ты о ком?

— Знаешь, о ком! Что ты сказал Анжелике?

— Ничего! — буркнул Никита.

— Да, брось, Ник! — Миксер спрыгнул с подоконника, встал напротив Домбровского. Тот же сидел, опустив голову, так, что спадавшая чёлка закрывала его лицо.

Ник дёрнул головой и уставился на друга.

— Прости, Стас, — первый раз за всё время, Ник обратился к другу по имени.

— Что? Ты о чём?

— Я сказал, что ничего не было... — Ник остановился... — Я соврал, — он виновато отпустил голову.

— Что?! — Стас закрыл лицо ладонями. — Нет! Я не верю! Этого не может быть! — он тряс головой.

— Извини!

— Да знаешь, кто ты после этого! — Микс кричал так, что все проходившие мимо оборачивались. — Ты знал, что она мне нравится и продолжал смеяться надо мной! Нет! Я не могу в это поверить!

Ник молчал.

— Ну, скажи, что это неправда! — с надеждой в голосе Стас умолял друга.

Тот же продолжал сидеть, опустив голову.

— Я никогда не прощу тебе этого! Слышишь! Я ненавижу тебя, Домбровский! Ты, действительно, м...к каких поискать! — Стас стукнул кулаком о стену, разбив руку. — Не могу тебя больше видеть! — сказал он уже на ходу, оставив Ника в полном одиночестве.

Ник встал с подоконника, открыл окно и вздохнул полной грудью тёплого весеннего воздуха.

Раздался звонок. Он вытащил «айфон» из кармана брюк.

— Алло! Да я понял! Я знаю, где это!

Последовав примеру Микса, Ник стукнул кулаком о стену и через минуту слился с толпой студентов в коридоре.

— Валентина, Валентина! — Макарский бегал по дому в поисках домработницы.

— Господи! Что же вы так орёте? Что случилось? — та вышла из кухни, вытирая руки о передник.

— Случилось! — Сева взял её за руки. — Она поправилась!

— Господи! Да кто она-то? Да что стряслось-то?

— Какие твои любимы цветы?

— Что? Цветы? Зачем? — не понимала Валентина его радости.

— Надо, если спрашиваю! — Сева обнял её.

— Отпустите, Всеслав Альбертович, в муке перепачкаетесь!

Но Макарский, казалось, не слышал её.

— Ну, так как?

— Не знаю, — Валентина пыталась освободиться из его объятий. — Все цветы прекрасны, если подарены от души!

— Это всё лирика! Я тебя конкретно спрашиваю: что можно подарить женщине твоего примерно возраста?

— Ох, что вы задумали? — испуганно смотрела та на юношу.

— А вот это мой маленький секрет, — продолжал он улыбаться. — Может у меня быть хоть один секрет от моей любимой старушки?

Валентина покраснела.

— Ну, тогда красные розы!

— Отличный выбор! Спасибо! — Сева поцеловал домработницу в щёку и направился к лестнице.

— Куда же вы?

— В свою комнату. Нужно обдумать план действий.

— Обед скоро будет готов! — развела Валентина руками.

— Я не голоден!

Через минуту Макарский уже лежал на кровати, уставившись в потолок. Но мысли его были не в этой комнате. Он ещё и ещё раз представлял себе лицо той, которая заставила его сердце вновь биться в ускоренном ритме, лицо прекрасной девушки с не менее прекрасным именем... Анжелика.

Весь оставшийся день я находилась в состоянии эйфории. Я чувствовала, что должно было произойти что-то хорошее. Я знала это! Моё чутьё никогда не подводило меня.

Хворостова после первой пары снова пропала. Но я узнала всё, что мне нужно было. У меня осталось тридцать два дня.... Что ж, это был мой выбор! И, если бы можно было вернуть время вспять, я сделала бы то же самое! Я жалела только о том, что это был всего один единственный раз. Хотя кто знает? Сейчас мне уже так не казалось.

После последней пары я вновь решила поговорить с Ником и, дождавшись звонка, вышла из универа и ждала его. Рано или поздно он должен был появиться.

И я дождалась....

В дверях универа показались Ник и Кир. Они были вдвоём. Я спряталась за колонну и старалась уловить каждое слово.

— Ник, что всё-таки произошло между вами? — выйдя из универа, Кир перегородил другу дорогу.

— Я же сказал, Кир, я не в курсе, что происходит с Миксером! — ответил он грубо.

— Да? Почему же он как ошпаренный вылетел из универа? Почему трубку не берёт?

— Я не знаю! Это его проблемы!

— Его? Ты в этом уверен? Может, проблема в тебе?

— Уйди с дороги! У меня совершенно нет желания выяснять отношения и с тобой!

— Ах, значит, вы всё-таки выясняли отношения? — Кир не унимался.

— Много ты понимаешь! Уйди с дороги, говорю. У меня важная встреча и очень мало времени!

— Важная встреча? — Кир не отошёл ни на шаг? — Уж не с Анжеликой ли?

Они говорят обо мне? Я почувствовала, как сердце забилось в два раза сильнее.

— И ты туда же! Мне нет до неё никакого дела!

— А я так не думаю! После той встречи в столовой, ты сам не свой! И Микс пропал! Что происходит?

— Без понятия! — продолжал Ник настаивать на своём. — У меня встреча с Зацепиным! Не вы ли хотели раскрутиться?

— С продюсером? — Кир удивился.

— А ты знаешь другого Зацепина? С ним, конечно!

Кир уже забыл и про Анжелику и про странное поведение Миксера.

— Считай, контракт у нас в кармане. Он позвонил. И назначил мне встречу!

— Что? — Кир не верил свои ушам. — Зацепин сам позвонил тебе?

— Говорю же! Так что пусти!

— И где будет встреча? — всё ещё не мог поверить Кир.

— Под Никитским мостом!

— Странное место для встречи, — настороженно продолжал он.

— Обычное место! — оборвал его Ник. — Там тихо и безлюдно. Никто не помешает.

Так что всё идёт по плану!

— По чьему плану? — не унимался Кир.

— Ты отойдёшь или нет? — Ник рукой подвинул друга в сторону.

«У него сегодня встреча с каким-то продюсером, и он будет один под Никитским мостом!» — план как-то сам созрел в моей голове. Никитский мост называют ещё «мостом влюблённых». В этом тихом месте по вечерам любят уединяться парочки. Ещё бы: такая романтика! Кругом — лес, речка. Сама природа создала все условия для безумства.... По слухам, если под Никитским мостом признаться парню в любви, он навсегда останется с тобой.

Я прилипла к колонне, как к родной, наострив уши ещё больше. Я чувствовала себя миссис Марпл.... Никитский мост — это мой шанс! — думала я. Но как же узнать время встречи?

Кир читал мои мысли.

— Во сколько встреча?

— В восемь! — сказал Ник уже на ходу.

— Может, пойти с тобой? Это может быть опасным! — кричал Кир вслед Нику.

— Я тебя умоляю!

— Но почему он не назначил тебе встречу в своей студии или, к примеру, в ресторане?

Но Ник уже не слышал его, направляясь прямиком к своему байку.

Я облокотилась на колонну спиной и почувствовала, как задрожали колени. Нет! Я не должна упускать такой шанс. Сердце моё колотилось. Ник.... Больше я уже не могла ни о чём думать....

Придя домой, я не могла найти себе места. В предвкушении встречи я металась из комнаты в комнату, не зная, как успокоиться. Нужно было придумать очередную сказку для мамы. И здесь судьба была на моей стороне. Мама позвонила и предупредила о том, что собирается в гости к Хворостовым и поэтому вернётся поздно. В ту минуту я была готова расцеловать Тортилли с её мамашей за подаренный мне шанс.

Наступил вечер....

Я вышла пораньше, чтобы не опоздать к назначенному месту встречи в срок. До Никитского моста нужно было добираться на двух автобусах, а потом ещё немного пройтись пешком. Я вышла на улицу. Воздух показался мне не таким как обычно. Он был как будто чище и свежее, оставляя во рту сладковатое послевкусие, как от только что съеденной шоколадной конфеты.

Я не опоздала. Ровно в восемь была на месте. Чёрный байк Ника стоял прямо под мостом, по которому с гулом в обе стороны неслись машины разных марок и цветов. Мост был высоким — не менее двадцати метров, поэтому стук колёс по огромному бетонному полотну внизу раздавался эхом, чем-то напоминая звук поезда в метрополитене.

Возле байка, облокотившись, стоял его хозяин в мотоциклетном чёрно-красном

кожаном комбинезоне и держал в руках шлем. Увидев его, я сбавила шаг и стала оглядываться по сторонам в поисках поста для наблюдения. Поняв, что лучше широкой колонны, на которой держался тот самый мост, ничего не подойдёт, тем более что прятаться за колоннами вошло у меня в привычку, я встала за одной из них. Отсюда мне было хорошо видно Ника, он же никак не мог меня заметить. У меня кружилась голова то ли от страха в предвкушении встречи, где я решила рассказать главному герою своих грёз всё, что о нём думаю, то ли она кружилась от свежего воздуха и влажности, приносимой лёгким ветерком от реки, протекающей неподалёку.

«Что я делаю?» — вдруг пришло мне в голову. Сомнение не покидало меня. Правильно ли я поступаю? Если он спросит меня, как я здесь оказалась, что отвечу? Случайно проходила мимо? Он не поверит. Скажу, что подслушивала их с ребятами разговор возле дверей университета. А если он сочтёт меня сталкером? Голова моя раскалывалась от этих мыслей. Я поднялась на ноги, посмотрела из-за колонны на Ника. Как же он был прекрасен! В тот самый момент он дёрнул головой, поправляя чёлку, которая по вине ветра закрыла ему лицо. Эти губы! Эта родинка! Скажу всё как есть! — решила я.

Ник посмотрел на часы. Было видно, он нервничал. На моих часах было двадцать минут девятого. Скажу ему прямо сейчас! Но я даже не успела выйти из своего укрытия, как услышала шум приближающейся машины. Ник вытянулся в струнку. Шум стал более отчётливым. И вот вдалеке со стороны леса, показалась вереница машин.

Я почти легла на землю и нагнула голову. Мне вдруг стало так страшно, что я уже пожалела, что пришла сюда.

Машины было три. Первым ехал чёрный «джип», за ним два «Мерседеса» такого же цвета. Они припарковались прямо напротив байка Ника. Дверца «Джипа» открылась, и оттуда вышел огромный мужчина в чёрном костюме и солнечных очках, ростом метра под два и таким же расстоянием в плечах.

— Ты Никита Домбровский? — подошёл он ближе к Нику.

— Да.

— Садись во вторую машину на заднее сидение. С тобой хотят поговорить.

Ник вёл себя уверенно. Повесив шлем на руль своего байка, он уверенной походкой, как обычно, высоко подняв в голову, проследовал в «Мерседес».

— Ты такой же, как на фотографиях, — ухмылка скользнула по лицу господина, сидевшего рядом с Ником.

— Не поверите, но это я слышу постоянно! — уверенность была и в голосе юноши.

— Почему же не поверю? — продолжал господин. — Ну, что? Давай знакомиться! Я — Олег Зацепин, хотя ты, конечно, знаешь!

— Я вас сразу узнал. Так что знакомство ни к чему.

— Вот как? Ну, тогда перейдём сразу к делу!

— Согласен! — нагло улыбался Ник, смотря Зацепину прямо в глаза.

— Я хочу, чтобы ты оставил мою дочь в покое. Нет, я не так сказал! Я предупреждаю тебя по-хорошему, чтобы ты оставил мою дочь в покое!

— А если я не соглашусь по-хорошему? Тогда будет по-плохому? — паясничал Домбровский.

— Я, надеюсь, до этого дело не дойдёт! — улыбался в ответ господин. — Ты сделаешь следующее: прямо сейчас выйдешь из машины, сядешь на свой байк и укажишь подальше от этого места! И навсегда забудешь о моей дочери! Тогда я прощу тебе то, что ты отнял у меня

драгоценное время, сделав вид, что нашей встречи и не было вовсе.

— Вот как! — протянул Ник каждое слово. — А что, если я люблю вашу дочь?

— Такие, как ты, умеют любить? — голос Зацепина дрожал.

— Да что вы обо мне знаете? — Ник злился.

— Больше, чем ты думаешь! — оборвал его Зацепин. — Никита Домбровский — неудачник и слюнтяй, возомнивший себя всевышним. Мать — уборщица, отец — алкоголик. А сынок и того хуже — альфонс. Мне продолжать?

— Это не ваше дело! — злость Ника усиливалась с каждой минутой.

— Теперь уже моё. Разве ты встретился со мной не для этого? Сколько ты хочешь за мою дочь? — Зацепин почти кричал.

— Мне не нужны деньги!

— Вот как! Чего же ты хочешь?

— Мне нужен продюсер для моей группы. От вас я хочу контракт.

— Вот оно что! — задумался господин. — По крайней мере, честно. Значит, цена за мою дочь — контракт.

— Рита мне, правда, нравится. Если вы думаете, что я с ней только из-за контракта, то ошибаетесь.

— Заткнись! Я даже не хочу думать о тебе! С тобой всё ясно! А если контракта не будет, что ты сделаешь тогда? — Зацепин не сводил глаз с Ника.

— Тогда я и дальше буду встречаться с Ритой. И вы не сможете мне помешать! — выпалил Ник на одном дыхании.

— Ха-ха-ха! — от смеха Зацепина у Ника мурашки пробежали по спине. — Щенок! Ты не знаешь, с кем связался! Разве Костя Нил не предупреждал тебя, что ты плохо закончишь?

Ник побледнел.

— Вы знаете Константина Петровича?

— Я знаю всех в этом городе. И, если ты думаешь, что Нил спасёт тебя, ты крупно ошибаешься! — Игорь! — крикнул Зацепин своего опричника.

— Да, шеф!

— Разберись с ним. Только по-тихому! Свидетелей нам не нужно! — искра промелькнула в глазах Зацепина.

— Пошли! — охранник схватил Ника за руку и вытащил из машины.

— Что? Что вы хотите? Куда вы меня тащите?

— Заткнись! — опричник размахнулся и ударил Ника.

Удар пришёлся в живот. Тот скорчился от боли и упал на колени.

Тут из других машин выскочили мужчины в чёрных костюмах, похожие как тридцать три богатыря и начали избивать Никиту. Домбровский уже не мог удержаться на коленях. Он упал лицом вниз. Его били сильно и основательно. Бейсбольная бита в руках одного из охранников мелькала над головой несчастного со скоростью ветра. Остальные били ногами. Сначала Ник издавал звуки, похожие на стон, но затем и они прекратились.

Я, наблюдавшая за этой чудовищной картиной из своего укрытия, не могла сдерживать слёз. В тот момент я не знала, что мне делать, как поступить. Этих людей я видела впервые, и было страшно подумать, на что они способны. Я закрыла глаза и уши и продолжала рыдать. Через минуту я выглянула из-за колонны. Ник лежал без движений, я видела его лицо: заплывшее и превратившееся в кровавое месиво. Чувство страха перебило другое, более сильное — опасение за жизнь того, без кого я своей жизни не представляла.

— Нет!!! Прекратите!!! Что вы делаете?!! — с этими криками я просто выползла из своего укрытия. — Не трогайте его!!! Прошу вас!!!

Охранники, не ожидавшие такого поворота событий, растерялись и прекратили своё занятие. Они смотрели на одного, того, что вышел первым, ожидая его указаний.

— Уходим! — крикнул тот.

Через минуту вереница машин уже скрылась из виду. Я встала на ноги и шаткой походкой подошла к лежавшему всё так же без движений герою своих грёз. Потрогала пульс — камень с сердца упал — пульс хоть и слабый, но всё же чувствовался. Я перевернула Ника на спину. Лицо его было всё в крови, трудно было различить те милые черты, которые сводили с ума девчонок. Мне показалось, он не дышит. Я прикоснулась ухом к его груди — сердце билось медленно и тихо. Я начала звать на помощь, продолжая плакать навзрыд. Никто не приходил.... Ник застонал.... Моё бедное сердце обливалось кровью.... Зазвонил телефон в кармане Ника. Это привело меня в чувства.

— Алло!!! Кто это?!! — рыдая, кричала я в трубку.

— Алло! Что случилось? — раздалось в ответ. — Где Ник? Что с ним?

— Он здесь рядом со мной!!! Ника избили!!! Ему нужна помощь!!! Пожалуйста, прошу вас!!! Помогите!!!

— Анжелика, это ты? Это Кир!

— Да, Кир, прошу, приезжай быстрее!!!

— Где вы находитесь? — Кир тоже кричал в трубку.

— Под Никитским мостом!!! Нику очень плохо!!! Он почти не дышит!!! Он весь в крови!!!

— Слушай меня внимательно: вызывай скорую помощь! Поняла? Мы скоро будем!

Глава двенадцатая «Вот оно, счастье»

Кир положил трубку.

— Вставай! — прихватив куртку, крикнул он Стасу, развалившемуся на диване с бутылкой пива!

— Кто звонил? Этот придурок? Я же сказал, что больше не хочу его видеть! — отпивая пиво, протянул Микс каждое слово.

— Вставай, говорю! — Кир бросил в него пиджак. — Ника избили!

— Что? — Стас сразу протрезвел. — Как избили? Когда? Кто?

— Не знаю!

— Где он?

— Под Никитским мостом! Чёрт! Я же предупреждал его! — выругался Кир, открывая входную дверь.

В то самое время, когда серебристая «Тойота» подъезжала к мосту, Ника на каталке уже грузили в карету «Скорой помощи».

— Я поеду с вами! — я поднялась в машину вслед за Никитой.

— Вы кто ему? — спросил фельдшер.

— Друг! — ответила я без раздумий.

— Хорошо!

— Он в порядке? — взволнованный Кир, запыхавшись, подлетел к машине.

— Жить будет! — ответил врач «Скорой помощи». — Больше пока ничего не могу сказать.

— Куда вы его?

— В пятнадцатую городскую!

Констанция Станиславовна не находила себе места. Ходя из угла в угол, она то подходила к окну, то вдруг ей слышался шум возле входной двери, и та опрометью бежала в коридор. Обе стрелки круглых настенных часов застыли на цифре девять. А Анжелики всё не было. Её сотовый лежал на письменном столе в комнате. «Что-то точно случилось!» — сердце матери было не на месте.

Ни Наташа, ни Аня Хворостова, которым она позвонила первым, ничего не знали о местонахождении Анжелики. Констанция Станиславовна вытерла слёзы рукавом и продолжала ходить по комнате. В дверь позвонили. «Анжелика!» — обрадовалась она.

На пороге стоял незнакомый молодой человек с букетом красных роз.

— Вам кого? — сквозь слёзы спросила Констанция Станиславовна.

— Вы мама Анжелики?

При этих словах она сползла по стенке на пол.

— Что с ней? — боясь услышать ответ, спросила мать.

— Я не знаю! — растерялся симпатичный незнакомец. — Я, скорее, к вам.

Я сидела в больничном коридоре и ожидала приговора врачей, совершенно забыв о времени. В тот момент для меня не существовало ничего и никого, кроме Ника.

— Вы приехали с тем избитым юношей? — наконец, вышел врач в синем халате и похожим на тубетейку чепчике.

Я вскочила с места.

— Что с ним?

— Всё нормально! Переломов нет, сотрясения, как ни странно, тоже, внутренние органы не повреждены. Он в рубашке родился! При таком избиении всего лишь несколько ушибов! Полежит у нас немного, пока не оклемается.

— Я могу его видеть? — это было всё, о чём я мечтала.

— Да, он в десятой палате. Только не долго. Сейчас ему нужен отдых.

Я открыла дверь палаты. Ник был один. Он лежал на высокой кровати, даже не лежал, а полусидел. Я робко вошла, прикрыв за собой дверь. Ник обернулся в мою сторону. Я смотрела на него и не могла отвести глаз. Даже в больничном белом халате он был прекрасен! Его не портили ни ссадины, ни многочисленные синяки на лице.

— Спасибо! — сказал он чуть слышно.

— За что? — не понимала я. Это я его должна была благодарить за то, что стою здесь рядом с ним и могу наслаждаться его присутствием.

— Ты спасла мне жизнь, — он отвёл взгляд в сторону.

— Врач сказал, что ты почти в порядке! — я старалась насмотреться на него, пока была такая возможность.

— Я не в порядке! — оборвал меня Ник.

— Но... — я не успела договорить.

— Что ты сделала со мной?

— Анжелика позвонила, сказала, что один её друг попал в больницу, и она не могла его оставить, — свободно выдохнув, сказала Констанция Станиславовна, ответив на телефонный звонок.

— Слава Богу, всё обошлось! — выдохнул и Сева Макарский, а симпатичным гостем с букетом был именно он.

— Какой такой друг? — разводила руками Констанция Станиславовна. — Анжелика

никогда мне раньше ничего не рассказывала. — Вы тоже друг? Почему я ничего об этом не знала?

— Вот теперь знаете! — улыбался Сева. — Ваша дочь — прекрасная девушка. И я, честно говоря, испытываю к ней большие чувства, чем просто к другу. Но она очень скромная и боится принять их. Поэтому я и пришёл поговорить с вами, чтобы вы знали: у меня серьёзные намерения по отношению к Анжелике.

— Да, может быть, я воспитала свою дочь слишком строго. Но она у меня одна, понимаете?

— Конечно. Мой отец тоже хочет для меня самой лучшей участи.

— Судя по вашему внешнему виду, вы не из нашего круга, — с укором посмотрела Констанция Станиславовна на Макарского, который в сером строгом костюме с галстуком, с убранными на пробор волосами был похож скорее на принца, о котором мечтают все девушки. — И машина у вас дорогая. Скажите, зачем вам нужна моя дочь?

— Констанция Станиславовна, вы прозорливы, как никто другой! — продолжал улыбаться Сева. — У меня было много девушек, не скрою, но с такими, как Анжелика, мне сталкиваться не приходилось. Она — настоящая, понимаете, живая!

Улыбка Макарского, подчёркнутая ямочкой на подбородке, свела с ума не одну девушку. Констанция Станиславовна тоже не смогла устоять перед её чарами. Через полчаса знакомства с Макарским она болтала с ним, как со старым другом.

Послышался звук ключа в замочной скважине.

— А вот и наша Лика! — мама вскочила с места и поспешила открыть дверь.

— Что ты здесь делаешь? — я никак не ожидала увидеть того, кого в тот момент больше всего не хотелось видеть.

— Зачем ты так грубо, дочка? — встала на защиту Макарского мама. — Сева пришёл познакомиться. Почему ты раньше не говорила о том, что у тебя такой милый друг.

— Ах, он уже для тебя милый? Извини! — обратилась я к Макарскому, стоявшему не шелохнувшись возле стола. — У меня нет желания разговаривать. Давай отложим разговор на другой день! — я, еле волоча ноги от усталости и пережитого стресса, направилась в свою комнату.

— Это важно! — Макарский прошёл вслед за мной. — У тебя даже его портрет висит над кроватью! — он, явно, был раздражён, увидев плакат с Ником.

— Это не твоё дело! — ответила я грубо.

— Может быть, скажешь ещё, что с ним была всё это время.

— Может, и с ним! — своей настойчивостью Макарский меня раздражал. — Давай поговорим завтра. Я очень устала. Я позвоню тебе! — умоляюще посмотрела я на Севу, захлопнув дверь прямо перед его носом.

— Но... — тот уже ничего не мог сделать.

— У неё и правда что-то случилось! — успокаивала Констанция Станиславовна Севу, открывая перед ним входную дверь. — Ничего, потом поговорите. Ты заходи! — улыбалась она ему как близкому другу. — Спокойной ночи!

— Лика! — мама открыла дверь моей комнаты, но поняв, что со спящей ей поговорить не удастся, тоже решила отложить разговор на завтра.

— Валентина! — крикнул Макарский, переступив порог своего дома.

— Да, Всеслав Альбертович! — выбежала та из кухни.

— Отец дома?

— Нет. Он ещё не вернулся.

— Хорошо. Я буду в комнате. Меня не тревожить. Если кто позвонит, меня нет дома! —

Макарский был раздражён.

— Что-то случилось? — испуганно посмотрела на него домработница.

— Ничего! — буркнул тот в ответ и скрылся за дверью.

— Что-то точно случилось! — домработница лишь развела руками.

— Это не моё дело, говоришь! — Сева, войдя в комнату, сдёрнул скатерть с журнального столика, так, что ваза с цветами, украшавшая комнату, с грохотом полетела вниз. — Это мы ещё посмотрим!

— Нет! Точно что-то стряслось! — испуганно прошептала Валентина.

Прошло ещё двенадцать дней....

Моя жизнь изменилась. Меня больше ничего не радовало. Апатия свалилась тяжёлым одеялом, туманя разум. Я забила на учёбу. Съехала на тройки, прогуливала универ, что для отличницы было непростительно. Маму вызывали «на ковёр». Но та лишь разводила руками. Она и сама не понимала, что со мной происходит.

Пыталась разговаривать. Но как я могла ей объяснить, что случилось. Пыталась наказывать, запирая дома. Но я только была рада этому.

Я целыми днями и ночами разговаривала с бумажным Ником. Я думала, что схожу с ума. Не было ни одного дня, чтобы я не думала о нём, ни одной ночи, чтобы он мне не приснился. Я отсчитывала время и просто ждала....

С Наташей мы отдалились. В универе я старалась избегать её, так она доставала меня дома. Мама, переживая за меня, казалось, уже не была против нашей дружбы, сама звонила Наташе и просила её приехать. Но мне было уже всё равно.

Мне было мне дела и до Макарского, который названивал по сто раз на дню, сторожил меня у ворот универа, всякий раз безуспешно повторяя попытку проводить до дома. Он даже несколько раз приходил к нам в гости и разговаривал с мамой, так как я просто не выходила из своей комнаты.

Мне было всё равно и на Хворостову, которая только и делала, что отсчитывала моё время. Мне было всё равно и на Лютикову с её свитой, и на Василькова.

Мне было плевать и на Стаса, который уговаривал меня забыть Ника и начать всё с начала с ним. Ну, как он не мог понять, что уже поздно....

Что я чувствовала всё это время? Что я могла чувствовать после того, как тот, кого любила больше жизни, ради кого отдала свою душу, возненавидел меня. Иногда и я ненавидела себя, иногда жалела.... Но прошлого было не вернуть....

— Долго ты ещё будешь хандрить? — спросила Наташа, сидя за нашим столиком в столовой и отпивая кофе.

Я молчала....

— Я слышала, Ник идёт на поправку. И скоро его должны выписать.

Я посмотрела на подругу.

— Кстати, дело замяли, — продолжала она. — Домбровский сказал, что не имеет никаких претензий. Я думаю, что это из-за Зацепиной.

Я не понимала, о чём она.

— Ну, те бандиты! Я думаю, что его избили из-за неё. Получил, наконец, по заслугам! — Наташа взяла меня за руку. — Подруга, хватит уже убиваться из-за него! Ты посмотри в кого ты превратилась! Похудела — одни глаза остались! Ну, не стоит он этого!

Когда ты уже поймёшь! — Наташа почти кричала.

— Я прошу, не начинай!

— Ну что ты всё заладила: не начинай, не начинай! Хоть что-нибудь другое можешь сказать?

— Что тебе ещё сказать? — я так хотела, чтобы все оставила меня в покое.

— Ты ему жизнь спасла, да он тебе в ноги должен кланяться! А он выгнал тебя из больницы. Ну и кто он после этого?

Знала бы Наташа, что произошло в тот день! Я сама была во всём виновата.

— Что ты сделала со мной? — спросил Ник.

— Приворот! — решила я сказать правду. И будь что будет! Мне надоело мучать и его, и себя.

— Что?! — Ник приподнялся с кровати.

— Я сделала приворот, — мой голос был серьёзен.

— Да ты в своём уме? — Ник покрутил у виска. — Ты думаешь, я поверю в это? — он, видимо, ожидал другого ответа.

Но я решила пойти до конца.

— Я приворожила тебя! — я смотрела ему прямо в глаза. — Поэтому ты плохо помнишь, что произошло тогда, в мотеле....

— Ты серьёзно думаешь, что я поверю в эту чушь?

— Но это правда!

— Да ты ещё большая сумасшедшая, чем я думал! Ты не можешь просто признаться в своих чувствах, сказать, что без ума от меня и всё такое! — Ник говорил на повышенных тонах.

Да, видимо, я здорово задела его самолюбие!

— Пошла вон отсюда! — крикнул Ник, указав на дверь. — Я ненавижу тебя! Больше не попадайся мне на глаза! Исчезни из моей жизни!

Я не могла его слушать. Закрыла уши руками и вышла из палаты.

Тогда мне не хотелось жить. Только мысли о маме, о моей бедной маме, спасли меня от безумного поступка.

— Аааааа! — раздалось вокруг то, что я давно не слышала. Сердце моё застучало, ноги задрожали. Я чувствовала, как пропадаю

— Боже мой! Это же Ник! — женский визг, от которого стаканы на столе задрожали, наполнил столовую.

— Ник вернулся!

— Ник! Красавчик! — не смолкали крики.

Я же боялась повернуться.

— Идём! — услышала я сзади знакомый голос и почувствовала на себе тепло дыхания. Повернулась. Ник протягивал мне руку.

Сердце моё тревожно и тяжело ухало в груди.

— Идём! — он был настойчив.

Наташа рот открыла от удивления.

Это, правда, Ник? Это мне не снится? Я зажмурилась.

Открыв глаза, увидела ту же картину. Ник стоял передо мной и протягивал руку. Он был как всегда прекрасен! Из-под чёрной куртки, обтягивающей идеальную фигуру, торчала белая майка. Кожаные брюки, гриндерсы — это был всё тот же Ник! Чёлка спадала ему на

лицо. Он дёрнул головой, и я увидела то, по чему так сильно соскучилась: подведенные стрелками глаза, пухлые губы с пирсингом и родинку — то, что сводило меня с ума больше всего на свете!

— Идём, говорю!

Я подчинилась....

Через час мы летели по городу на его байке. Как тогда.... Двадцать дней назад.... Я боялась проснуться, так как всё ещё не верила, что происходит в реальности.

Мы остановились.

— Где мы?

— Сейчас узнаешь! Пошли! — он взял меня за руку, отчего колени мои затряслись, и потащил за собой.

По шуму и ветру, который был здесь в два раза сильнее, я догадалась, что мы на аэродроме.

— Привет, дружище! Ты как? — подошёл к нам молодой человек в форме лётчика.

— Всё хорошо! Спасибо, что не отказал, — по-дружески обнял его Ник. — Знакомься, это Анжелика! — первый раз я услышала своё имя из его уст, к дрожи в коленках прибавились ещё мурашки по спине. — А это мой одноклассник, друг детства — Артём, — представил нас Ник друг другу.

— Очень приятно, — ответила я.

— Ну, так что? Прокатишь нас на своё коне? — спросил Ник.

— А то, как же! С удовольствием! — улыбнулся Артём.

Я никогда не видела наш город с высоты птичьего полёта. В то время как мои друзья, одноклассники, одноклассники постепенно «покоряли» другие страны, я молча завидовала им. Мама всегда говорила, что это не обязательно: хорошо отдохнуть можно и дома, а лишние траты ни к чему. Спорить с ней было бесполезно. Но я всегда думала о том, что как только сама пойду работать, обязательно исполню свою мечту. И вот теперь я смотрела в окно иллюминатора небольшого частного самолёта и не могла оторвать глаз. Весь город был как на ладони. И трудно сказать, чему я больше радовалась в тот момент. Тому, что, нахожусь в нескольких метрах над уровнем неба, или тому, что напротив сидит тот, которого считала самой яркой звездой на том самом небе. И, если протянуть руку, можно было дотронуться до звезды. Улыбка, не сходявшая с моего лица, наверное, была такой глупой, потому как Ник, стоило лишь мне на него посмотреть, сразу отводил глаза, делая вид, что смотрит в окно, а не на меня.

— Как тебе? — наконец, он первым нарушил тишину, которая меня угнетала.

— Это прекрасно! — не могла я сдержать своей радости.

— Неужели существуют люди, не летавшие на самолёте?

Я смутилась.

— Тебе это кажется смешным? — чуть слышно спросила я.

— Отнюдь. Я сам недавно начал, — первый раз Ник улыбнулся мне, — когда узнал, что это чёрт, — он кивнул в сторону кабины пилота, — купил себе самолёт.

— А разве можно купить самолёт?

— Можно купить всё что угодно! Были бы деньги!

— Спасибо! — я с благодарностью посмотрела на Ника.

— За что? — удивился тот.

— За то, что исполнил мою мечту.

— Считай это платой за спасённую жизнь! — подмигнул он.

Я вновь отвернулась к иллюминатору.

— Это была твоя мечта? — продолжал Ник.

— Одна из них, — не поворачиваясь к нему, ответила я.

— А можно узнать, о чём ты ещё мечтаешь?

— Зачем? — я посмотрела на Ника.

— Ну, должен же я отплатить тебе до конца.

— Не стоит утруждаться. Ты уже это сделал, — я улыбнулась ему в ответ.

За час, пока мы кружили над городом, я узнала о Нике всё. Ему не нужно было о себе ничего рассказывать. Я и так всё поняла. Я была права: тот человек, которого я знала всё это время, был вовсе не Ником. Настоящий Ник сидит здесь со мной, рассказывая очередную смешную историю. Так легко и спокойно мне не было ещё никогда. Как бы я хотела остановить время, чтобы эта безумная экскурсия никогда не кончалась.

После аэродрома мы отправились в парк Горького, где перекатались на всех аттракционах и перепробовали всё мороженое.... День пролетел как один час....

Уже начало смеркаться, когда мы вновь катили по городу.

Через какое-то время мы остановились. Ник протянул мне руку, помог расстегнуть шлем и спуститься с байка. Я оглянулась по сторонам. Это было то самое место, где двадцать дней назад я отдала ему свою невинность. Это был мотель «Мечта».

— Если не хочешь этого, я отвезу тебя домой! — Ник протягивал мне шлем.

Но я его не взяла....

Это было как в первый раз....

Заперев дверь, Ник поднял меня на руки и отнёс к кровати. Не успела я опомниться, как платье тихим шорохом упало на пол.

Через секунду я была уже в горизонтальном положении на шёлковом белье, от которого исходил приятный запах чистоты и свежести.

Руки Ника блуждали по моему телу. Очерчивая силуэт, они останавливались по очереди сначала на правой груди, затем на левой, сдавливая их крепкими ладонями и немного покачивая. Моё тело при этом трепетало. Я приподнималась, как кошка, выгибая спину. Чувство невероятного наслаждения нервными импульсами распространялось по всему телу. Ник продолжал меня дразнить, от груди спускаясь всё ниже и ниже. Быстро одним пальцем он стянул мои трусики и отправил их к платью. Затем провёл рукой по бугорку между ног. Я содрогнулась и застонала.

Ник стянул с себя майку и отбросил её в сторону. Посмотрев ещё раз на моё тело, которое дрожало в предвкушении фонтана незабываемых ощущений, он обнял губами сначала правый, потом левый сосок. Я чувствовала, что фонтан, о котором упоминала выше, всё ближе и ближе к крайней точке. Ещё немного, и он забрызжет.

Ник уже не мог остановиться....

Его руки были везде, на теле не осталось ни одного не целованного участка кожи, губы мои распухли от страстных поцелуев, грудь болела от его крепких рук, внутри меня всё пылало....

Я чувствовала, как Ник возбуждался всё сильнее и сильнее. Он тяжело дышал, продолжая играть со мной. Он останавливался только когда поправлял волосы, то и дело спадающие на лицо. Не отрываясь от моих губ, он стянул с себя брюки. Я ощутила его тёплую трепещущую плоть рядом со своим обнажённым телом.

Моя рука сама потянулась.... Ник оторвался от поцелуя, поднял голову вверх и, вытянув свои сексуальные пухлые губы, со звуком выпустил воздух.

Моя рука всё крепче и крепче сжималась, Ник всё тяжелее и тяжелее дышал.

Через минуту он убрал мою руку, сел на колени рядом со мной, зажал мне обе руки над головой и заглянул в глаза.

Я смутилась, отведя взгляд в сторону.

— Ты прекрасна! — шёпотом сказал он.

Я лежала перед ним во всей своей красе, обнажённая и беззащитная. Я ждала, когда он, наконец, возьмёт меня.

Ник вновь присосался к моей груди, двигаясь уже в другую сторону. Он поднимался всё выше и выше. Его губы уже нежно щекотали своим маленьким колечком мою шею.

Я застонала, почувствовав тёплый пульсирующий бугорок, плавно скользящий по моим ногам.

Ник не отпускал мои руки, уже полностью навалившись на меня. Вдруг он приподнялся, задержал дыхание и напрягся. Дышать перестала и я, так как очень скоро почувствовала внутри себя тот пульсирующий бугорок, проникающий всё глубже и глубже.

Фонтан незабываемых ощущений не заставил себя долго ждать....

— Когда увидимся? — нежно взяв меня за руку возле подъезда моего дома, спросил Ник.

У меня земля ушла из-под ног от его прикосновения. Его рука была такая тёплая и нежная.

— Завтра в университете, — тихо сказала я.

— Тогда, до завтра! — он отпустил мою руку и пошёл к байку, оставленному у соседнего дома.

До квартиры я не шла, а летела, как на крыльях. Я не слышала ни упрёков мамы, где я была всё это время и почему так поздно вернулась. Не слышала и разрывающегося в кармане телефона. Я слышала только своё сердце, которое билось так, что заглушало и маму, и телефон и бой настенных часов.

— Да что с тобой творится в последнее время? — вновь пыталась заговорить со мной мама, зайдя перед сном в мою комнату. — То рыдала все дни. Сейчас улыбаешься!

— Сегодня я счастлива! — ответила я, перевернувшись на другой бок в своей постели и мечтательно закрыв глаза.

Мама улыбнулась. «Это Сева» — подумала она и успокоилась.

— Да что с тобой творится? — Наташа водила ладонью пред моим лицом.

— Всё нормально! — улыбаясь, ответила я.

— Я тебе вчера звонила весь вечер. Чего трубку не брала? Я же волновалась!

— Почему?

— Ушла неизвестно куда с этим Домбровским! Он ведь ничего тебе не сделал? Этот Казанова недоделанный? — Наташа взяла меня за руку. — Или вы снова были в мотеле?

Я покраснела, продолжая всё так же улыбаться.

— Наташа, я счастлива!

— Значит, были! — подытожила Наташа. — Два раза на одни и те же грабли! Тебе не кажется, это слишком?

Дальше я её уже не слышала. Как и не видела того, что аудитория «Философии» постепенно заполнялась студентами.

— Слышали последнюю новость? — в аудитории появилась главная Цирцея, а по совместительству и гадюка, Лютикова.

— Какую?

— Что за новость? — желающих узнать было, хоть отбавляй!

— Наша скромная и непорочная Немезида была вчера на свидании! — выпустила свой яд гадюка.

— Да иди ты!

— Да ладно!

— Не может быть! — раздавалось повсюду.

Наташа встала со своего места и направилась к Лютиковой, которая развалилась у себя на стуле, как на троне.

— Слушай, тебе в прошлый раз мало досталось? На тоналке ещё не разорилась? — намекала она на то, как проучила Лютикову за нападение на меня.

— А что я сказала? — нагло смотрела на Наташу главная Цирцея. — Разве это неправда? Весь универ обсуждает свидание года!

— Что? Это правда? — подал голос Лёня Васильков. — Я слышал, как в коридоре упоминали имя «всевышнего». Немезида, не уж-то ты была с ним? Вот дела! — Васильков покачал головой.

— Синицына и Домбровский? — не могла поверить Белова. — Это правда?

— Правда! — ответила на все вопросы Лютикова.

— Вот это да!

— Что он в ней нашёл?

— Не может быть! — повсюду раздавались охи и вздохи завидовавших.

До самого прихода Глафиры Аркадьевны мне перемывали кости в моём же присутствии.

Но мне было всё равно....

— А ты везунчик! — услышала я знакомый голос рядом с собой.

Это была Хворостова. Улыбка её была издевательской. А глаза — чёрными с отблеском.

— Что ты имеешь в виду?

— А сама как думаешь? — продолжала она улыбаться. — Договор был только на одну ночь, но, как я вижу, с продолжением?

— Ты думаешь, мне от этого легче? Осознавать, что моя жизнь кончена?

— Кто знает, кто знает... — загадочно протянула та.

— У меня есть шанс? — я схватила её за руку. — Ты должна мне ответить!

— Шанс есть всегда! — Хворостова дёрнула плечом, освобождая руку. — И я тебе ничего не должна! Это за тобой — должок! — она взглянула на часы. — Осталось....

— Девятнадцать дней! — перебила я.

С Ником мы договорились встретиться после первой пары в столовой и вместе позавтракать. Так что после звонка я, не объясняя ничего Наташе, собрала вещи в рюкзак и направилась прямиком туда.

— Не переживай! — начал Кир.

— Ты о чём? — Ник посмотрел на него, потягивая крепкий горячий кофе.

— Я о продюсере. Ты ведь больше всех нас хотел этого.

— Ничего! Переживу! — отпустил глаза Ник, которому не хотелось говорить о наболевшем.

— А как насчёт концерта?

— Он будет! — оборвал его Ник. — Через две недели! Как и договаривались!

— Ник, это правда, что говорят в универе? — Стас не знал, как начать этот тяжёлый для него разговор.

— Ты о чём? — делал вид, что не понимает, Ник.

— Сам знаешь!

— Понятия не имею!

— Ты, правда, вчера встречался с Анжеликой?

— А! ты про это! — Ник отвёл взгляд в сторону. — Прости, Стас, я должен был сказать тебе!

— Она не такая, как все твои бывшие. Понимаешь? — голос Микса дрожал.

— Давай закроем эту тему!

— Ну, может, хватит уже! — присоединился Кир к милой беседе. — Вы, вроде бы, дома обо всё поговорили и пришли к всеобщему согласию.

— Да! — кричал Микс, жестикулируя. — Мы просто договорились, что не будем ссориться из-за баб! Но Ник не говорил, что будет с ней встречаться.

— Микс, заткнись! — голос Ника изменился.

— Что тебе нужно от неё? — Стас ещё больше разошёлся.

— Не твоего ума дела!

— Знаешь что! — Стас перекинулся через стол и схватил Ника за грудки. — Я закрывал глаза на твои выходки. Но, если ты обидишь её...

— И что ты мне сделаешь? — спокойствию Ника можно было позавидовать.

— Тебе лучше не знать! — отпустил тот руки.

— Да пошёл ты, Миксер! — Ник вышел из-за стола и направился к выходу.

Я в это время как раз появилась в дверях столовой.

— Пошли! — взял Ник меня за руку и потянул к входной двери, не сбавляя шага.

— Куда? Разве мы не хотели позавтракать?

— Аппетит пропал! — грубо ответил Ник.

— Что ты к нему опять пристал? — напал Кир на Стаса, как только Ник вышел.

— Он опять ведёт себя как м...к!

— Но ведь ты сам от неё отказался. Смирися с тем, что она любит Ника и обещал больше не лезть в их отношения!

— Но я не могу! Понимаешь! Анжелика мне по-прежнему дорога! И я не верю Нику! Он не мог измениться!

— А что, если ты ошибаешься, Микс!

— Нет! Это точно!

— Ник столько пережил в последнее время. Его чуть не убили, у него — облом с продюсером! А это была мечта всей его жизни! Понимаешь? Каково лишиться мечты!

— Не знаю, Кир. Мне жалко Ника, но иногда я его ненавижу!

— Куда мы? — снова я повторила свой вопрос, когда мы уже переступили порог университета.

— Пойдём отсюда! — Ник был всё также груб.

— Я не пойду с тобой никуда, пока не объяснишь! — я сопротивлялась.

— Ха-ха-ха! — услышала я смех впереди нас.

Ник остановился. Бывшая «мисс университет» Лера Французова стояла на ступенях

универа и, оглядывая меня с ног до головы, хлопала в ладоши.

— Чего тебе? — бросил в её сторону Ник, не отпуская мою руку.

Я спряталась за его спиной.

— Значит, это правда! — кокетливо продолжала она.

— У меня нет желания с тобой разговаривать! — Ник вновь потянул меня за руку и стал спускаться по ступеням.

— У тебя правда не было сотрясения мозга? — язвила Французова. — Не похоже, что тебе его не повредили!

Ник не обращал на неё внимания, продолжая шаг.

— С каких это пор тебя потянуло на лохушек? — кричала она нам вслед.

— Не обращай на неё внимания! — сказал Ник.

Мы направились к его байку. Но не успели подойти. Сегодня прямо день встреч какой-то! Перед нами словно вырос из-под земли Макарский.

— Пусти её! — в глазах Севы была ярость.

— А если нет! Что ты мне сделаешь?

Ник и Макарский стояли напротив друг друга как два хищника, не поделившие жертву.

Я впервые видела Севу таким. От его милой улыбки с ямочкой на подбородке не осталось и следа. Его лицо было напряжённым, и скулы двигались то в одну, то в другую сторону. Ник смотрел тому прямо в глаза. Ветер растрепал его волосы так, что я отчётливо могла разглядеть каждый миллиметр его прекрасного лица, начиная с маленькой родинки над верхней губой. Сейчас она была так близко, как никогда. И я чувствовала тепло его руки, поэтому ничего не боялась.

— Пусти её! — повторил Макарский ещё раз.

— Отойти в сторону! — так же грубо ответил Ник. Он рукой отодвинул Макарского и продолжил шаг.

В это время Сева размахнулся и ударил Ника по лицу. Тот упал от неожиданности, выпустив мою руку.

Я с кулаками набросилась на Макарского.

— Не трогай его! Зачем ты так?

— Ты его защищаешь? Этого подонка? — Макарский потирал кулаки.

Я подбежала к Нику и помогла ему подняться, вытирая носовым платком кровь с разбитой губы.

— Ты в порядке? — на глаза у меня наворачивались слёзы.

— Ты идёшь со мной? — с надеждой в голосе спросил Ник.

— Иду! — я взяла его за руку, и мы подошли к байку.

— Лица, ты ещё пожалеешь! — не мог успокоиться Макарский. — Такому как он, только одно надо от девушек. Вот увидишь! Вспомнишь мои слова!

Рёв мотоцикла заглушил Макарского, так, что последних его слов я уже не слышала. Но мне и не нужно было их слушать. Я сама знала, что делала....

Прошло ещё чуть больше двух недель.... Это было самое счастливое время в моей жизни.... Мы с Ником встречались каждый день. Мы наслаждались друг другом. Ходили в кино, в кафе, катались на байке, просто гуляли по парку. Каждый такой вечер заканчивался в мотеле «Мечта» в объятьях друг друга. Было ощущение, будто я это всё это делала впервые, словно я раньше и не жила вовсе. Даже воздух рядом с ним казался мне особенным. Мир для меня перевернулся с ног на голову!

За эти две недели ничего не поменялось.... Разве что только природа. Весна медленно начинала сдавать, уступая место самому любимому времени года каждого человека. На деревьях уже показались молодые листочки. Кое-где на чёрной уставшей от снега земле появились зелёные пятна первой девственной травы, которая смотрелась как неуклюжие мазки мастера на тёмном суконном полотне. Солнце, казалось, стало больше и грело сильнее. Ему радовалось всё живое, начиная от нежных, как кожа младенца, листьев, заканчивая птицами, которые стаями перелетали с ветки на ветку, исполняя серенады самому щедрому для них времени года.

Студенты готовились к летней сессии. Цирцея Лютикова всё ещё не могла простить мне Ника, то и дело, цепляясь и доставая. Васильков не упускал шанса поиздеваться, как обычно. Наташа каждый день капала на мозги, обижаясь, что я нашла своё счастье, а ей никак не удастся заполучить Макарского. Последний же не упускал случая завоевать моё сердце. Продолжая звонить, встречать и караулить возле универа, где в очередной раз я пыталась ему объяснить, что это бесполезное занятие, и у нас с ним ничего не получится. Но он никак не хотел этого понимать.

Кто сразу понял, так это Стас Миксонов. Как нормальный адекватный человек он смирился с тем, что я выбрала того, кого люблю. И отношения с Ником у них понемногу начинали налаживаться, что меня тоже очень радовало. Я никак не могла простить себе, что стала камнем преткновения между друзьями.

Мама моя думала, что каждый день я провожу с Макарским, который сумел растопить её строгое материнское сердце. Мне же это было только на руку, и я не спешила её переубеждать.

Единственный, кто беспокоил меня, была Хворостова. Она каждый день сверлила меня взглядом, от которого мне становилось не по себе. Я старалась избегать её, как и не думать о том, что моё время истекает, и мне остаётся всё меньше и меньше....

И вот осталось всего два дня....

— Сегодня концерт. Ты придёшь? — Ник держал меня за руку, сидя на нашем месте в столовой.

Более глупого вопроса я не слышала.

— А если нет, ты простишь мне?

— Никогда! Если не придёшь — ты труп!

Я засмеялась. Мне так легко и спокойно было с Ником! Мне казалось, я знала его сто, нет, даже тысячу лет! Я знала, что чёрный — его любимый цвет, Экзюпери — любимый писатель, любимое время года — осень. Я знала, что он любит одиночество больше, чем компанию друзей. Потому что всё это любила и я. И самое главное, что я знала о нём — Ник человек с огромным сердцем, как бы умело он это не скрывал. С каждым днём, с каждой минутой, с каждой секундой я всё больше любила его....

В тот роковой вечер за мной зашла Наташа. Ник целый день репетировал в универе.

— Только не задерживайтесь! — мама давала нам наставление уже в дверях. — Нет бы, в театр собрались, а то на концерт этих «Медведей». Да что там можно путного услышать!

— Не говорите, Констанция Станиславовна! — предавала меня в ту минуту подруга. — Вот я ей тоже самое говорю. А она — ни в какую! Не могу же я её одну отпустить!

В актовом зале универа яблоку негде было упасть. Народ толпился не только в дверях, даже в проходе. Мы с подругой припозднились, свободных мест уже не было. Оно и к лучшему. Мы припарковались просто идеально — в первом ряду прямо напротив сцены,

которая пока пустовала в ожидании аншлага.

Глава тринадцатая «Расплата за любовь»

Дальше произошло то, о чём вы уже знаете. Та и история, с которой я и начала свой рассказ. Весь концерт мой прекрасный Ник не сводил с меня глаз. Я тоже не могла им налюбоваться, до конца не осознавая, что всё это происходит в реальности.

После концерта Ник спрыгнул со сцены и под разочарованные вздохи соперниц направился прямиком ко мне:

— Подожди меня возле универа. Мне нужно закончить кое-какие дела и тогда — я твой... — добавил он, — навеки...

«Боже мой! Неужели мне, правда, это не снится?» — звучало в голове. Как я мечтала услышать эти слова! Ник всегда был ласков и внимателен, но скуп на комплименты и речи о том высоком чувстве, которое поглотило меня всю, окончательно и бесповоротно.

— Точно не поедешь со мной? — спрашивала в который раз Наташа, надеясь меня образумить.

Но это было бесполезно. Разум мой помутился давным-давно, в тот самый день, когда я впервые увидела Ника.

— Иди! — я отпустила её руку. — Я буду ждать его.

— Ладно. Тогда пока. Завтра увидимся, — сказала Наташа и направилась к ожидавшему её у ворот универа белому «Мерседесу».

Мимо меня прошли все. И Лютикова со своей свитой, показавшая на прощание неприличный жест. И Лера Французова, которая специально задела меня плечом, так, что я чуть не полетела с лестницы. И вообще, все выходявшие смотрели на меня завистливым взглядом, будто я выиграла джек-пот. Хотя, наверное, Ник для всей прекрасной половины универа было именно им.

Последней вышла Хворостова. Странно, но её на концерте «Медведей» я не видела.

— Пошли со мной! — вдруг сказал она.

— Куда?

— С тобой хотят поговорить!

— Кто?

— Пошли! — проигнорировала она мой вопрос и, взяв меня за руку, потащила обратно в универ.

— Но я не могу! Я жду человека!

— Это не займёт много времени! — оборвала меня Тортилла.

Через минуту мы шли по тёмному опустевшему коридору универа. Я сопротивлялась, но у Хворостовой откуда появилась такая силища, что сопротивление было бесполезно. Она потянула меня на второй этаж. Мне стало не по себе. Опять я вспомнила ту роковую встречу, разделившую мою жизнь на «до» и «после»....

— Куда мы? — голос мой дрожал.

— Помнится, не так давно ты была более смелой!

Я всё ещё не понимала, что ей от меня нужно. Сердце, полное тревоги, ныло. Мы прошли по коридору второго этажа и свернули в какую-то аудиторию. В темноте я не могла её разглядеть. Это оказалось конференц-залом. Мы вошли внутрь. Там было сумрачно. Хворостова заперла дверь изнутри. Сначала я думала, что мы были вдвоём в тёмном зале.

— Что тебе от меня нужно? — я была в недоумении.

— С тебя должок. Надеюсь, ты не забыла? — скрестив руки перед грудью, Хворостова

шла прямо на меня, даже в темноте сверкая зубами.

Я попятилась назад.

— Вот мы и встретились! — услышала я позади знакомый голос. Тот голос из моего сна.

Я обернулась и не поверила своим глазам... Что можно почувствовать, увидев человека, вызывавшего восхищение и восторг, совершенно в другом амплуа? Разочарование, обиду, недоумение. Это были именно те чувства, которые я испытала....

Передо мной стояла Воронова.... Но это была как будто не она.... Только по голосу и по глазам, которые как два не догоревших ещё уголька, смотрели на меня так, что, казалось, ещё немного и я вспыхну ярким пламенем от этого взгляда.

Я почувствовала, как онемели ноги, и закружилась голова. Воронова уверенным шагом направилась прямиком ко мне и дотронулась до плеча. От страха я зажмурилась.... Открыв глаза, увидела перед собой совсем иную картину. Это была поляна, та самая. Ничего не поменялось вокруг. Кроме костра. Его не было. На том месте в образовавшейся от огня пепельной воронке, догорали последние угли, временами стреляя и подпрыгивая. На поваленных ветках вокруг воронки, скорчившись и издавая звуки, похожие на стон, сидели герои страшной сказки: орки, тролли, вепри, упыри и вурдалаки, и прочая нечисть.

Вера Ивановна стояла как статуя, не двигаясь и не шевелясь. Зрелище было не слабонервных! Это она была Королевой, а не Церберша, как я думала раньше. Чёрные волосы Вороновой, всегда убранные в пучок, сейчас были цвета пепла и мотались из стороны в сторону, то открывая, то закрывая лицо, от которого даже в сумерках, окутавших поляну, можно было испугаться. От прежней красоты и молодости не осталось и следа. Лицо её было изрезано глубокими морщинами, как у дряхлой старухи. Длинный с горбинкой нос с огромными ноздрями, как у Бабы Яги на картинках в «Русских народных сказках, вызывал отвращение. Узкая и длинная шея, будто поделённая на две части большим кадыком, сотрясалась при каждом её вздохе. Она была в чёрном до пят балахоне, от которого исходил неприятный запах гнили. Ещё большее отвращение вызывали её руки с длинными тощими пальцами, на которых можно было пересчитать все кости. Ногти противного синюшного цвета были размером с пальцы, которыми она держала пожелтевшую помятую бумагу.

— Узнаёшь? — только голос её ничуть не изменился.

От страха я не могла ничего ответить — язык онемел.

— Это не твой почерк? — кривая улыбка, будто натянутая на всё её лицо, заставила меня вздрогнуть. Во рту блестели два огромных зуба.

— Я сплю? — догадалась я.

— Отнюдь! — ответила Воронова, продолжая улыбаться.

Тут один из вепрей вскочил с места и, подбежав к Вороновой, как преданный пёс, стал тереться о её ноги, скрытые под полами балахона.

— Вих, на место! — крикнула хозяйка, и тот послушно, поджав хвост, вернулся к остальным.

От её крика все «зрители» затряслись ещё сильнее, скрежета зубами и стуча копытами.

Мне было жутко. Я попятилась назад, но поняла, что в ловушке. Нечисть была повсюду, окружив меня дьявольским кольцом.

— Кто вы? — собрав все свои силы, заикаясь, спросила я.

— Ха-ха-ха! — громкий смех Вороновой эхом раскатился по поляне. — Ты не помнишь, кому продала душу? Это же ты написала? А это — твоя печать! — тыкала она своим

корявым пальцем в ярко-алую кляксу внизу на бумаге.

Я почувствовала жжение на правой ладони, посмотрела — там был свежий порез, из которого тонкой струйкой сочилась кровь. Комок появился в горле.

— Пришло время отдавать долги! — как приговор сказала Воронова.

— Кто вы? — ещё раз спросила я, всё ещё надеясь, что это сон.

— Ты вспомнила? — кивком головы показывала на мою ладонь Воронова.

— Что вам от меня нужно? — мой голос дрожал.

— Только то, что мне причитается! — оборвала меня та.

— Королева! — подала голос Хворостова. — Прикажите начинать ритуал?

— Начинай, Улия! — отдала та приказ, отходя в сторону.

«Улия? Почему она называет Хворостову этим странным именем?» — не могла я понять, смотря на Аню, которая тоже не была похожа на себя. Куда подевались её смешные очки и противные брекеты? Хворостова и две её подруги с растрёпанными волосами и в чёрных нелепых балахонах шли на меня. Я чувствовала себя зверем, загнанным в угол.

— Аня! Что ты делаешь? — умоляюще смотрела я на недавнюю подругу.

— Ты не слышала? Меня зовут Улия! — ответила, улыбаясь, та.

— Но как такое может быть? Это ведь не на самом деле? Ведь я сплю? — всё ещё надеялась я.

— Все так говорят, когда дело доходит до расплаты! — грубо ответила Хворостова. В её руках блеснуло лезвие ножа.

— Нет! Пожалуйста! Не делай этого! Ты ведь моя подруга? Ты ведь не сделаешь мне ничего, правда? — молила я.

Хворостова, оказавшись возле меня, схватила мою левую руку и нанесла ещё один порез. Я ощутила тепло в руке, а потом и во всём теле. Я почувствовала, как силы покидают меня. Я встала на колени и всё ещё умоляюще смотрела на Аню, пока глаза мои не закрылись, а силы вышли вон.

— Верна, Уфара, чего стоите? Приступим к ритуалу, пока не закончилось полнолуние! — обратилась Королева к подругам Хворостовой, взглянув на круглую луну, которая уже начала опускаться.

— Ифериус домингус, ифериус коэлум, ифериус терам витаус! — услышала я уже знакомые страшные слова, доносящиеся откуда-то сверху. С трудом открыла глаза: Хворостова, две её подруги и Воронова, уродливое лицо которой я уже могла разглядеть при ярком свете луны, кружили надо мной на мётлах, как и в прошлый раз. Но теперь я чувствовала боль, ноющую боль в сердце, которое еле билось, предчувствуя конец.

Сердце ныло и у Констанции Станиславовны, которая места себе не находила. Какая-то неведомая сила привела её в комнату дочери. Она несколько минут смотрела на портрет Ника и никак не могла понять, чем же этот юноша с проколотой губой и язвительной улыбкой мог так увлечь её дочь, что такого она в нём нашла, в этом уверенном наглеце и самолюбце, что каждую ночь подолгу разговаривает с ним....

Раздался шум сзади. Констанция Станиславовна обернулась — это упал синий медвежонок с письменного стола. Она подошла к нему, подняла, интуитивно подула, будто тот был живой, и поставила на место. Глаза медвежонка и впрямь были похожи на человеческие — уставшие и печальные. Констанция Станиславовна взяла его и прижала к груди. Постояв так какое-то время, она вновь посадила его на стол.

Слеза вдруг покатила по её щеке. Она почувствовала на душе такую горечь, какую

чувствуют при утрате близкого человека.... Правильно ли она воспитала свою дочь? Не слишком ли она была строга? Почему-то в голову пришли к ней эти мысли. Возможно, своей принципиальностью и консервативностью она задавила её личность, не дав сколько нужно любви, тепла и заботы. Ведь, по сути, она не знает хорошо Анжелику. Она никогда не разговаривала с ней на темы, которые каждая мать обязана обсуждать со своей взрослой дочерью. Она не знает, о чём Лика мечтает на самом деле. Не знает, нравится ей какой-нибудь парень. Она не в курсе, сколько у неё друзей.

Констанции Станиславовне стало вдруг так грустно, что захотелось разрыдаться. Она до сих пор не понимала, почему её материнское сердце так ныло в эту минуту....

— Ты где была? Я бегал по всему универу, тебя искал! — Ник бросился мне на шею, лишь только я вышла на улицу. — Что с тобой? На тебе лица нет!

— Всё нормально, не бери в голову, — монотонным голосом ответила я.

— Нормально? Да ты себя видела? Ты же бледная, как поганка! — Ник взял меня за руки. — Нет, нужно больше гулять на природе, воздухом свежим дышать. Точно! Решено: завтра едем на дачу!

— Какую дачу? — я не понимала, о чём говорит Ник.

— Самую обыкновенную: с лесом, с баней и шашлыками, которые превосходно готовит ваш верный слуга! — отчеканил Ник.

— У тебя есть дача?

— У меня пока нет. Но дача есть у одного моего хорошего друга, — настроение Ника было прекрасное, и мне не хотелось его портить, так что я держалась из-за всех сил, чтобы не расплакаться, а причина тому была, поверьте! — Мне нужно позвонить! Подожди минутку! — Ник опустил мои руки и отошёл с телефоном в сторону.

До меня доносились обрывки фраз — Ник договаривался по поводу дачи. Мне же было не до этого. В ушах до сих пор стояли слова Хворостовой: «Пришло время расплаты!» Неужели это происходит на самом деле и уже завтра я должна умереть — не могла я до сих пор поверить!

— Всё! Договорился! — Ник подбежал ко мне и поднял меня на руки и закружил. — Завтра едем на пикник. Ты не рада? — лицо его сияло.

— Почему же? — я попыталась выдавить улыбку. — Очень рада! Правда....

— Ну, всё же где ты была? Мне сказали, ты зашла в универ вместе с этой вашей...как её...Тортиллой.

— Да! — оборвала я его. — Мы разговаривали в конференц-зале.

— Постой! — Ник опустил меня на землю. — Я заходил туда. Там никого не было.

Я побледнела ещё больше.

— Как никого? Мы были там. Мы заперли дверь изнутри, чтобы никто не мешал разговору!

— Да нет же, говорю, я заходил туда. Там было темно и пусто, — настаивал Ник. — Ладно. Не важно. Не хочешь — не говори. Ты же не с парнем была, а с подружкой. Смотри, я очень ревнивый! Увижу тебя с другим — ты труп! — лицо Ника стало вдруг серьёзным.

Я всё ещё не понимала, что происходит....

— Честно говоря, я немного устал! Зато концерт прошёл как надо! — Ник ждал от меня поддержки.

— Да! — ответила я, продолжая думать о своём.

— Да? И это всё что ты можешь сказать? После того, как я посвятил тебе одной все свои

песни! — Ник смотрел мне прямо в глаза.

— Прости. Я задумалась, — вновь попыталась я улыбнуться. — Ты пел превосходно!

— Нет, с тобой явно что-то не то сегодня.

— Я тоже немного устала. Завтра, надеюсь, отдохну.

— Хорошо! Я отвезу тебя домой! — Ник взял меня за руку и потащил к байку.

Через полчаса мы подъехали к дому. Я не хотела, чтобы мама видела меня на мотоцикле, поэтому к моему дому Никита никогда не подъезжал, останавливаясь немного поодаль, у соседнего.

— Спасибо за вечер. Я пойду, — пыталась я высвободить свою руку из рук Ника. Он же не спешил меня отпускать.

— Когда ты меня познакомишь со своей мамой? — лицо его было серьёзнее некуда. — Я не хочу больше вот так прятаться. Я хочу, чтобы у нас всё было по-настоящему.

— Я обязательно вас познакомлю... — я запнулась, — чуть позже.

— Хорошо! — улыбнулся Ник и отпустил мою руку.

Я ушла, ни разу не обернувшись. Ник вернулся к своему байку. Сел на него, но не спешил уезжать. Сердце его колотилось, какое-то новое непонятное чувство, до этого совсем не знакомое, овладело им. Он был возбуждён. Нервные импульсы, словно ток, бегали по всему телу, доставляя невероятное удовольствие. Ник закрыл глаза. Образ Анжелики тут же возник перед ним. Нику было так хорошо, как никогда. Хотелось кричать на весь мир... «Неужели это и есть та самая любовь...» — думал Ник.

— Почему так долго? Я волновалась! — мама с порога обняла меня. Это было впервые. Я растерялась и не знала, что ответить.

— Я заболталась с Наташей, опоздала на автобус... — начала я оправдываться.

— Понятно! — успокоилась мама. — Ужинать будешь?

— Спасибо, я не голодна, — сдерживая слёзы, ответила я и направилась в свою комнату.

— Звонила Аня Хворостова. Так что про дачу я знаю! — мама улыбалась.

Я застыла на месте.

— Как знаешь? — голос мой предательски задрожал.

— Анечка сказала, что завтра вы едите к ним на дачу с ночёвкой. Она попросила тебя отпустить. Я очень рада, что вы, наконец, подружились. Она очень хорошая девочка, и семья у неё приятная. Так что волноваться я не буду. Можешь спокойно ехать!

Я не знала, что и думать. Хворостова и здесь успела. Она сделала всё за меня.

Я вошла в комнату, уткнулась в подушку и дала волю чувствам. Слезы душили меня. А бедное сердце разрывалось! Как же я запуталась в своей жизни! Что же я натворила!!!

— Разве ты не этого хотела? — вдруг услышала я голос.

Оторвала голову от подушки — возле раскрытого окна стояла та, о ком я продолжала думать: Хворостова ... или это была Улия. Растрёпанные длинные волосы развевались от сквозняка, гуляющего по комнате. Она была в своём страшном чёрном балахоне.

— Как ты попала сюда? — полушёпотом спросила я.

— Девятый этаж для меня не проблема! — ответила та. Тут я увидела в её руке метлу и сама поняла. Хворостова поставила свой транспорт возле стены, закрыла окно, подошла к моей кровати и присела рядом со мной. — Пришла поговорить с тобой, хотя не должна этого делать! — Аня тоже шептала.

Я рукавом вытерла слёзы.

— Кто ты? — набравшись храбрости, спросила я.

— Любовная ведьма! — как проклятье произнесла Хворостова.

— Любовная ведьма? — я впервые слышала нечто подобное.

— Да и по совместительству продавец-консультант, — ухмыльнулась та. — Я ищу таких, как ты и заключаю с ними сделку.

— Таких, как я? — я не понимала, что со мной не так.

— Помешанных на любви, точнее на объекте своей любви... — объяснила Хворостова. — Готовых продать душу дьяволу ради одной ночи... — она запнулась, — неужели это стоит того? Никогда не могла понять!

Я перестала плакать. Но коленки продолжали трястись от страха. Я смотрела на свою бывшую подругу и не узнавала её. У неё был совсем другой взгляд — взгляд человека, повидавшего многое в своей жизни, взгляд не восемнадцатилетней девчонки, а женщины намного старше.

— Слышала, про третьекурсницу, которая осенью разбилась на машине? — продолжала Хворостова.

Я кивнула.

— А про студентку с юрфака, которая выпала недавно из окна двенадцатого этажа?

Я вновь кивнула — об этой трагедии даже в новостях говорили.

— А старшекурсница, что повесилась летом? Мои клиентки! — будто хвастаясь, произнесла Хворостова. — А знаешь, сколько таких по Москве. Каждая третья молодая девушка, погибающая вот так нелепо в расцвете лет.

Я сидела, открыв рот, и боялась даже пошевелиться.

— И всё ради любви! Смешно и глупо! — сама с собой говорила Хворостова. — Ради человека, который вряд ли пожертвовала бы своей жизнью для одной из них! Ради парня, которого они толком не знали! Разве это не безумие? Не сумасшествие? — Аня посмотрела на меня, будто ждала оправдания.

Я опустила глаза. Что я могла ей ответить? Разве бы она меня поняла? Что она может знать о моих чувствах? Я не жалела о том, что сделала. Я бы сделала это снова!

— Королева забирает ваши души не одну сотню лет. И неплохо выглядит, заметь! — вновь ухмыльнулась Хворостова. — И она будет жить ещё тысячу лет, пока существуют такие безумные!

Я не хотела больше её слушать. Её обвинения оскорбляли меня.

— Это всё, что ты мне хотела сказать? — оборвала я её монолог.

— Ты, как никак, моя подруга. Ты отличаешься от других. Никак не могу понять, почему моё сердце болит, когда я думаю о тебе, почему мне тебя жалко?

— Не надо меня жалеть! — я высоко подняла голову и выпрямила плечи! — Тот, кто никогда не любил, не может понять боли из-за неразделённой любви!

— Так может, ну её, такую любовь! — Хворостова не сводила с меня глаз.

— Уходи! — я встала с кровати и пальцем показала ей на окно. — Я ни о чём не жалею! Хворостова встала с места и направилась к окну. Напоследок она обернулась:

— Ты не умрёшь, если тот, ради кого ты сделала это, вернёт твою душу! — улыбнулась она. — А пока она будет здесь, в этом плюшевом капкане! — Хворостова подошла к письменному столу и щелкнула плюшевого медвежонка по носу. — Сорок дней — это срок, отведённый проклятием медвежонка... или проклятием «Медведя»? — сказала она уже себе под нос.

Она взяла метлу, открыла окно и, даже не обернувшись, шагнула в темноту...

Я не спала всю ночь. Даже не ложились. Я сидела на кровати, обняв себя обеими руками, и смотрела на портрет Ника. Думаете, я сомневалась в своём решении? Ни капли! Сомнение ни на минуту не пришло ко мне. Наоборот, я была благодарна Нику за то короткое счастье, которое он подарил мне...

Зазвонил телефон. Номер был Макарского. Я ответила.

— Алло! Лика, привет! — голос его был весёлый и доброжелательный. — Надеюсь, не разбудил?

— Нет! Я не спала!

— Я хотел сказать «спасибо»... — он запнулся.

— За что? — не могла я понять, что я такого сделала.

— Благодаря тебе, я кое-что осознал... Мне позвонила Вероника... — он замолчал.

Я тоже молчала, не зная, что ответить.

— Мы помирились. Я улетаю обратно в Лондон! Прости меня за всё!

— За что? Ты мне ничего плохого не сделал!

— Не сделал? Как же! — было слышно — Макарский усмехнулся. — Да я доставал тебя со своим чувствами, совсем не думая о твоих! Я вёл себя как последний придурок, эгоист! Так что — прости!

— Ладно! Тогда и ты меня прости!

— Тебя за что?

— За то, что не ответила на чувства эгоиста.

— Значит, дружба? — голос на другом конце провода заметно повеселел.

— Дружба! И я тебя поздравляю! — я была искренне рада за Севу, камень с души упал — я чувствовала себя немного виноватой перед ним за то, что не могла принять его любовь. — А как же институт? И твой отец? Он разве не против?

— Он ещё не знает. И не ты ли мне говорила, что, если любишь, надо бороться? Разве нет? — Макарский ждал от меня поддержки.

— Да! Ты принял правильное решение! — я улыбнулась. — Если любишь — надо бороться!

— Вот поэтому «спасибо». Я сам виноват, что потерял Веронику. Но больше я не допущу этого! Никогда!

— Я уверена, что у вас будет всё отлично! — дала я Макарскому своё «благословение». — Ты очень хороший! Правда! И благодаря тебе я тоже кое-что поняла! Так что и тебе «спасибо».

— Прощай! — я положила трубку. Хоть кто-то счастлив — думала я. И тут вспомнила про Наташу. Как же она воспримет эту новость? И ещё Ник просил пригласить её на дачу. Я набрала её номер.

— Ура!!! — Наташин крик чуть не оглушил меня. — Как я люблю вечеринки на свежем воздухе!

— Это не вечеринка. А пикник! — ответила я.

— Не важно! Если будет шашлык, шампанское и симпатичные мальчики, значит, вечеринка! — настаивала та на своём. — Кстати, кто там ещё будет?

— Я не знаю, — растерялась я. — Стас, Кир, может быть, кто-то ещё.

— Ну, да! Для тебя ведь главное, что будет твой Домбровский. Что ты с ним такое всё-таки сделала, что он не отходит от тебя ни на шаг.

— Ладно! Я скоро буду у тебя. Мы договорились с Ником, что он заедет к тебе, чтобы не засветиться.

— Окей! Я жду! Только не надевай свой спортивный костюм, ты в нём похожа на старуху. Лучше джинсы! — Наташа была в своём репертуаре.

— Договорились!

Последний день...

Мама спокойно отпустила меня, думая, что я еду с Аней Хворостовой, в которой она души не чаяла. Так что спустя два часа мы отъезжали от Наташиного дома, направляясь на дачу. Я ехала с Ником на его байке. Наташу же захватили Кир и Стас Миксонов.

Дача находилась за городом. Собрав все пробки, которые в субботнее утро просто парализовали город, часа через три мы добрались до места. Это был небольшой дачный посёлок элитного типа с охраной и въездом по пропускам. У ворот нас встречал хозяин дачи — одноклассник и друг Ника, Артём, тот самый с аэродрома. Они с Никитой обнялись по-мужски. Затем Артём проделал тоже самое с Киrom и Стасом. Увидев меня, хозяин «вечеринки» заулыбался.

— Анжелика, рад снова тебя видеть! — он по-джентельменски поцеловал мне руку.

— Стаса и Кира ты знаешь, — сказал Ник, — а это — подруга Лики — Наташа, — показал Ник на открывшую рот мою безумную подругу.

— Рад знакомству, — поцеловал он и её руку. — Ну что ж. Добро пожаловать в мои владенья. Уже все собрались, но без вас не начинаем. Дамы, только после вас! — уступив нам дорогу, поклонился Артём.

Я открыла калитку и по мощёной плиткой тропинке направилась в сторону дома. Он был огромным, в три этажа, и полностью из дерева. Резными ставнями и острыми башенками чем-то напоминал терем из сказки. Дом был крайним и ближе всех к лесу, который начинался прямо за ним. Огромные ели и сосны, в несколько раз выше дома, окружали его, словно забором. Сам же терем утопал в зелени многочисленных деревьев, растущих в саду. И воздух! Он был чистым и манящим сладостным ароматом клематисов, которые ярко-фиолетовой паутиной окутали стены дома, образуя над входной дверью цветочную арку. Это было точно, как в сказке!

Открылась входная дверь и все замерли от ужаса — прямо на нас с огромной скоростью летели два огромных албанца. Ник загородил меня собой.

— Не бойтесь! Они безобидные! — крикнул Артём. Собаки подбежали к нему и начали ласкаться. — Ну, чего, халявщики, людей пугаете? — гладил он собак по очереди. — Никакого толку от них — заходи, кто хочет, всем рады. Да? Тимон? Правильно говорю, Пумба?

— Да, ты бы ещё их Чип и Дейл назвал! — улыбался Миксер. — Не мудрено, что они безобидные.

— Ладно, — открывал перед нами двери дома Артём, — заходите.

В доме было много молодёжи: человек десять-двенадцать. После взаимного обмена приветствиями, все разбрелись по своим делам.

— Вот это красавчик! — толкала меня в бок Наташа. — И ты скрывала от меня такого друга?

— Это друг Ника, а не мой. Я сама его второй раз вижу.

— Слушай, а у него девушка есть? Или он в поиске, как и я?

— Без понятия, — буркнула я.

— Ну, так спроси у Домбровского.

— Наташа! Наташа! Ты неисправима! Ты же недавно говорила, что Макаровский — твоя вторая половинка, — неодобрительно покачала я головой.

— Ты же сама сказала, что Макаровский канул в лету. Так что моё сердце вновь свободно. Только не говори, что ты не поможешь своей лучшей подруге обрести счастье.

— Ладно! — хлопнула я её по плечу. — Как будет возможность, спрошу об этом у Ника.

— Вот и он, лёгок на помине, — кивнула Наташа в сторону приближающегося к нам Никиты.

— Не скучаете? — Ник обнял меня за талию и поцеловал в щёку. Я почувствовала, как обе щеки запылали. — Я помогу Артёму с шашлыками. А вы помогите девчонкам на стол накрыть. Идёт? — Ник ещё крепче стиснул руку.

— С одним условием! — выпалила Наташа. — Если ты скажешь, есть ли среди этих девчонок вторая половинка вон того красавчика, — Наташа показала пальцем на Артёма, разжигающего во дворе мангал.

— Насколько я знаю, — задумчиво произнёс Ник, — Артём в активном поиске.

Наташа хлопнула в ладоши.

— Но, — Ник поднял вверх указательный палец, — боюсь, ты не в его вкусе!

— Это почему же? — скривила рот подруга.

— Артёму нравятся скромные и застенчивые девушки, как Анжелика! — Ник вновь поцеловал меня.

— Что? — Наташа разозлилась. — Ты хочешь сказать, что я не такая? Да я сама скромность! — при этих словах она хотела ударить Ника сумкой, но тот ловко увернулся. Наташа попыталась сделать это ещё раз, но Ник, смеясь и подзадоривая её, прятался за меня.

В тот миг я смотрела на двух самых близких для меня людей и, видя их задорный смех и прекрасное настроение, сама была счастлива. Я была благодарна подруге за то, что она всегда поддерживала меня и не предавала. Я была благодарна Нику просто за то, что он был.

Время пролетело незаметно. День подходил к концу. Вся компания, укрывшись пледами и одеялами, потому как к вечеру заметно похолодало, не спешила покидать сад и просила Артёма ещё что-нибудь сыграть на гитаре, которую тот уже больше часа не выпускал из рук.

— А почему я? — отнекивался тот. — У нас тут присутствуют настоящие звёзды. Пусть они и поют!

— Э нет! — вытягивал слова Миксер, обнимающий девушку и потягивающий пиво из бокала. — У звёзд сегодня выходной!

Только Кир держался сегодня скромно. Он сидел в стороне с бокалом вина в полном одиночестве, наблюдая за всеми со своего укромного места.

— Как? Вы поёте? — тут же зацепилась за слова новая пассия Стаса.

— Да! — выдал тайну Артём, которую ребята хотели сегодня скрыть. — А Ник — у нас главный солист группы «The Bears». Не так ли, Ник? — хлопнул Артём Никиту по плечу.

Я сидела на соседнем от Ника стуле и видела, как у Олеси — девушки, что сидела по другую руку от него и сверлила моего любимого весь день взглядом, заблестели глаза.

— Почему «Медведи»? — спросила она, положив руку на колени Ника. Как же в ту минуту мне хотелось наброситься на неё с кулаками! Я еле сдерживалась.

Ник убрал с коленей руку, на её счастье, и подвинулся ближе ко мне.

— Не знаю! — ответил он. — «The Bears» — неплохо звучит, а медведи — сильные и

выносливые!

Наглая девица не хотела сдаваться, подвинув стул ближе к Нику.

Наташа, которая весь день не отходила от Артёма и сидела в пяти сантиметрах от него, напряглась.

— Докажешь? — глаза Олеси блестели как у кошки в темноте.

— В смысле?

Та поднялась с места, выхватила из рук Артёма гитару и протянула её Нику.

— Спой!

Ник колебался. Это был своего рода вызов. Было видно, что он не может принять решение.

— Ник поёт, только когда я его попрошу! — неожиданно для себя вдруг сказала я, взяв при этом Ника за руку.

Девица смутилась. Ник же без колебания взял гитару.

— Эта песня посвящается девушке, которую я искал всю жизнь и, наконец, нашёл, — сказал Ник, смотря мне в глаза.

Это были те самые слова, которые я мечтала услышать....

— Не даёт покоя чей-то пристальный взгляд —

Я никак не разберусь: это друг или враг.

Мне опять не уснуть в эту тёмную ночь,

Может, смотрит моя тень, может быть, чья-то дочь...

— Может, всё-таки да, а, может быть, и нет,

Но я жду-не дождусь, когда наступит рассвет.

Я под утро усну, но в каждом сне подряд

Мне не даёт покоя чей-то пристальный взгляд.

Мне не даёт покоя... — пел Ник.

Эту песню я могла слушать вечно...

Все гости сидели, затаив дыхание. Прекрасный голос Ника, эхом звучавший в ночной тишине, заставил замолчать даже птиц, до этого не смолкавших ни на минуту, ревновавших непрошенных гостей к своему саду, где они были полноправными хозяевами.

Дальше всё происходило для меня как в тумане. Я была под впечатлением от песни, посвящённой мне, от слов Ника, заставивших моё сердце биться сильнее.

Я не заметила, как мы оказались наедине в комнате.

— Это правда? — чуть слышно спросила я.

— Ты о чём?

— Те слова, что ты сказал в саду.

— О том, что долго искал тебя? — Ник скрипнул ключом в замочной скважине, подошёл к кровати и сел на край. — Правда, — целуя меня в плечо и опуская бретельки майки, ответил он.

Скоро он был уже во мне....

Я заснула рядом с любимым. Первый раз. И последний....

Проснулась посреди ночи от чувства жажды. Внутри меня всё пылало, горело, обжигая тело.

В комнате было темно. Лишь один луч от яркого света луны нашёл щёлку через плотно закрытые шторы. Благодаря ему можно было разглядеть, что творилось вокруг.

Я окинула взглядом кровать. Ник лежал рядом. Его обнажённое крепко тело было едва

прикрыто простыней. Я ещё раз оглядела его с ног до головы, чувствуя при этом приятное покалывание внизу живота. Чёрные блестящие пряди волос закрывали половину лица Ника. Я поправила их за уши, нагнулась ещё ниже и нежно дотронулась до его лба губами. Ник пошевелился, но не проснулся.

Я встала, нащупала тапочки, оделась и вышла из комнаты.

В доме стояла гробовая тишина. Лишь бой настенных часов в каминной комнате нарушал её. Какая-то неведомая сила тянула меня на улицу.

Я вышла. Снаружи было светло как днём из-за огромной круглой луны, которая сразу бросилась мне в глаза. Пугающий зловещий иссиня-жёлтый цвет хозяйки ночи заставил содрогнуться.

От жара не осталось и следа. Наоборот, я чувствовала, как сначала спина, а потом и всё тело покрываются мурашками от холода. Я обняла себя двумя руками, чтобы хоть как-то согреться.

Ноги сами несли меня к лесу. Ветки деревьев, казавшиеся чёрными в темноте ночи, шевелились на ветру, будто открывая передо мной двери в мир иной, не видимый глазу человека.

Мне было страшно... И в то же время спокойно....

Я медленно ступала на землю, словно боясь нарушить умиротворённую тишину, стоящую вокруг. Лишь изредка вдалеке слышалось гукание совы и вой незнакомого зверя.

Я остановилась возле небольшого пруда. Гладь воды отражала всё как в зеркале. Напротив своего отражения я увидела ещё одно. Подняла глаза. На противоположной стороне стояла Хворостова.... Чёрный её балахон слился с темнотой. Как и растрёпанные волосы. В руках у неё была метла, а в глазах — всё тот же страшный блеск. Она казалась жалкой и растерянной. Но уже ничего не могла изменить....

Я шагнула в воду. Последнее, что я помню, тот испепеляющий взгляд....

Эпилог

Жизнь так коротка, а судьба непредсказуема. Прошло полгода.... Кажется, совсем немного, но, на самом деле, шесть месяцев способны изменить жизнь.... Все герои моей истории нашли своё счастье, о котором мечтали.

Всеслав Макарский вернулся в Лондон к той, которую любил. Отец его смирился с выбором сына и больше не пытался лезть в его жизнь....

Моя дорогая, моя безумная подруга Наташа обрела своё счастье рядом с Артёмом, которого теперь считала своей второй половинкой. И тот был совсем не против.

Кирилл Слепнёв и Стас Миксонов стали, как и хотели, известными музыкантами. Попае на одно из модных в наше время реалити-шоу, они покорили судей. И теперь покоряли страну.

Лера Французова, экс-«мисс университет 2012» получила желанную корону и представляла нашу страну на конкурсе «Мисс Вселенная».

Только в нашей группе, теперь уже «Л-102», ничего не изменилось... Цирцей Лютикова, Белова и Кондратюк продолжали мнить себя богинями и издеваться над простыми смертными. Наш оратор и народный вещатель Лёня Васильков всё так же учил жизни. Профессорша древнерусской литературы Аделина Игнатъевна в очередной раз злорадствовала по поводу несданных вовремя курсовых работ. Литвинов Сергей Михайлович читал лекции по этике, а Глафира Аркадьевна — по философии....

Лишь один человек оставался несчастным.... Тот, кто больше всего хотел счастья....

Мой Ник...

— Никита! — обратилась к нему главная медсестра больницы. — Тебе нельзя столько работать. Весь зелёный уже. Чего доброго — свалишься с ног, а мне за тебя отвечай! Больше не разрешу тебе две смены подряд.

— Всё нормально, Ирина Евгеньевна. Я совсем не устал.

— Ну, конечно, — медсестра положила ручку, которой только что делала записи в приёмном журнале и, поправив очки, посмотрела на юношу. — В больнице столько санитаров, а я вижу только тебя каждый день! Я вообще не понимаю: здоровый, симпатичный парень. И что ты здесь вкалываешь целыми днями за три копейки?

— Вам не понять! — ответил тот.

— Да где уж мне, старухе? — улыбнулась та.

Ник улыбнулся в ответ.

— Ладно! — растаяла Ирина Евгеньевна от его улыбки. — Иди уже домой, отсыпайся.

— Сначала мне нужно решить одно важное дело! — ответил Ник.

— Ох, молодёжь! — медсестра покачала головой, взяла ручку и продолжила своё занятие.

Ник вышел из больницы, осмотрелся, поднял воротник своего чёрного пальто и пошёл в сторону автобусной остановки. Он изменился. Короткая стрижка была ему к лицу. Холодный ноябрьский ветер развеивал полы его пальто, заставляя Ника ёжится. Изменилась и походка. Она не была такой уверенной и развязной, как раньше. Он осторожно переступал с ноги на ногу, будто маленький ребёнок, делающий свои первые шаги. Изменился и взгляд. В его глазах не было того блеска, с которым он раньше смотрел на мир, считая себя хозяином жизни. Он будто понял самое главное, что жизнь диктует свои правила, которым мы обязаны подчиняться.

Ник смотрел вокруг и не узнавал ничего. Только вчера он шёл в больницу по серой грязной тропинке парка, окружённого полинялыми деревьями, стоявшими как на плацу по стойке смирно. Сейчас же они склонились перед ним под тяжестью первого снега, который, как всегда бывает, выпал за ночь неожиданно и на месяц вперёд. Снег скрипел под ногами, напоминая противный звук скрежета металла по стеклу.

По дороге Ник зашёл в цветочный магазин и вышел оттуда с огромным букетом роз.

Автобус подошёл через пять минут. И уже через час Ник стоял перед огромными резными воротами с милыми ангелочками, вырезанными по всему периметру. Он всё ещё не решался переступить невидимую черту между двумя мирами: тем, где был он, и тем, где была я....

Меня похоронили за одной могильной оградой вместе с папой и бабушкой на городском кладбище, куда я так любила приходить с мамой....

Наконец Ник решился. Он собрал все свои силы и сделал шаг вперёд. Первый шаг за эти полгода. Он без труда нашёл мою могилу с огромным памятником во весь рост. Он разговаривал со мной, совсем как я говорила с его портретом, висевшим над моей кроватью. А я только улыбалась ему в ответ. Что я могла сказать? Всё что хотела, я сказала в своей прошлой жизни. Слезы одна за другой покапали из его глаз. Ник сел передо мной на колени. Пророческие слова сбылись. Он был у моих ног....

— Я люблю тебя! — чуть слышно прошептал он.

— Зачтено! — из-за могильного памятника напротив вышла та, которая совсем недавно была моей подругой. — Ох, до чего же мужики — тупой народ! — разговаривала она сама с

собой. — Говорила же, что жизнь любимой в его руках. Ну, намекала же! А? Нет, только через полгода понял, что нужно сделать. И то во сне! — развела Хворостова руками. — Ну, ладно, так и быть, по благу, как для подруги! — она вытащила из кармана ручку, блокнот с синим медвежонком на обложке, открыла его на нужной странице и оставила запись: «Анжелика Синицына: дело закрыто».

— Ник! Ник! — толкал его кто-то в плечо, — да проснись же, наконец!

Ник открыл глаза. Осмотрелся — он был в больнице. А та самая Ирина Евгеньевна, с которой он недавно попрощался, трясла его за плечи.

— Ну, просыпайся!!! — она почти кричала.

Ник спросонья не мог понять, чего она хотела.

— Где я? Что случилось?

Медсестра продолжала трясти его, как заведённая.

— Анжелика...она...

— Что???? Нет!!! Этого не может быть!!!! Я не верю!!!! — Ник закрыл лицо руками и зарыдал.

— Да что ты ревьешь? Она очнулась!!! — кричала медсестра.

— Как? — Ник не верил её словам. — Но Илья Андреевич сказал, что после шести месяцев комы вряд ли есть шанс...

— Ну, знаешь ли, Илья Андреевич не всевышний! — улыбнулась Ирина Евгеньевна. — Ну что ты сидишь? Беги скорей!!!

Через минуту Ник дрожащей рукой открывал дверь палаты.

— Лица... — только и смог сказать он.

Я улыбалась, прижимая к груди синего плюшевого медвежонка, который всё это время был рядом со мной. В дверях стоял Ник, которого я знала. Это был точно он.... Мой Ник....

Да, жизнь коротка.... Цените каждую её минуту.... Берегите своих близких.... И верьте, несмотря ни на что....

Больше книг на сайте — Knigolub.net